

ISSN 0321—0561

В МИРЕ КНИГ

3

89

«Три силуэта»

В «Писательской приемной» Николай Самвелян рассказывает о встрече с Виктором НЕКРАСОВЫМ.

Фото Н. КОЧНЕВА

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

В МИРЕ КНИГ

Ежемесячный журнал Государственных комитетов СССР и РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли

Издается с 1936 года

Москва

АДРЕС РЕДАКЦИИ:
129272, Москва,
Сущевский вал, 64

ТЕЛЕФОН ДЛЯ СПРАВОК:
281-50-98

Сдано в набор 30.12.88
Подписано в печать 2.02.89
А03152
Формат 84×108 1/16
Физ. печ. л. 5,00+0,50+0,25
Усл. печ. л. 8,4+0,84+0,42
Уч.-изд. л. 12,55+0,98 вклейка
Усл. кр.-отт. 21,42
Печать глубокая и офсетная.
Тираж 151 000. Заказ 2922
Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфкомбинат Союзполиграфпрома при Госкомиздате СССР.
170024, г. Калинин,
проспект Ленина, 5

Содержание

НА ОБЛОЖКЕ:
В. Плейденвурф. Вид Нюрнберга. Раскрашенная ксилография. *(Фрагмент)*

К НОВЫМ БЕРЕГАМ

В марте исполняется 150 лет со дня рождения выдающегося русского композитора М. П. Мусоргского. В ознаменование этого события издательство «Музыка» начало выпуск уникального издания — 30-томного Полного академического собрания сочинений композитора. В нынешнем году увидит свет первый, вводный том. О замысле многотомника и его воплощении нашему корреспонденту рассказывает директор издательства, кандидат искусствоведения, композитор Л. С. Сидельников.

— Леонид Сергеевич, академическое издание — не слишком ли строгий дар многочисленным и таким разным ценителям творчества Мусоргского? Ведь не одним лишь музыковедам, дирижерам и режиссерам театров дорога его музыка...

— Поверьте, в этом нашем начинании нет ничего от юбилейной суеты. «Музыка» за годы своего существования (а нам уже минуло 125) издавала Мусоргского очень широко: оперы «Борис Годунов», «Хованщина» и другие в различных редакциях; вокальные произведения композитора, его сочинения для хора и оркестра; фортепианный цикл «Картинки с выставки», в том числе и факсимильное его издание; книги о жизни и творчестве, — всего не перечислишь.

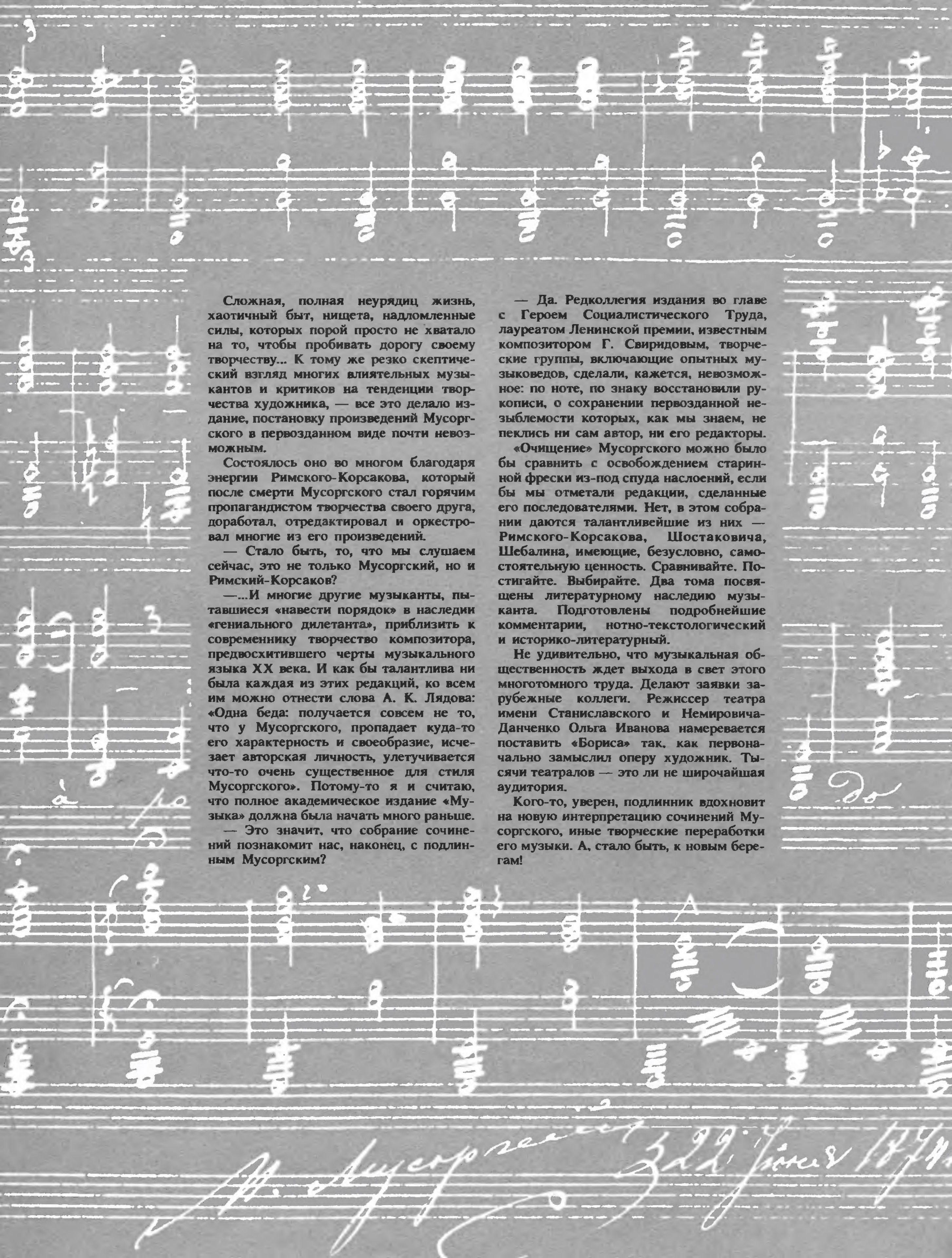
И верно ли считать, что раз академическое, то непременно для избранных? Так, наверное, полагали составители «безлимитного» 3-х томника Пушкина, выпущенного, так сказать, «для народа». Читайте, мол, здесь все основное, вам достаточно. А кто это за нас решил, что основное, а что второстепенное? Почему же мы, не литературоведы и не кандидаты филологических наук, с такой жадностью вчитываемся в черновики, варианты, наброски, пытаясь постичь первоначальный замысел гения, проследить, как в муках, противоречиях рождались «классические», хрестоматийные образы. И ждем встречи не с «лишними людьми», и не со «статьями» из «энциклопедии русской жизни», а со «своим Пушкиным».

— «Мой Мусоргский» — наверное, сложнее. Ведь далеко не все его произведения были завершены им самим.

— Композитор Б. Асафьев считал, что «вполне законченных и окончательно завершенных произведений у Мусоргского не было и быть не могло. В этом отношении музыкальное творчество являлось для него целиком жизненным процессом».

«К новым берегам бесстрашно, сквозь бурю, мели и подводные камни, к новым берегам» — композиторский манифест Мусоргского. Следуя ему, он ни на одно из своих произведений не смотрел как на нечто незыблемое.

Приходилось ломать замыслы и по воле «свыше». Когда комитет капельмейстеров и дирижеров Мариинского театра «забраковал» первый вариант «Бориса Годунова», композитор буквально вырывал страницы рукописи, менял местами сцены, переставлял действия,

Сложная, полная неурядиц жизнь, хаотичный быт, нищета, надломленные силы, которых порой просто не хватало на то, чтобы пробивать дорогу своему творчеству... К тому же резко скептический взгляд многих влиятельных музыкантов и критиков на тенденции творчества художника, — все это делало издание, постановку произведений Мусоргского в первозданном виде почти невозможным.

Состоялось оно во многом благодаря энергии Римского-Корсакова, который после смерти Мусоргского стал горячим пропагандистом творчества своего друга, доработал, отредактировал и оркестровал многие из его произведений.

— Стало быть, то, что мы слушаем сейчас, это не только Мусоргский, но и Римский-Корсаков?

—...И многие другие музыканты, пытавшиеся «навести порядок» в наследии «гениального дилетанта», приблизить к современнику творчество композитора, предвосхитившего черты музыкального языка XX века. И как бы талантлива ни была каждая из этих редакций, ко всем им можно отнести слова А. К. Лядова: «Одна беда: получается совсем не то, что у Мусоргского, пропадает куда-то его характерность и своеобразие, исчезает авторская личность, улетучивается что-то очень существенное для стиля Мусоргского». Потому-то я и считаю, что полное академическое издание «Музыка» должна была начать много раньше.

— Это значит, что собрание сочинений познакомит нас, наконец, с подлинным Мусоргским?

— Да. Редколлегия издания во главе с Героем Социалистического Труда, лауреатом Ленинской премии, известным композитором Г. Свиридовым, творческие группы, включающие опытных музыковедов, сделали, кажется, невозможное: по ноте, по знаку восстановили рукописи, о сохранении первозданной незыблемости которых, как мы знаем, не пеклись ни сам автор, ни его редакторы.

«Очищение» Мусоргского можно было бы сравнить с освобождением старинной фрески из-под спуда наслоений, если бы мы отметали редакции, сделанные его последователями. Нет, в этом собрании даются талантливейшие из них — Римского-Корсакова, Шостаковича, Шебалина, имеющие, безусловно, самостоятельную ценность. Сравнивайте. Постигайте. Выбирайте. Два тома посвящены литературному наследию музыканта. Подготовлены подробнейшие комментарии, нотно-текстологический и историко-литературный.

Не удивительно, что музыкальная общественность ждет выхода в свет этого многотомного труда. Делают заявки зарубежные коллеги. Режиссер театра имени Станиславского и Немировича-Данченко Ольга Иванова намеревается поставить «Бориса» так, как первоначально замыслил оперу художник. Тысячи театралов — это ли не широчайшая аудитория.

Кого-то, уверен, подлинник вдохновит на новую интерпретацию сочинений Мусоргского, иные творческие переработки его музыки. А, стало быть, к новым берегам!

Latvijas grāmatai 400

«НЕАКТУАЛЬНЫЙ» ЮБИЛЕЙ

Latvijas grāmatai 400

Для участия в конференции «400 лет книжного дела в Латвии» прибыли книговеды и историки, филологи и библиографы, философы и социологи из Москвы и Ленинграда, Литвы и Эстонии, Польшы, ФРГ, Швеции. Круг дискуссионных вопросов охватывал развитие издательского дела, полиграфии и книжной торговли на территории Латвии с XVI века до наших дней, роль Риги как крупного центра издательского дела, посредническую миссию всей Прибалтики в культурных связях между Западной Европой и Россией.

...По утрам к гостинице, куда поселили гостей, подавался автобус, чтобы никто не опоздал к началу очередного мероприятия, проходившего то в выставочном зале «Латвия», то в конференц-зале республиканской Академии наук. Вовремя отправиться в путь не удалось ни разу: пассажиры (специалисты-книговеды, завзятые библиофилы) нарушали расписание, оправдываясь каждый раз тем, что далеко за полночь... засиделись у те-

Николаус Моллин — первопечатник рижский — стал городским типографом в 1588 году. За тридцать семь лет работы в своей типографии он выпустил сто восемьдесят книг на немецком, латинском, шведском и латышском языках.

левизора. Нет-нет, они не лукавили. Местный канал телевидения позволил «из первых рук» получить обширнейшую информацию о бурной общественной жизни республики. Приковывали к экрану репортажи о митингах и демонстрациях; организованные в «живом» эфире многочасовые дискуссии представителей Народного и Интернационального фронтов. Будоражили экологические проблемы, межнациональные разногласия, вопросы о хозрасчете и «мигрантах», республиканском гражданстве, таможне и валюте. Конструктивные предложения и экстремистские лозунги, причудливо переплетаясь, обрушивались на телезрителей.

Живая жизнь ярко и однозначно демонстрировала тот факт, что книге сегодня нелегко выдержать конкурентную борьбу с другими средствами массовой информации, удержать свое «место под солнцем». Хотя местные социологи с упорством, достойным лучшего применения, и сейчас утверждают: чтение в Латвии занимает первое место среди занятий в часы досуга.

Конференция ученых по поводу юбилея латышской книги задумывалась «достаточно академической». Задачей было широко и полно осветить ее историю, для которой характерны три крупных периода. Первый — до середины XIX века, когда особенно остро чувствовались последствия агрессии «псов-рыцарей», задержавшей надолго расцвет латышской письменности; второй — конец прошлого столетия, отмеченный «общеидеологическим развитием», и третий — начиная с рубежа веков — «этап нормального функционирования печатного слова культурной европейской нации».

О Моллине книговеды вспоминали часто. Отдавали должное заслугам этого рижанина голландского происхождения, издававшего первые трактаты местных просветителей, календари, учебники, но отмечали и то, что собственно латышской (не только по месту выпуска, но и по языку) была лишь одна его книга — увидевший свет в 1615 году сборник традиционных текстов для богослужения. Николаус Моллин заложил основы местной полиграфии.

К середине прошлого века издательское дело в Латвии еще, в основном, находилось в руках остзейской буржуазии. Исследователь Алексей Апинис в предисловии к вышедшему в канун конференции сборнику научных книговедческих работ обращает наше внимание на то, что истинными основоположниками латышской национальной книги стали младолатыши: «численно небольшая группа получивших высшее образование радетели свободы и просвещения народа». Им удалось осуществить далеко не все свои начинания, ибо мешало безденежье, цензурные запреты.

Так или иначе, латышское книгоиздание за относительно короткое время смогло выйти на передовые рубежи. Книга в Латвии стала активной участницей народного возрождения, политических и общественных перемен.

...Академическому книжному празднику не суждено было стать в нынешней Риге оазисом «тишины и согласия». Ближайшую историю латышской книги теперь далеко не все исследователи называют «золотым веком». Статистика утверждает, что насыщенность книгой в Советской Латвии — из самых высоких в мире. У одних такое сообщение вызывает самодовольную улыбку, у других твердое желание доказать, что неразумно тратить бумажные ресурсы на случайные, порой никому не нужные издания.

Вот точка зрения Я. Е. Блуки, возглавившего не так давно Латвийское производственное объединение издательств, полиграфии и книжной торговли: — Что значит демократизировать издательский процесс? Я думаю, нам надо всячески поощрять и поддерживать те государственные учреждения и общественные организации, которые хотят выпускать литературу.

Согласимся, что это один из возможных путей пробудить в издателях дух состязательности, удовлетворить разнообразные читательские интересы.

Всем участникам книговедческой конференции вручили памятный сувенир — воспроизведенный на красочной открытке титульный лист «Приветственной песни», адресованной в 1588 году польскому королю Сигизмунду III. Почему именно этот «документ»? Все просто: «Приветственная песня» — первое рижское печатное издание.

...Сквозь призму времени многое видится точнее и объемнее. Книгоиздание развивается по восходящей только вместе с общественным сознанием. В этом смысле сейчас для книги в Латвии, как и в других республиках, обнадеживающие перспективы.

Аркадий БЕДЕРОВ

Latvijas grāmatai 400

Latvijas grāmatai 400

В этом году издательство «Книжная палата» выпустит в свет однотомник произведений Виктора Платоновича Некрасова, а в «Библиотеке журнала «Знамя» (издательство «Правда») выйдет сборник его рассказов и завоевавшая широкую известность повесть «В окопах Сталинграда». Лучшая память о писателе — вернуть читателям его книги. «Ангел справедливости всегда опаздывает, — сказал на вечере памяти Некрасова, состоявшемся в Центральном доме литераторов, Василь Быков, — признание пришло за пределами его жизни...» Издание книг Виктора Некрасова массовыми тиражами — это наше своеобразное покаяние. Пусть же читатель «Писательской приемной» так же расценит и эту скромную публикацию, рассказавшую о писателе. Другая история — о Зиновии Бабие. Одних это имя совершенно не заденет. Они его просто не слышали. Другим скажет многое. Выдающийся советский певец, выступавший на ведущих сценах мира, рано ушедший, «сгоревший». Недавно выпущенная «Мелодией» пластинка Зиновия Бабия мгновенно разошлась. Собеседницей Николая Самвеляна стала молодой театральный режиссер Лолита Малакянц. Впрочем, о ней расскажет сам ведущий «Писательской приемной»...

СИЛУЭТЫ

ИНТРОДУКЦИЯ

Много лет назад достопочтенный Козьма Прутков торжественно сообщил человечеству: «Время подобно искусному управителю, непрерывно производящему новые таланты взамен исчезнувших». Ну что же, видимо, Козьма Прутков был уверен в том, что говорил. И как всегда, при всем при том немного ошибался. Вовсе не непрерывно производит время новые таланты, а порою со спотыканием и перебоями, как будто сердится на то, что подаренное им не по делу было использовано.

Об этом и о многом другом мы беседовали как-то раз с неожиданным гостем «Приемной» молодым режиссером Лолитой Малакянц. А речь шла об идее создания «Литературного театра». Но это должно стать вовсе не очередным чтением со сцены стихов и не актерской иллюстрацией известных литературных произведений. Речь скорее должна идти о своеобразном варианте «Декамерона»: нужна писательская импровизация.

— Расскажите прямо сейчас о двух-трех встречах, которые запомнились и чему-то научили. Но без подготовки, сразу же, — попросил меня режиссер.

Вот эти истории.

КРИК ЧАЙКИ

Теплоход «Колхида» уже готовился к отплытию, и какой-то загулявший пассажир, возникнувший на борту в последнюю минуту, крикнул мальчишке, стоявшему на пирсе:

— Парень, отвяжи веревку! Как же нам плыть, если пароход еще привязан к берегу!

Капитан, совсем не похожий на морского волка, с трубкой в зубах, но все же моряк, картинно схватился за голову:

— Обозвать швартовы веревкой!

— А что? — спросил гуляка. — Швартовы — это та же веревка, только в морском чине.

Капитан засмеялся.

Мы с Борисом Чубаром, в ту пору молодым журналистом, стояли у борта и махали беретами провожавшему нас Виктору Платоновичу Некрасову. Он был в лыжном костюме, кедах и вязаной шапочке. На плечи была наброшена штормовка из простого брезента. Голова чуть-чуть склонена к плечу, мудрые печальные глаза.

— Я похож на старого тощего гуся?

— На молодого! — крикнул Борис и, испугавшись, что совершил оплошность, попытался поправиться: — Вообще не похож!

— Мне не нужны комплименты. Знаю, что похож...

Капитан и этот диалог слушал с удивлением, затем трагично вздохнул: что-то ему во всем этом не нравилось.

А время было такое — одни вздыхали, другие смеялись. До падения Хрущева еще оставалось года два, мы все верили, что и на Марсе будут яблони цвести, а кукуруза вскоре вырастет даже на Северном полюсе, страну покроют первоклассные автодороги...

— Приятного плавания! Возвращайтесь!

— Вернемся! Не в Турцию же!

— А в Турции тоже есть кое-что интересное! — ответил Некрасов.

Попали мы на теплоход почти случайно. В ту пору в Ялте телевизоров то ли совсем не было, то ли были считанные единицы. Во всяком случае, в Доме творчества Литфонда они еще не водились. А мы очень хотели посмотреть трансляцию какого-то хоккейного матча, что тоже было внове и еще не надоело. Весь город знал, что на теплоходах телевизоры установлены. Но как попасть на борт? «Купите билет, — посоветовал Виктор Платонович. — Проигрывает всегда тот, кто никогда ни на что не решается...»

А до этого были долгие беседы в комнате Некрасова в Доме творчества Литфонда...

Мне очень досталось за повесть «Утро мечтателя». И, как теперь понимаю, поделом.

— Очередная попытка доказать, что в мире должен царить казенный оптимизм. Мы этого наслушались и начитались...

Зато Борису Чубару были сказаны самые добрые слова по поводу ковбойских рассказов. Ковбои действовали на фоне нашей жизни, запутывались в непреодолимых сложностях кабинетной реальности, стреляли без предупреждения в наглых управдомов, спасали пионеров от пионервожатых и ездили на волах в соседний колхоз, чтобы добыть солярки для тракторов.

— Пишите эти рассказы всю жизнь, — говорил Виктор Платонович, — никого не слушайте, если вам скажут, что это пустое. А один из них посвятите мне. Если, конечно, не жаль.

Запомнилось:

«...Когда Союз писателей исключил себя от Пастернака, кому он стал нужен?»

«...Шаляпин уехал еще и потому, что не мог вынести частых профсоюзных собраний. Профсобрания удобны безголосым: можно кого-нибудь в чем-нибудь заверять и с гулом бить себя в грудь, демонстрируя искренность...»

«Изобильный грим и парфюмерия — оружие реваншисток: то ли унылая осень подступает, то ли природа изначально красотой обделила».

Когда в коридоре слышались старческие, шаркающие шаги мамы Виктора Платоновича, мы мигом захлопывали импровизированный бар-чемодан огромных размеров, куда поместили стаканы с крымским вином. В общем, было хорошо и по-доброму. Вели себя как обычные заговорщики. И не понять было, кто задал такой тон. Скорее всего сам же Виктор Платонович.

Поздно вечером он повел нас прогуливаться по набережной.

— Слышите чаек? И вправду зовут куда-то... Когда меня уже не будет, вы этот крик обязательно вспомните. Но вот и морской порт. У кассы — никого. Может денег не хватает? Могу ссудить.

Плавание состоялось. Трансляцию хоккейного матча мы посмотрели, хотя тут же забыли, кто с кем играл и чем дело кончилось. С гулякой, который требовал, чтобы «отвязали веревку», обедали за одним столом. Он спросил нас: «Вас дядя провожал?» Мы удивились: почему именно дядя, а не старший брат, не отец? Бывший гуляка, а теперь по внешнему виду уже вполне добропорядочный гражданин, объяснил: «У одного отца дети такой разной наружности быть не могут. Брат не сунул бы одному из вас в карман четвертной. Такое мог сделать только дядя». Тут началось новое: стали искать четвертной и нашли его в одном из карманов, уже не помню, в чьем именно.

Возникнув в Одессе, в нашей родной редакции, которую мы представляли в Крыму, мы очень удивили редактора Ерванда Григорянца и его замечательного зама и нашего друга Игоря Лисаковского.

— С какой стати вы вдруг возникли? И почему теплоходом, а не самолетом?

— Просто теплоход на глаза попался. Виктор Некрасов посоветовал.

— Раз так, давайте в номер интервью с Некрасовым. Хоть как-то будет объяснено ваше поведение.

Происходило все это четверть века назад.

Когда в самый разгар «застоя» покончил с собой наш товарищ и бывший начальник Ерванд Григорянц, Борис позвонил: «Слышишь, чайки кричат!»

И еще раз кричали, когда в Симферополе, под колесами троллейбуса погиб наш товарищ Павел Малинин — талантливейший человек, погубленный алкоголем. А почему он пил? Дурная привычка? Порок? Да, конечно. Но откуда они берутся? И почему всем нравилось, что Малинин пьет, но не нравилось, что он талантлив?

Однажды, получив гонорар, мы с Борисом позвали Павла в ресторан «Симферополь», попросили сервировать стол подать по рюмке всех напитков. А затем была речь такого содержания: «Вот этот стол принадлежит нам. Он оплачен. Пусть он останется в нашей памяти. Давайте поднимемся и, не притронувшись ни к одной из рюмок, уйдем. И навсегда останемся владельцами этого роскошного стола. Когда кому-то из нас будет трудно в жизни, сложно и грустно, достаточно будет вспомнить этот изобильный стол, чтобы грусть прошла и уступила место мечтательно-элегической улыбке». Павел Малинин вздохнул, но согласился. Раз большинство решило так, не протестовать же. Мы поднялись и пошли к выходу из зала. И вдруг Павел обернулся к столу, схватил первую попавшуюся рюмку, запрокинув голову, залпом выпил ее и сказал: «Хоп!». Украл у вечности хоть что-то...

Виктор Платонович, когда узнал об этом этюде, сказал, что это и не этюд вовсе, а эпопея: «Впрочем, нет, вставьте эпизод в один из ковбойских рассказов. Богатый — щедр. Учитесь быть богатыми.»

Год назад Борис позвонил поздно ночью.

— Чайки кричат!

— В чем дело? Что опять случилось?

— Нет уже Виктора Платоновича. Только что узнал. А я еще надеялся на встречу. Как ты думаешь, ковбойские рассказы продолжать писать или же они уже никому не нужны?

— Они нужны тебе.

НЕ ТРЕБУЙ ПЕСЕН ОТ ПЕВЦА...

Сегодня в аннотациях к выпущенным его пластинкам пишут: «Выдающийся белорусский певец» или же — «Выдающийся советский певец».

Один музыковед сказал: «Через два— три года напишут — великий».

А четверть века назад, оставшись за главного в областной молодежной газете, я написал статью и сам же поставил ее в номер — править или останавливать ее было некому, — в которой сказал, что после Энрико Карузо такой красоты и мощи тенора не было. И вот он возник — в нашем городе, выступает на сцене местного театра. Когда-нибудь, писал я в статье, на стене театра возникнет мемориальная доска: «Здесь, в таком-то году дебютировал выдающийся певец Зиновий Бабий».

И поутру начались скандалы. Звонили из театра: по какому праву назвали выдающимся певца, у которого нет не только почетных званий, но и вообще никаких правительственных наград — это оскорбительно для других, заслуженных и официально признанных солистов. Звонили и из обкома комсомола: где редактор и когда вернется из отпуска?

Выходу этого номера газеты был рад, наверное, только сам Зиновий. Он скупил в киосках всю розницу, вечером отыскал меня. Мы долго бродили по крутой Гвардейской улице, затем по знаменитому Стрыйскому парку. Пели и читали стихи. Суетный прагматичный век еще не всех подчинил себе. Да и город этот тогда был какой-то прогулочный. Вроде бы по его улицам полагалось неспешно фланировать и вести тихие проникновенные беседы.

Сейчас уже нет этого города, который мы все так любили. Есть другой с тем же названием. А тот, ушедший навсегда, иной раз возникает в памяти, как мираж, как Китеж со дна озера: всплыл ненадолго и снова ушел в волны.

Вечер, о котором я хочу вам рассказать, был дождливый. А дождь Львову всегда к лицу: есть на свете такие немногие города, которым идут дожди и туманы. Еще существовали базальтовые мостовые — камешек к камешку, точно вычисленный наклон, чтобы вода беспрепятственно стекала к зарешеченным люкам подземной канализации, крытые рифленой плиткой (чтобы нога не скользила) — тротуары. Через каждые пятьдесят метров — яркие газовые фонари на литых чугунных ножках. И удивительные бельгийские трамваи, сверкающие начищенной медью и зеркальными стеклами.

Так вот, в тот вечер сесть в трамваи было невозможно. Тысячные толпы стремились к центру, на площадь, где находился оперный театр. Зонты. Множество мокрых сверкающих зонтов. Ни один из кинорежиссеров еще не отснял такую впечатляющую массовку. Афиши сообщали, что в этот вечер состоится то, чего не было еще нигде и никогда: певец Зиновий Бабий исполнит сразу три партии: Туридду в «Сельской чести» Масканьи, Пролог и Канио в «Паяцах» Леонкавалло. Причем, для непосвященных надо бы напомнить, что партия Пролога — баритоновая, а Туридду и Канио теноровые. Певец, который решается спеть в один вечер и то, что подобает исполнять драматическим тенорам, и то, что могут петь только баритоны, — совершает не только дерзкий эксперимент, но и настоящий подвиг. Подобное по силам было разве что Карузо. Зиновий Бабий на это решился.

Все желающие попасть в театр не смогли. Площадь перед театром была заполнена тысячами людей с зонтиками. Никто не знал, как быть — не разнесут ли театр, не попробуют ли взять его штурмом. А красивые изящные трамвайчики все подвозили и подвозили тех, кто на этот вечер стал меломаном, а, может быть, меломаном был всегда. Чтобы спасти положение и успокоить толпу, на площадь вынесли репродукторы. Спектакль решили транслировать из зала.

После каждой арии площадь кричала: «Браво! Бис!» Дождь, правда, не проливной, а мелкий, висящий, не переставал, но на него не обращали внимания: искусство требовало жертв. Их охотно приносили.

Наша регулярная прогулка после спектакля была и радостной и немного печальной. Зиновий, мальчик из маленького городка под Львовом, Пустомыт, победил. Хотя к этой победе шел непросто. Известный киевский педагог, в прошлом певица Зоя Гайдай считала, что у него не тенор, а баритон. Другие педагоги настаивали на том, что тенор-то тенор, но не героический, поскольку у нас героических теноров вовсе не бывает, а лирический. В конце концов Зиновий ушел из консерватории. Чтобы как-то жить подрабатывал повсюду, даже в военном ансамбле песни и пляски, а в свободное время учился, учился и учился — сам, поскольку никто другой в то время его не хотел учить. Голос считался неперспективным, непонятным, нестандартным. А хотели легких и удобных.

Вновь была улица Гвардейская, карабкающиеся к небу каштаны.

— Это победа. Ты понимаешь, что это победа?

— Понимаю, — сказал Зиновий, но в голосе его не было ни радости, ни бравурных ноток. — А я, знаешь ли, уезжаю в Минск. Сейчас там собирается сильный коллектив. И репертуар хороший.

— А как же наш театр? Ты ведь львовский. Ты должен думать о славе города.

— У певца времени немного. Я должен петь.

У меня в личном архиве хранятся письма Зиновия Бабия. Они о разном, многие — о музыке, многие — о жизни. Дважды Зиновию пришлось перенести тяжелый инфаркт миокарда. И оба раза болезнь помешала ему принять приглашение петь в Нью-Йоркской Метрополитен-опера. Я очень спешил выслать Зиновию гранки повести «Век Наивности», которая печаталась в 1984 году в «Новом мире», в которой он упоминается. Но не успел. Из Минска пришла весть, что в одно утро он вдруг сказал жене по-украински (на языке своего детства), что чувствует себя плохо. Вызвать «скорую помощь» уже не успели.

Бывают дни, я ставлю и ставлю на диск проигрывателя пластинки с записями песен и оперных арий в исполнении Зиновия Бабия. Это удивительное чувство — тонуть в стихии его голоса, красота которого сравнима разве что с голосом великого Энрико Карузо. Теперь с этим согласны уже все. И в любой статье о Бабие теперь уже идет эскалация эпитетов, один другого краше и значительнее.

А вспомнился один разговор начала восьмидесятых годов во Львове, у центральной гостиницы, когда мы оба приехали в родной город уже гостями.

— Помнишь: «Не требуй песен от певца, когда житейские волненья сомкнули вещие уста для радости и вдохновенья...»? — Зиновий очень красиво напел первую строфу романса, а затем, как говорится, перешел на прозу. — Ты никогда не думал, почему из Львова все уезжали?

И мы стали вспоминать, кого город потерял. Рекордсмены мира по прыжкам в высоту Валерий Брумель и по прыжкам в длину Игорь Тер-Ованесян, ставшие знаменитыми футболисты Сабо и Пузач, Копаев и Татарчук, Кухлевский и Рац, Думанский и Шулятицкий, Турянчик и Баль, Суслопаров и Козинкевич, чемпионы мира и олимпийские чемпионы по борьбе и водному поло, по стрельбе из лука и плаванию. Кто-то подсчитал, что, если бы Львов выступал на олимпийских играх самостоятельно, призвав под свои знамена всех спортсменов-львовян, то в неофициальном зачете занял бы восьмое-девятое место.

А уехавшие писатели, певцы, режиссеры и драматические артисты. Их даже не десятки, а сотни. Почему это происходит? Почему город теряет тех, кто мог бы принести ему славу?

Странные дела. Но случайные ли? Может быть, когда-нибудь задумаются и над этим? В городе, из которого уезжают талантливые люди, что-то неладно, как было в свое время неладно в Датском королевстве, о чем и поведал миру Шекспир.

КАК ДЕТИ УЧАТСЯ ХОДИТЬ

Много, очень много планов у молодого режиссера Лолиты Малакянц, которая, выслушав эти два сюжетных воспоминания, сказала, что и такой нес-

пешный доверительный разговор со зрителем может состояться в зале будущего Литературного театра. Но видится ей и другое: представление новой книги, чуть ли неотрежиссированная читательская конференция, спектакль, в котором любой из зрителей может получить право выйти на сцену.

— Многое можно сделать. Надо лишь немногое: зал, право открыть театр.

— Создавать кооперативные театры теперь разрешено.

— Но пороги скольких инстанций придется обивать!

— А разве что-либо когда-либо рождалось легко?

Лолита улыбнулась:

— Мы отвыкли от конкуренции.

— Давайте вместе привыкать. Может быть, множество талантливых людей, некогда уехавших из Львова, тоже отвыкли бороться. Были времена, когда такое казалось даже неприличным. Ну, в представьте себе, что хотя бы половина из них осталась бы... Каким сегодня был бы культурный фон города?

— Хорошо, — сказала Лолита. — Воспитательный момент учтен. А возьмет ли журнал шефство над Литературным театром, если он возникнет?

— А как вы понимаете шефство? Как опеку?

— Еще одно непрямое назидание. Нет, речь идет просто о внимании к новому делу.

— Ну, думаю, внимание обеспечено....

— Что же, будем учиться ходить, как учатся дети. Вот, если бы они умели говорить и захотели поделиться опытом...

ПОСТСКРИПТУМ

ПО СЛЕДАМ «СЕРЖАНТА В СНЕГАХ»

В 1953 году в Италии вышла в свет повесть мало известного в ту пору писателя Марио Ригони Стерна «Сержант в снегах», породившая новое литературное направление под условным названием «лирический документ». В итальянском кино в ту пору доминировал неореализм, а в прозе — «лирический документ». Так случилось, что кино прозвучало сильнее, чем литература. Возможно, все дело в том, что оно доступнее, популярнее, а может быть, и мобильнее. Вот почему имена Роберто Росселини, Лукино Висконти, Витторио Де Сика, Джузеппе Де Сантиса вошли в историю мировой культуры. Марио Ригони Стерн за пределами Италии известен далеко не каждому. Но — вот парадокс! — в самой Италии абсолютно всем. Повесть «Сержант в снегах» изучается в каждой итальянской школе и во всех университетах страны. Ригони Стерн заслужил высокое право считаться «совестью нации». Когда принимаются какие-нибудь важные правительственные решения, люди, как правило, спрашивают: «А что по этому поводу сказал Ригони?» За Ригони признается право быть духовной силой, альтернативой правительству и парламенту, финансовому капиталу и армии.

В 1988 году наши и итальянские газеты много писали о том, что автор «Сержанта в снегах» Марио Ригони Стерн в войну спас советского мальчика. Позднее этот мальчик стал писателем Николаем Самвеляном, тем самым, который ведет нашу «Писательскую приемную». Они встретились, узнали друг друга, совершили вместе поездку по стране, начали снимать серию телефильмов с помощью Миланской телекомпании «РАИ» и Гостелерадио, а также написали вместе притчу-повесть «Легенда о капеллане», фрагмент которой опубликовал в № 2 за нынешний, 1989 год, журнал «Иностранная литература», чем создали небывалый прецедент: кому теперь принадлежат права на рукопись — итальянской стороне или нашей?

Все это интересно и наверняка будет иметь продолжение. Но сейчас мы ведем речь о другом, может быть, не менее важном.

Марио Ригони Стерн выступил в нашей «Писательской приемной» в № 9 за 1988 год со статьей «Ищу русских друзей», в которой рассказал о том, как рождался «Сержант в снегах». Ведь пригнанный по приказу Муссолини в нашу страну в форме «захватчика» Марио поначалу инстинктивно стал спасать русских людей, затем открыто выступил против фашизма, был брошен в немецкие концлагери, чудом выжил. Эта эволюция заложена уже в самой основе «Сержанта в снегах». Вернее будет сказать, что не будь этой эволюции, не было бы и «Сержанта в снегах» — книги необычайно простой, жизненной, построенной на наблюдениях, на желании не фантазировать, ничего не дополнять вымыслом, а поскольку этот документ все же выглядит как художественно обобщенный, то потому и назван «лирическим». Вместе с тем то глухое сопротивление, которое нарастало в итальянском обществе, а следовательно, и в итальянской армии еще всерьез не исследовано ни в исторической, ни в документальной, ни в художественной литературе. Это сопротивление было не случайным, не серией единичных поступков.

Уже доказано, что «легендарный капеллан», имя которого еще предстоит установить, спас не только русского «мальчика Колю», но и сына военного врача Тамары Палладиевны Кациенсон, которому угрожала гибель как «неарийцу» (муж Тамары Палладиевны был евреем, членом партии, советским офицером). Получив при крещении, совершенном капелланом, имя Ежи Борковского, якобы поляка, Анатолий Кациенсон выжил. Теперь он крупный инженер, живет в Запорожье. Найдена и фотография молодого итальянского врача, который ассистировал капеллану при крещении Анатолия, ставшего на время Ежи. К сожалению, имя врача пока установить не удалось. А фотография опубликована в туринской «Ла Стампа», в № 124 за 1988 год. Насколько нам известно, пока и это не дало результата.

Зато получены подтверждения от старожилов г. Енакиево (во время войны назывался Рыково), что «доброго капеллана» помнят люди старшего поколения. Он был в дружбе с «лейтенантом Мишей», открывшим огонь по эсэсовцам и скрывшимся из города. Куда делся «лейтенант Миша»? Как его подлинное имя? Видимо, Микаэль?

Неожиданное письмо пришло недавно из Италии от Джулио Луки. Этот немолодой уже человек, которому за семьдесят, рассказывает, что и ему довелось пройти тот же путь, что и «сержанту в снегах». Он тоже был в Рыково (Енакиево). Помнит «мальчика Колю и его семью». Прислал даже копии фотографий тех лет, выцветшие от времени, но все же неоспоримо подтверждающие, что речь идет именно об этом доме и об этих людях. Считает, что какая-то подпольная организация сопротивления фашизму в итальянских частях, временно находившихся в Рыково (Енакиево), скорее всего существовала. «Легендарный капеллан» был, видимо, в их рядах. Скорее всего эти люди погибли на Дону, а возможно, позднее их расстреляли нацисты во Львове или в Деммблине.

Вот что пишет синьор Джулио Луки из Борго а Маззано из провинции Лукка: «События, произошедшие в городе Рыково (ныне Енакиево) в 1942 году, во время войны, о которых рассказал синьор Марио Ригони Стерн на страницах «Ла Стампы» и других изданиях, все всколыхнули в моей душе. Я вспомнил моменты, когда во многих из нас проснулось сознание. Тысячи молодых итальянцев фашистский режим Муссолини одел в военную форму и погнал в Россию поддерживать захваты Гитлера. Но какие исторические противоречия могли быть у итальянцев с русскими? Никаких! Очень многие простые итальянские парни искали контактов с русскими. Однажды загорелся в Енакиево (Рыково) дом неподалеку от центральной площади: женщина перепутала бензин с керосином и плеснула его в печь. Я был неподалеку. Бросился спасать женщину и гасить огонь. Загоревшийся дом погасили, но женщину спасти не удалось: уж очень сильны были ожоги.

Надо было искать себе новое место

ночлега... Постучал в первый же попавшийся дом. В нем жила семья «мальчика Коли» — его бабушка и его тети. Видимо, вид у меня был растерянный, сам я в саже и немного обгоревший. Во мне увидели человека, а не врага. Дали чаю, какую-то еду. Но какая могла быть у людей в ту пору еда? Наверное, какой-нибудь сухарь, кукурузная каша... Я был очень потрясен смертью обгоревшей женщины, все время говорил, что не понимаю этой безумной войны, твердил, что фашизм будет наказан. Во мне увидели человека. И для меня наступил момент прозрения... Позднее, когда обмороженные и голодные, мы отступали через Рыково, я постучал в дом, чтобы сказать этим людям: «Прощайте, мы больше не увидимся!» Я не был вашим врагом. Все, что я мог сделать, это пассивно сопротивляться обстоятельствам...» Дверь открыла одна из теток «мальчика Коли», которую звали Арпик. Увидев меня и оценив мое состояние, она вернулась в дом и вынесла мне кусок хлеба. И сейчас, вспоминая эту минуту, я едва сдерживаю рыдания. Люди могут остаться людьми в любых обстоятельствах. Вы понимаете, что означало поделиться хлебом в то время, когда голод был реальностью? Я записал адрес и имена этих людей. Сорок шесть лет берегу фотографию того домика, где мне дали в руки символ жизни — хлеб. Мне сказали, что на месте того маленького домика теперь стоят другие большие дома. Но тот домик жив в моей душе, которая с тех пор принадлежит не только моей Италии, но и России, где я пережил новое рождение своего Сознания...»

Джулио Луки тоже включился в поиски «легендарного капеллана». Согласился написать расширенные воспоминания о тех годах и предоставить их в распоряжение «Писательской приемной». Поступают воспоминания и от других участников событий. Так проясняется история, которая является естественным дополнением к «Сержанту в снегах». Мы раньше мало интересовались тем процессом «пробуждения Сознания», о котором пишет Джулио Луки. Но пришла пора историкам, писателям разных стран присмотреться к нему. И нам видится книга, изданная и у нас, и в Италии, в которую вошли бы и сам «Сержант в снегах», уже переведенный на русский язык, и все то, что стало известно о «легендарном капеллане» и десятках его друзей в течение последнего года.

Марио Ригони Стерн мечтает о том, что по повести «Сержант в снегах» снимут кинофильм. Будем верить, что со временем мечта писателя осуществится. Но, будучи совершенно искренними, все же считаем, что не менее важно довести до конца расследования «легенды о капеллане» и написать публицистически-документальное дополнение ко всемирно известной повести Марио Ригони Стерна «Сержант в снегах», что привлечет к ней новые поколения читателей и создаст в литературе прецедент интересный и желательный.

УРОВЕНЬ СЧАСТЬЯ ЛЮДЕЙ

К выходу Стенографического отчета о XIX партконференции

Наверное, у многих, кто теперь раскрывает выпущенный по предложению делегатов конференции сборник «XIX Всесоюзная конференция Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет». В 2 т. (М: Политиздат, 1988) — еще свежи в памяти телерепортажи с ее заседаний; очереди, по утреннему холодку выстраивающиеся у газетных киосков; то необыкновенное эмоциональное напряжение, с каким все мы следили за позициями делегатов, столкновениями мнений, переживали ощутимую борьбу старого и нового мышления.

Почему мы, приученные к сугубо ритуальным действам и умеющие держать себя прилично случаю, эту конференцию, и все, что на ней происходило, приняли так близко к сердцу? По-видимому, все мы ощутили то, что прекрасно выразил на конференции М. А. Ульянов: «История близко приблизилась к нам и с надеждой заглядывает нам в глаза: не ошибись, не струсь, не испугайся!» Мы поняли, что в наши двери стучится судьба. Мы уяснили и то, что мощное пробуждение нашего исторического сознания рождено как стремлением разобраться в своих истоках, уточнить ориентиры, по каким пробивались сквозь волны времен, так и давней жаждой непосредственного участия в историческом творчестве.

Общий настрой участников конференции хорошо передал в заключение своего темпераментного выступления В. П. Кабаидзе: «Сейчас интересное время... Сегодня действительно все зависит от нас. Надо дело делать».

Но была и иная сторона. Порой возникало ощущение, что выступающие как бы не слышат друг друга, или слышат вроде бы не так, как аудитория у телеэкранов. Возникла, скажем, полемика вокруг экономических оценок А. И. Абалкина, к которым как бы и свелось его выступление. А ведь спектр этого выступления был гораздо более широк, оратор обратил внимание на ряд теоретических и практических вопросов, поставленных временем в повестку дня конференции: от характера представлений о социализме и важности экономического обеспечения власти Советов — до критики продолжающихся попыток преодолевать существующие проблемы путем чисто организационных мер и постановлений и высказанного убеждения в необходимости иметь право выбора из вариантных, альтернативных решений.

Замечательная мысль, по-своему выразившая устремления нашего времени, того главного, ради которого собралась и конференция, прозвучала у С. Н. Федорова: «...Почему секретари обкомов не выступают, сколько людей у них стало в области за пять лет счастливыми. Меня не волнует, что там на 16 процентов коровы стали доиться лучше. Меня интересует — сколько людей стали лучше жить, стали более счастливыми. Главная оценка нашей системы управления — уровень счастья людей».

Даже по необходимости беглый взгляд на некоторые темы, обсуждавшиеся на конференции и отраженные на страницах стенографического отчета о ее работе, говорит о месте и нашей идейной и духовно-культурной жизни этого издания, стóящего — если без священного трепета перед официальными документами — тóма лучшей современной публицистики.

Решениями XIX партийной конференции подтвержден и получает дальнейшую практическую реализацию взятый партией курс: через революционную перестройку — к новому, гуманному и демократическому облику социализма.

Революционное время, отмечал Ленин, дает удивительное богатство событий. Справедливость этого суждения подтверждается и всем ходом нашей перестройки. Мы все — и свидетели, и участники невиданной по размаху и глубине активизации общественно-политической жизни в стране. Только среди вершинных ее проявлений в течение последних месяцев — и всенародное обсуждение проектов Законов о выборах народных депутатов и об изменениях и дополнениях к Конституии СССР, и сессия Верховного Совета СССР, принявшая эти Законы, и впервые проходящая в соответствии с новым Законом избирательная кампания, которая в конце марта завершится избранием нового высшего органа власти страны — Съезда народных депутатов СССР.

В стране идет крупнейшая реформа политической системы, и уже этим фактом может быть оценено значение XIX партконференции, давшей реформе путевку в жизнь.

ДИАЛОГ НА РАВНЫХ

Почту Госкомиздата СССР разбирает главный редактор межиздательских библиотек и серий Главиздата Л. В. Ханбеков

«Прочитала в одной из газет, что Госкомиздат СССР разработал «программу быстрого реагирования». Что это такое?»

Л. КОЛОСОВА, научный сотрудник (г. Орел)

«Как в настоящее время издательства думают преодолевать разрыв между спросом и предложением? У нас, в Донецке, ничего из книг, о которых спорят, дискутируют, купить нельзя».

С. ГОЛОБОРОДЬКО, учительница (Донецкая обл.)

«Как же будет с книгами, пользующимися у читателей наибольшей популярностью, повышенный спрос на которые остается неудовлетворенным?»

А. ПЕТРОВ, (г. Москва)

Договоримся «на берегу»: говорим только о проблемах, связанных с изданием художественной литературы, поскольку нельзя объять необъятное, а «программа быстрого реагирования» могла появиться у издателей, выпускающих общественно-политическую или учебно-педагогическую, научно-техническую или сельскохозяйственную литературу. Могла, но не появилась.

Начну с самой что ни на есть конкретики. Надеюсь, что читатель, уставший от общих слов и заверений, туманных обещаний и глубокомысленных обобщений, простит мне лапидарность слога. В 1986—1987 гг. «толстые» и «тонкие» литературные журналы в столице и на периферии вынесли на наш с вами суд целый ряд произведений отечественной литературы, без которых понимание известных периодов недавнего прошлого было, мягко скажем, неполным, искаженным, деформированным. Первые уроки гласности и плюрализма в литературе поначалу повергли иных в смятение. А затем начался небывалый читательский бум. За журналами записывались в долгие многотерпеливые очереди. «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова и «Оправдан будет каждый час...» Владимира Амлинского, «Белые одежды» Владимира Дудинцева и «Ночевала тучка золотая» Анатолия Приставкина, «Мужики и бабы» Бориса Можаева и «Кануны» Василия Белова, «Котлован» и «Ювенильное море» Андрея Платонова, «Зубр» Даниила Гранина, «Покушение на миражи» и «Чистые воды Китежа» Владимира Тендрякова, «Новое назначение» Александра Бека...

В иные времена мы бы и год и два смиренно ждали, пока наши тихоходы-издательства развернутся, поставят отечественные бестселлеры в планы редподготовки, затем в планы выпуска, затем ни шатко, ни валко приступят к редактуре, а затем, когда схлынет интерес, ослабнет азарт читательского нетерпения, глядишь, можно и подержать в руках книгу. На сей раз не кто-то иной, а именно Госкомиздат СССР настойчиво порекомендовал издательствам «проявить инициативу» — и три издательства «Художественная литература», «Известия» и «Советский писатель» массовыми тиражами «выдали на гора» (до полумиллиона экземпляров — неслыханное дело!) первые пять томиков. Среди них были повести «Ювенильное море» и «Котлован» Андрея Платонова, «Это мы, господи» и «Убиты под Москвой» Константина Воробьева, «Покушение на миражи» и «Чистые воды Китежа» Владимира Тендрякова, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, «Зубр» Даниила Гранина...

Вскоре к тройке издательств, нарушивших традиционную практику выдерживания книги в издательско-редакторском портфеле, присоединилась со своей «Популярной библиотекой», состоящей из 15—20 названий, «Книжная палата» и выпустила поэмы Александра Твардовского, в их числе — цикл «По праву памяти», и роман Александра Бека «Новое назначение»...

Да, потребовалась ломка составленных планов. Да, нужно было отыскать незанятую полиграфическую базу. Да, необходимо было «выбить» в финансовых ведомствах не предусмотренные заранее фонды авторского гонорара и оплатить полиграфистам втройне, так уж водится, режим «молния». Но дело сделано. Книги появились с невиданными дотоле скоростями: от решения об издании до выдачи тиража книготорговцам проходило три-четыре месяца.

В 1988 году практика экспресс-изданий произведений современной литературы и литературного наследия начала обретать размах, и в эту работу включились уже 13 московских центральных и республиканских издательств — «Московский рабочий» и «Современник», «Книга» и «Музыка», «Физкультура и спорт» и «Советская Россия», АПН и «Наука»... На книжный рынок было выдано без малого 60 книг популярнейших авторов, суммарный тираж многих произведений за год приближался к миллиону, а в ряде случаев к двумтрем... Так было с изданием прозы Михаила Булгакова, Валентина Пикуля, Юлиана Семенова, стихов Владимира Высоцкого, книг Гранина, Дудинцева, Рыбакова. Но если Гранину и Дудинцеву «помогла» набрать такие тиражи «Роман-газета», то Владимир Маканин обошелся и без нее...

Разрыв между спросом и предложением, естественно, останется. Поскольку спрос — дело глубоко индивидуальное. Один читатель ждет новый роман Валентина Пикуля, а другой — исследование Скрынникова, один ищет изысканную прозу Андрея Битова, а другой — «полцарства за коня!» — все отдаст за новый детектив братьев Вайнеров; один наслаждается обществом «героев» сатиры Михаила Зощенко, а другой упивается юмором вновь открытого, незнаемого дотоле Пантелеймона Романова или обжигаю-

щей прямотой Виктора Астафьева...

Повышенный спрос на некоторые книги будет еще какое-то время неудовлетворённым, потому что долгие годы мы ориентировались на читательский спрос, а не на покупательский. Читательский спрос можно удовлетворить, рассчитывая на посещение читателем библиотеки, но престиж «библиотечного» чтения, как убеждают социологи, неуклонно падает. Помню, как на семинаре в Краснодаре, библиотекари дружно обрушились на коллегу, осмелившуюся признаться в письме, опубликованном «Советской культурой», что во имя категорий и должностных окладов в библиотеках порой торжествует показуха, приписки, а иные тома популярных (по мнению нашей критики!) писателей стоят девственно нетронутыми. И наоборот, целый ряд писателей, которых сегодня модно критиковать, не слишком заботясь в выборе доказательств, остаются в центре читательского внимания. Разумеется, если смотреть на читательскую ситуацию и писательскую популярность не только в пределах Бульварного кольца столицы.

«Как формируется программа экспресс-изданий, насколько в ней учитываются пожелания рядовых читателей?»

Э. КОГАН, лаборант
(г. Симферополь)

«Социологи никогда не делают опроса общественного мнения в масштабах страны. С книгами получается так, как с черной икрой: раз в магазинах ее никто не спрашивает, значит, на нее нет спроса».

Без подписи

В любом деле кто-то делает первый шаг. На сей раз первый шаг сделало ведомство — Госкомиздат, на чью голову последнее время сыплются все громы и молнии. Они во многом заслуженны, эти громы и молнии, но могли бы прицельно лететь и по другим адресам. Беда в читательской неосведомленности о действительной картине. Что спрашивать с читателей, когда и органы массовой информации иной раз не дают себе труда разобраться в положении дел, сориентировать читателя в насущных и надуманных трудностях...

Итак, Главная редакция художественной литературы взяла на себя смелость формировать программу экспресс-изданий. Тактика была простой: в газете «Книжное обозрение» (тираж в 1988 году — 300 тысяч экземпляров; аудитория профессиональная, писатели, критики, библиотекари, книголюбы) публикуем список журнальных ожиданий. Именно журналы сейчас «держат» читательский интерес — к ним обращено наше внимание. Список публикуется и обсуждается два раза в год, по мере формирования программ на первое полугодие и на второе. Сегодня ситуация на журнальном горизонте меняется весьма быстро. Список журнальных ожиданий рассылается в издательства: принимайте к сведению, изучайте, реагируйте, вступайте в контакт с авторами и т. п. Рассматриваем и встречные предложения: какой-то автор миновал журнал — сразу выходит книга. Мало ли как бывает в жизни!

Затем в главной редакции проводится ставший уже традиционным «круглый стол», за который приглашаются издатели: и те, кто уже зарекомендовал себя поборниками ускорения книгопроизводства, и те, кто еще только присматривается к этой работе, но в силу тех или иных причин не может внести в программу существенный вклад. Назовем их наблюдателями, экспертами. Это Воениздат, Профиздат, Политиздат, «Мысль», «Радуга», «Искусство», Агропромиздат... (Читатели должны знать, что далеко не все издательства до последнего времени находились в сфере непосредственного влияния Госкомиздата СССР). Потому нами «изобретаются» различные формы и способы вовлечения их в орбиту экспресс-изданий.

Идти на контакт надо, и мы идем. По предложению главной редакции художественной литературы опыт первых шагов по формированию экспресс-программы и по ее реализации был обсужден на Секретариате правления СП СССР и был встречен полным взаимопониманием и поддержкой. По крайней мере, мощному, мобильному издательству «Советский писатель» — издательству новинок (до 530 названий в год!) секретариат поручил активно участвовать в реализации программы экспресс-изданий. И не только по редакции прозы, а по всем редакциям — русской поэзии, прозы народов СССР, критики и литературоведения. Такая же работа предстоит с ЦК ВЛКСМ — в его ведении издательство «Молодая гвардия», с ЦК ДОСААФ и ВЦСПС.

Еще один важный аспект. Программа экспресс-изданий, как, надеюсь, заметили читатели журнала «В мире книг», имеет два раздела: современная литература (новинки) и литературное наследие. Как прореагирует массовый читатель на предлагаемые имена и произведения? Не скажется ли в откликах психология «группового эгоизма»?

...Если отвлечься от предметного разговора, то, и затевая программу экспресс-изданий, мы давали себе отчет в том, что она не станет панацеей от всех застарелых бед нынешнего книгоиздания. Курс на сокращение количества изданий — беда, свидетельство наших слабых возможностей, а ведь мы прибегали к нему, чтобы удовлетворить требования большинства. Наступить на интересы немногих во имя интересов большинства казалось нам вполне оправданным, целесообразным. Но всякое временное нововведение обладает тенденцией к устойчивости, становится привычным, находятся и теоретики для оправдания такого нововведения. Экспресс-программа тоже рассчитана на большинство. Мы стараемся не включать в нее книг, которые не будут иметь массового спроса. Не значит ли это, что мы поддались требованию громкоголосого большинства: «Обеспечьте мне беспрепятственное и повсеместное приобретение книг Юлиана Семенова и Валентина Пикуля, братьев Стругацких и братьев Вайнеров, стихов Владимира Высоцкого и Эдуарда Асадова (прибавьте к этому списку десяток-другой имен по собственному выбору — Л. Х.) и я скажу, что перестройка в книгоиздании идет успешно!» Нет, такое громкоголосие нас ни в коей мере не может устроить. Игнорировать его мы не можем, но ориентироваться только на него, извините...

Что касается новинок, то психология читательского интереса, мы понимаем, зачастую держится лишь на доверии к имени автора. И мы идем на это. Скажем, объявил журнал «Новый мир» в своих планах новую повесть Чингиза Айтматова «Богоматерь в снегах» — ей обеспечена безусловная читательская поддержка: «работает» весь предшествующий опыт общения читателя с творчеством этого самобытного мастера, особенно шумный успех двух последних вещей — «Буранного полустанка» («И дольше века длится день») и «Плахи». Такая же картина с новым романом Анатолия Рыбакова «Тридцать пятый и другие годы»: роман «обречен на успех», поскольку на него «работает» феномен «Детей Арбата». Не зная содержания новой вещи Виктора Астафьева, я имею в виду повесть в письмах — переписку писателя

с критиком Александром Макаровым — «Зрячий посох», — читатель тем не менее поддержит и это название: на слуху еще «Печальный детектив», «Царь-рыба», другие произведения писателя. А вот с новым романом Вардгеса Петросяна «Пустые стулья на дне рождения» или с «Прощанием славянки» Георгия Пряхина, с романом Бориса Екимова «Родительский дом» и повестью Мустая Карима «Деревенские адвокаты», книгами Юрия Аракчеева, Георгия Семенова, Елены Ржевской — труднее. Эти писатели никогда не имели шумного, «эстрадного» успеха. Кому-то может показаться неправомерным включение этих книг в программу экспресс-изданий. И к такому недоумению надо быть готовым. Искусство формирования читательской заинтересованности во многом, если не во всем, зависит от издателей, от умелого обнародования ими своих планов, от рекламной службы, от поворотливости критиков, работающих с издательствами, от вовлечения в издательский «имидж» самих авторов.

С литературным наследием и труднее, и проще одновременно. Имена, произведения, которые попадают в экспресс-программу, так или иначе знакомы самым широким читательским массам. Этому способствуют многочисленные публикации в газетах, беседы на радио, телевидении о «белых пятнах» в нашей истории, о лакунах в области культуры, о необходимости дальнейшего возвращения произведений репрессированных и попросту несправедливо затененных, забытых авторов, о восстановлении в своих правах на читательское внимание деятелей отечественной культуры, которые оказались в волнах первой и второй эмиграции, которые творили в зарубежье: Евгений Замятин, Федор Раскольников, Виктор Некрасов, Александр Галич, Владимир Набоков, Ирина Одоевцева... Наконец, произведения, судьба которых не менее драматична, чем судьба их создателей: роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго», роман Василия Гроссмана «Жизнь и судьба», пьесы Михаила Булгакова... Здесь поддержка читателей также гарантирована, пусть порой и временная, потому что не всякое произведение, извлеченное из небытия, к примеру, роман-антиутопия «Мы» Евгения Замятина или «Чевенгур» Андрея Платонова— чтение для досуга...

Остается задача своевременной и внимательной координации издательских усилий. Это кропотливая работа, требующая и компетентности, и оперативности, и последовательности. В противном случае получаются казусы, оправданные лишь нашим неутолимым голодом на книги. Зачем после того, как «Художественная литература», как я уже сказал, издала «Покушение на миражи» и «Чистые воды Китежа» тиражом в полмиллиона, выпускать их в «Книжной палате»... тиражом в 100 тысяч? Зачем после полумиллионного тиража Константина Воробьева заново набирать те же вещи, чтобы «выстрелить» тиражом в 50 тысяч? Зачем «Художественной литературе» спешить обогнать «Советский писатель», чтобы выпустить роман Юрия Домбровского «Факультет ненужных вещей», если, на мой взгляд, куда разумнее «расширить ассортимент» за счет другого произведения, а «Советскому писателю» дать второй завод, если будет в том нужда.

«Какие новинки и какие произведения из литературного наследия войдут в программу экспресс-изданий в 1989 г.?»

Л. ЛИВШИЦ,
аспирант
(г. Воронеж)

«Нет ли возможности поднять тиражи для книг, которые обещают стать «книгами года» в 1989 г.? Тиражи, намеченные темпланами издательств, явно малы, книги не дойдут до «глубинки», осядут в руках у книжных «жучков».

С. ТАМБУРЦЕВ,
осмотрщик вагонов
(ст. Узловая)

Год будет щедрым для любителей книжных открытий, говорю это с понятной гордостью, поскольку надеюсь, что в программе экспресс-изданий будет участвовать до 20 издательств, и к московским издательствам примкнут некоторые республиканские и даже областные. Интереснейшую программу выдвинул «Современник». Из литературного наследия он планирует выпустить объемный том Владимира Набокова («Машенька». «Приглашение на казнь». «Камера обскура». «Дар»), сборник стихов и рассказов Варлама Шаламова «Левый берег», книгу мемуаров В. Шульгина «Дни. 1920», книгу повестей и рассказов Василия Гроссмана «Несколько печальных дней». В планах «Художественной литературы» — сборник повестей и рассказов Бориса Зайцева «Голубая звезда», том писем Бориса Пастернака, сборник стихов Александра Галича; «Правда» выпустит «В окопах Сталинграда» Виктора Некрасова; «Советский писатель» прибавит к ним книгу украинского писателя Миколы Хвылевого «Силуэты», «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка...

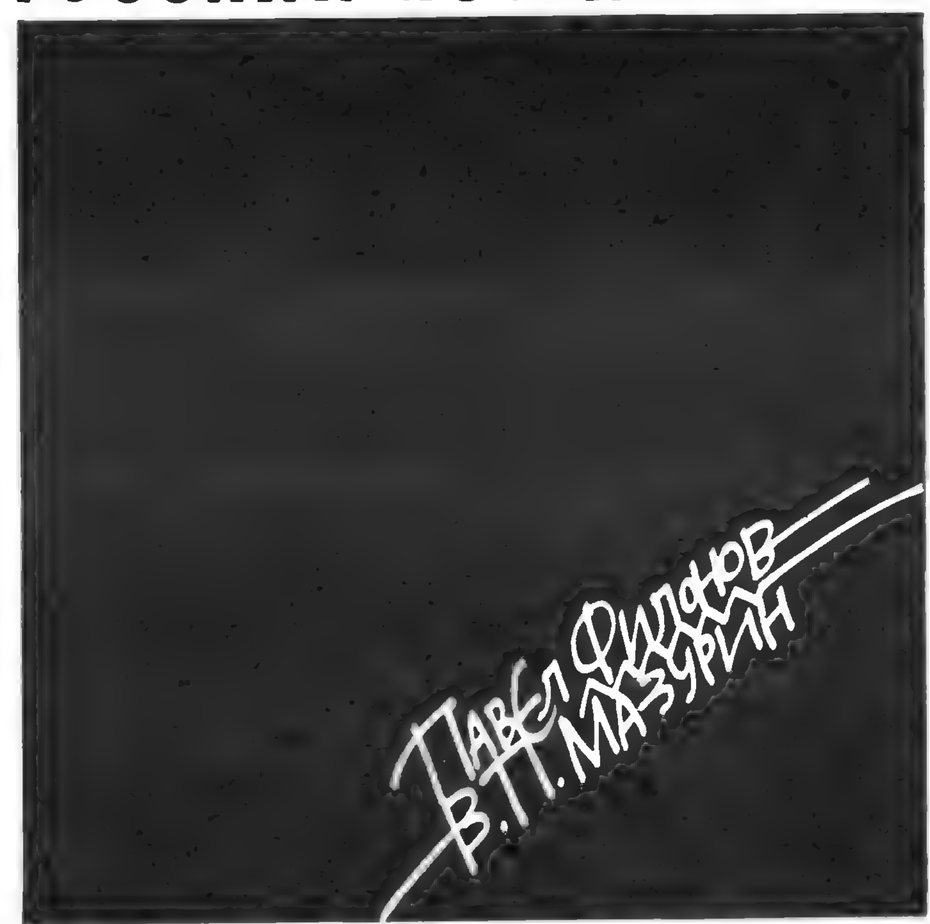
Впервые в программе экспресс-изданий будут представлены и зарубежные авторы: романы венгра Т. Дери «Ники», «Воображаемый репортаж» (кстати, последний опубликован журналом «В мире книг») и роман англичанина О. Хаксли «О дивный новый мир» выпустит «Художественная литература», книги Д. Юэна «Джорж Гершвин — путь к славе» и Г. Шмиделя «Битлз — жизнь и песни» — издательство «Музыка»...

Великое дело — соперничество, задор, стремление быть первым. И московским издательствам, привыкшим быть в фаворе, чувствую, придется быть расторопнее, пооборотистее. И «Советский писатель» и «Книжная палата» намеревались первыми выпустить многострадальный роман Бориса Пастернака, но их опередило литовское издательство «Вага», сделав это уже в декабре прошлого года. «Современник», «Книжная палата» и «Советский писатель» запустили в производство «Повесть непогашенной луны» Бориса Пильняка, а минские издатели уже выпустили солидный том избранных произведений писателя.

Когда вы, уважаемые читатели, знакомитесь со статьей, подсказанной вопросами, письмами, формируется программа экспресс-изданий на вторую половину 1989 года. Да, да... Год уже идет, и основные планы давно сверстаны, реализуются, но мобильный резерв, который имеет каждое издательство, не растаскивается, как бывало, на то, чтобы «порадеть родному человечку» из пишущих, из великих мира сего, а направляется на то, чтобы максимально приблизить журнальную публикацию к книжному варианту. Пусть скептики продолжают бубнить, что именно Госкомиздат оплел издательский процесс всевозможными инструкциями, ограничивающими свободу маневра, главная редакция художественной литературы будет делать все от нее зависящее, чтобы книги, о которых мы с вами говорим, печатались что называется, с колес. Как не согласиться с древней китайской поговоркой: дорога, может быть, затянется на сотни ли, но начинается она с первого шага.

РУССКИЙ ПОЭТИЧЕСКИЙ АВАНГАРД

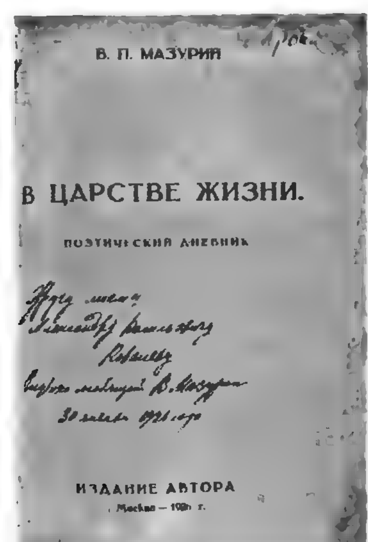
Ведущий — Геннадий АЙГИ

Титульный лист книги «В царстве жизни» с дарственной надписью автора А. Ковалеву.

В. П. МАЗУРИН

В ЦАРСТВЕ ЖИЗНИ.

ПОЭТИЧЕСКИЙ ДНЕВНИК

ИЗДАНИЕ АВТОРА

Москва

(1883—1941)

Оторвавшись от пожелтевших филоновских страниц, я вглядываюсь в сегодняшний день из зимней тьмы шестидесятых годов... Странно... — я пишу сейчас эти строки в самый разгар продолжающегося увековечения, — не только «в мире», но и у нас, — Павла Филонова, как одного из величайших художников XX века.

Материалами об этой необычайной личности полны сейчас центральные газеты и журналы. Не обходится и без неблагодарности и бескультурия, — на этот раз, не по отношению к Филонову, а к тому человеку, который больше чем кто-либо сделал для сохранения памяти о художнике, для передачи этого **памятования** будущим поколениям.

Ни в одной из публикаций о Филонове не упоминается следующий факт: первая отечественная посмертная выставка его произведений, совместно с работами М. В. Матюшина, состоялась в Государственном Музее В. В. Маяковского 28—30 декабря 1961 года, — Филонова пришлось «прикрыть» Матюшиным (что ничуть не умаляет этого замечательного живописца).

Выставку организовал выдающийся русско-советский искусствовед Н. И. Харджиев (я, со стороны Музея, был ответственным за это мероприятие и могу свидетельствовать, каких неимоверных усилий потребовалось тогда от Николая Ивановича для преодоления «хрущевского искусствоведения» в лице Министерства культуры СССР и всякого рода псевдо-маяковедов).

Ввиду нынешнего обилия информации о жизни и творчестве художника, я ограничусь лишь предоставлением *вниманию читателей Филонова-поэта.*

Поэтическая книга Филонова «Пропевень о проросли мировой» была издана Михаилом Матюшиным в 1915 году с иллюстрациями автора. Состоит она из двух драматических поэм — «Песни о Ваньке-Ключнике» и «Пропевени про красивую преставленицу».

Мощь воскрешенной лексической архаики сплавлена в этих поэмах с чрезвычайно удачным будетлянским «самовитым» словом, — поэтическая хватка Филонова в «Пропевени» свидетельствует о большом самобытном даре художника поэта. Стихотворные монологи в поэмах чередуются, по выражению А. Крученых, «ритмованной сдвиговой прозой (в духе рисунков автора)».

В завершение, отметим, что Велимир Хлебников чувствовал родственной себе живопись «прекрасного страдальческого Филонова, малоизвестного певца городского страдания», высоко оценил он и словесное творчество художника, — в апреле 1915 года, получив экземпляр «Пропевени», он откликнулся на нее в письме к М. В. Матюшину: «От Филонова, как писателя, я жду хороших вещей, и в этой книге есть строчки, которые относятся к лучшему, что написано о войне».

В дальнейшем Филонов, «как писатель», занимался только пропагандой своей теории «аналитического искусства», несравнимой (по причине однообразия и ограниченности) со сверхчеловеческой «сделанностью» его живописных шедевров.

ИЗ «ПЕСНИ О ВАНЬКЕ-КЛЮЧНИКЕ»

Княгиня:

...Бог наш в двери дивен сед бел
по веснам розовым оханье девье бьет в грудь мятою росной
притаимши снегами гнезда матерей открывают в небе Створы
тепло земле пало
в старом саду рай перевернулся спину греть
Настала радость любовная
На немецких полях убиенные и убойцы прогнили цветоявом
скот ест бабы доят люди пьют живомертвые дрожжи
встает любовь жадная целует кости юношей русских
в черной съедени смертной на путях Ивангорода

Ванька-Ключник:

пушечное обеданье и бель мозга сороконого
жло колес по ступню человечьеи грызью зубочлены тел
и земь вбило
рваноемом трупни горам живодето рядом железным слаборуко
рубит яво по коням по суровым
прояв мужа медь жадно тяжит плевая мета
ранену под глазами твердогляды встречает троеряд
в клочья подотголос рявом стену яру явит
орежет в нет жовом надежно в высь явит
ноги гнева по одежде вырвано с костями на век
роди далекои забыт обнимает кровь красавиц осиро
на путях Ивангорода трава палая вбита давлена тяжелью
вбивой
на путях Ивáнгорода никнут онеми
на ставу рек встало немо горло сжатое песни
слова сторонами идут скорбно скорбители рыданы хрясом
ломым
о не нам петь о вере в жив-Бога воинов широко костных
нарыв глыбная хоронит хлявь липью льдянистою иметь
ранню утру обнимает душ тягою слепо прощупь
жрет ему могил ослизло ест их головы русские неоцено-
прекрасные
и когда поднимается тень смертная бел-росами поля ночи
кроет простреленным нежносурово твердь тел
окрест вкрестят свинец в дождь гибели черную хвату
невидью
сеят над протянутои ловом
вырывают в раи божественно простых и смелых
матерям женам на милои родине под овзиром Бога
медь колоколов вековое воет ждневный разъявлен ощерен
земля ежно-черная хлязи стра-брани в остраньях мира
взнесет кровью тихою небу

ИЗ ПРОПЕВЕНИ ПРО КРАСИВУЮ ПРЕСТАВЛЕНИЦУ

Хор:

воин рудит хруном ему Сирин дарит в зево стрело
бросом
лет пронесет по рези
мерно елым ронит придорожи руну соболину
поцелуйн в зове хрипом ранней рати

Солдат:

оземляют красноты по суху и по болотам
вольнеет русскою кровью ростью дробленой сводит глаз
горелыи рваным орубо о-руки о-ноги о Русские головы
давлень глазами живая ятко жим зубнои давит стоном
в грудь обратно бель аах и аахивают и слезят и борют на Запад стенелой недвигой на реву чуж-проез чемоданы рвут крош рвань конями Генералами табаком-махрой девом гоным еви небои нем-оговором по головам по Русым скобкой седина оходит в сапогах осторожно в землю чужую мерзлую

Насильник:

раз и два говорю тебе «баба, люби!»

Баба:

полумальчик горячит горячо скоки коня равнолетом до рядов
неколебимых Прусских прискакал повоевал по могучим лицам
умер и схоронен навсегда а молоденькии молоденькии-то а!
и омертвел а лощадь за гробом идет

Солдат:

идут земляки железные серые тяжкие великаны силоносые
безмерные

Раненый солдат:

гляд бледн где мне лицо осит глазами спящ мальчик раем станет старым гостем Богу а сестрица молит свечею Трех-пудовой выбить немцев из окопов подземных проходило в промежало нам невидно чернотою кос и кивом дня положит руку и солдат бородатыи пал ранен а Господь уносит вторую пулю ряд за рядом и помру срослась съелась заперта земле полурота свят гвоздь сапог в города выводит мир на головах прямоносых горы разбили руками и до Берлина топорами дорубились валенками в святом прогляде детских ног в мозолях спи, парень терпелив! ваша кровь мать земля ногам я закрою окно и шепну ветру «уйди!»

Запевало:

упокоителем нелестным по мареным ромахам
поцветает желтотою палою оперение равноцветное
по простели полевои там проходителем зыбким
позвенит седотравною полуволной сладкая теплынь
перезовами соловьевыми олпабует ровную припевку
проживителями быстро
ревностью бредит промежая струи живорыбит летуч
на дремой
окривит выем ракиты разлапой
помирателем слышно дав голос простой мерный кукушкин
проволнит поперекем нарестль езвую отопь забудь
брос грустн
Грешнеи зайденой рам промыча будли бронные
пронижет рядом лито
русо вихрь лет

(1860-е? — 1927)

Уже четверть века я занят этой странной историей... В наше, советское время жил замечательный поэт, фамилию которого знает, по моим подсчетам, не более пяти человек. В течение многих лет я перерыл десятки справочников, расспрашивал архивистов, — никому ничего неизвестно о поэте, — авторе единственного стихотворного сборника, уникального — даже по современным «меркам».

Вот данные об этой книге: **В. П. Мазурин. В царстве жизни. Поэтический дневник. Издание автора. Москва — 1926.**

Одно из последних советских изданий с грифом издателя-автора (завершили этот недолгий период три выпуска сборника «Живой Маяковский» Алексея Крученых... — «Вызвали меня в 30-ом на Лубянку, встретили даже не с окриком, а с изумленным восклицанием: «Как вы умудрились выпускать такие книжки **до сих пор!**» — рассказывал Алексей Елисеевич).

Через 12 лет после знакомства с поэзией Мазурина, я вторично встретил его имя в «самиздате». В 1975 году в мои руки попал машинописный сборник стихотворений Филарета Чернова, составленный Евгением Леонидовичем Кропивницким.

«Изумительный лирик», — отзывается о Чернове в предисловии к этой машинописи Е. Кропивницкий. Далее он сообщает: «Филарет Иванович Чернов родился в городе Коврове Владимирской губернии в 1877 году и умер в Москве в сумасшедшем доме 4 декабря 1940 года. Из общего значительного количества стихотворений Чернова сохранилось около четырехсот».

Чудо! — среди стихотворений Ф. Чернова (действительно тонкого лирика тютчевско-фетовской школы) вижу, пораженный, одно, — озаглавленное «На смерть В. П. Мазурина», датированное 16-ым января 1927 года. По тону стихотворения ясно, что оно написано сразу после смерти поэта.

Однако я не воспользовался чудом этой встречи с именем Мазурина. Надо было взять и поехать к нашему «неоавангардному патриарху» Евгению Леонидовичу, — только от него можно было подробно узнать о загадочном поэте. Я этого не сделал, Е. Кропивницкий скончался 19 января 1979 года.

Теперь я время от времени советуюсь с художником — сыном Е. Л. Кропивницкого. Огромный архив покойного поэта и художника еще не разобран. Очень надеемся, что в нем обнаружатся материалы, относящиеся к Мазурину. Лев Евгеньевич свидетельствует о большой любви отца к автору «В царстве жизни», однако Евгений Леонидович, по-видимому, не был знаком с самим поэтом. В библиотеке Кропивницких находится экземпляр

сборника Мазурина с его дарственной надписью Александру Васильевичу Ковалеву (брату известной певицы Ольги Ковалевой). Думается, что эти немногие данные, в дальнейшем, могут помочь исследователям установить краткую биографию В. П. Мазурина (возможно, этому поcодействует и наша публикация).

Кое-что об авторе «В царстве жизни» можно узнать по его стихотворениям. Несомненно, что он родился в бедной крестьянской семье. В город попал юношей, хорошо знаком с «фабричным адом». В послереволюционные годы в школьных мастерских преподавал «труд» (столярное и переплетное дело). «Возрастные» признаки, встречающиеся в стихах (также и в предисловии к ним), позволяют предполагать, что родился он в шестидесятых годах прошлого века.

Теперь — о правомочности включения В. П. Мазурина в поэзию русского авангарда. Его мировоззрение безусловно противоположно идейным установкам наших авангардистов, — скажем, тех же кубофутуристов. Упомянем два момента: у Мазурина — редкостная слиянность человека с природой, чувство народно-простого равенства с людьми, у футуристов — напускная ироничность по отношению к природе, подчеркивание верховодствующей роли поэта среди «толп» и «масс» (сказанное не относится к Е. Гуро и В. Хлебникову).

Отметим и следующее: слово у «типичных авангардистов» всегда — автономное, самодействующее: каждое слово само по себе должно быть чрезвычайно обострено, как самодовлеющие звук, линия и цвет в новейшей музыке и живописи.

Слово у Мазурина — не напряженное, а простое и мудрое (сильное светом единства этих двух качеств).

Но вот, — почему старый человек («уже при конце жизни»), с русско-православными интонациями в голосе, вдруг взял и заговорил в совершенно необычной, казалось бы, для него форме? Не лучше ли было бы ему выразить свою мысль традиционным языком, — таким, как у того же Филарета Чернова?

Мазурин оказался подлинным искателем. Ему нужна была новая форма. И отважиться заговорить по-новому ему помог Уолт Уитмен (его имя встречается в одном из стихотворений «В царстве жизни»). И здесь следует подчеркнуть, что общеевропейская авангардистская эпоха в поэзии, везде и всюду, в первую очередь, была связана с творчеством великого американского поэта-реформатора.

Русский поэт лишь оттолкнулся от Уитмена (в его книге лишь раза два встречаются отзвуки «Листьев травы»), не говоря уже о том, что он не мог не знать раскованную поэзию Маяковского, Хлебникова, Каменского.

Итак, как же соотнести Мазурина с новейшей русской поэзией, — причем тут авангард?

Когда задумывалось и писалось «В царстве жизни», в воздухе все еще реяло ощущение свободы выражения. Это было главным творением авангарда. Коснулось оно и Мазурина, — вызвало к жизни его поэзию (и в нашей антологии мы не будем ограничиваться только представителями специфически-авангардных групп и школ, — постараемся быть внимательными и к тем авторам, которые, так или иначе, оказались причастными к новейшим видоизменениям языка русской поэзии).

Уникален мазуринский верлибр — очень естественный, очень русский (примеров такой русско-национальной самобытности верлибра, на сегодняшний день, чрезвычайно мало, несмотря на блестящие примеры Хлебникова и Игоря Терентьева, Гуро и Крученых). Закрываешь книгу Мазурина и будто слышишь некое народно-крестьянское пение, — без слов, без привычного «канона». Как это удается поэту? Это уже — тайна таланта.

Стихи, вошедшие в книгу «В царстве жизни», написаны в промежутке от 22 мая 1924 года до 12 сентября 1925 года. Сборник, судя по дарственной надписи Мазурина А. В. Ковалеву, вышел не позже января 1926 года. Поэт скончался ровно через год после выхода своей книги, пережившей его, ждущей «издательского воскрешения».

Я написал мои пьесы среди природы, — среди репьев, полыни, цикория, картофельных и хлебных полей; в лощинах и канавах подмосковной дороги, в старом парке, где на липах дремали совы и прыгали белки. Наконец, писал в мастерской, где я работал с детьми, и на улицах, когда шел на работу.

Писал я не потому, что хотел написать что-то, а потому, что не мог не писать. Мне хотелось выразить, и я выражал одну мысль:

Жизнь человеческая есть высочайшая радость сейчас, сию минуту, в этом мире, здесь на земле.

Радость доступна всякому человеку, во всякое время. От самого человека зависит быть счастливым или несчастным. Он может держать свой внутренний мир светлым или темным. Жить при жизни, или умереть при жизни.

Мысль о радости человеческой жизни была много раз выражена мудрецами и поэтами в древности и теперь, на Востоке и на Западе.

Я понял эту мысль вполне уже при конце моей жизни, и тем горячее мне хочется ее раскрыть: ведь нигде в мире нет радости счастья, если их нет в человеке. Радость приносит человека на землю, радость заставляет его цвести, и радость должна унести человека из этого мира.

В мире все прекрасно: воробей и крапива, орел и пальма — одинаково хороши. Все зависит от отношения самого человека к миру.

Чем человек хочет быть, то он и есть.

В. МАЗУРИН

15 ноября 1925 года

Между двумя
Великими молчаньями, —
Молчаньем до рожденья
И молчаньем после смерти,-
Дано сказать мне слово.
Учусь сказать
Его достойно.
Ведь стоит:
Только раз один
Дано сказать
Мне слово,—
И вдруг испорчу!

22 мая 19

Клен задремал.
На часах листок сторожевой
Ревниво сторожит
Покой уснувших братьев,
Качаясь бестолково
На длинном стебельке.
Чуть ветер,
Клен шумит
По зову часового...
Мой лист сторожевой —
Трепетное сердце —
Всегда доносит мне
О знойном ветре.
Но жаль, — я просыпаю
Его начало
И часто
Пробуждаюсь в бурю.

27 июня 1

Спит косец,
Прикрытый грезами
Из трав и цветов
И унесенный в голубое небо
Нежным ароматом
И песней жаворонка.
А на постели
Храпит большое тело
Беспомощное и жалкое
С красной шеей
И корявыми руками.
Косцу нет дела
До дня и солнца:
Он выпил на лугу утро
И пьян его красою дивной.
Что может он сказать,
Если сон продлится вечно?
«Спасибо,
Я заработал
Золотое царство
Постоянной радости!»
30 июня 24 г.

Я не завидую
Тебе, солнце:
Ты бросаешь лучи,
Я подымаю их;
Для тебя они —
Упавшие волосы с головы,
Для меня —
Жизнь и красота.
18 июля [1924]

Жатва еще не кончена.
Не время подсчитывать снопы.
Идите же со мной, жнецы,—
Дела много,
Оглядываться некогда.
Утонем с головой
В золоте хлеба.
Так утонем,
Чтоб идущие за нами
Видели только хлеб
И не видели нас.
22 июля [1924]

Поднялся цветок на болоте.
Его затопила вода.
Поплыли ужи и пиявки
Над бедной головкой
И тина ее затянула.
В лачуге родилась малютка.
Ее подхватила нужда
И зарыла глубоко
В грязи подворотень...
Перед смертью девочке
Снился цветок из болота:
Росла у нее на груди
Голубая головка
С желтым глазком
И ее целовала
В холодные губы.
24 сентября [1924]

Труд и песня!
Он идет в глубь,
К корню,
Что питает.
Она вверх,
В лазурь,
Что радует.
Оба вместе —
Прекрасное дерево.

68

Женщины — лепестки
На цветке мира.
Им первым суждено
Встречать солнце
И первым
Вспыхивать зорями.
На высоте их держит
Целомудрие.
Без этой подборки
Они «падшие»,
«Идолопоклонницы»,
И позор, и ужас:
Мы, — мужи, —
Сторожа
У дорогого стебля,
Мы-то его и ломаем.
15 марта 25 г.

Тень — прелестнее букета:
Он — неподвижность,
Она струится...
Такова и поэзия:
Она прекраснее поэта.
20 марта [1925]

8

Страшен и прекрасен мир,
Куда возносится
Творящая душа.
Там вздрагивают молнии
В голубой лазури;
Лучи чуть
Выводят узоры
Таинственной жизни.
Там одиночество, созерцанье...
И едва, едва
Невидимой звезде-человеку
Чудятся в глубоком отдаленьи
Такие же светила-люди.
28 марта 25 г.

88

Мне жаль цветов:
Зачем сорвали их,—
Они живые!
Недостойно наслаждаться
Трупом невесты.
Зачем же принесли
Глаза невест
На мертвый стол
И ставят рядом
С трупом рыбы
И сладким пирогом?
15 апреля 25 г.

Мальчик в красной рубашке
Сует кулачонками в воздух
И вспрыгивает босыми ножкам
Он летит туда,
Где забывают радость.
Бородатый мужчина
Гладит на тротуаре кошку,—
Этот старается
Попасть туда,
Где вспоминают радость.
4 июля [1925]

104

Сегодня три раза
Я испытал восторг:
Первый раз, когда увидал
Свет в росинке.
Он зажег меня.
Второй раз, когда увидел
Такой же свет
В глазах ребенка.
Я удивился...
Третий раз, когда читал
«Упанишады». Древний свет
Осветил
И росу, и глаза ребенка.
21 июля [1925]

106

Девочка прыгает через веревоч
И в «метелочку» и «так».
Вот этого счастья
Я уже лишен.
Но зато мне дано счастье
Понимать счастье ребенка.
О, как я желаю
Такого же счастья
Прелестной девочке
Тогда, тогда,
При ее последней заре,
Когда одно крыло
Опустится туда,
Где уже не машут
Никакие крылья,
А другое еще трепещет
В упругом воздухе.
23 июля [192

113

Идет сапожник
Один среди поля
И поет:
«Если б не было вина,—
Не было б похмелья;
Если б не было меня,—
Не было б веселья».
Мы здороваемся,
Стоим и смеемся.
Он говорит:
«Иду с утра
И никак не дойду:
Хорошо тут».
Сапожник показал
На траву и кусты,
Горящие в кустах зари,
И прибавил:
«Что ж, работаешь,
Работаешь,
Надо и повеселиться».
Выпивши, а хорош.

КНИГА-ПАЛЬМА И КНИГА-КОМПЬЮТЕР...

С ЭКСПОНАТАМИ МУЗЕЯ КНИГИ ГБЛ СССР ИМ. В. И. ЛЕНИНА ЧИТАТЕЛЕЙ ЗНАКОМИТ СТАРШИЙ НАУЧНЫЙ СОТРУДНИК О. Г. ШКАБЕЛЬНИКОВА

В экспозиции Музея книги можно увидеть глиняную книгу — слепок с клинописной таблички II тыс. до н. э. На мягкой глине изображения наносили тростниковой палочкой в форме клина; таблички высушивали на солнце или — наиболее ценные — обжигали для прочности в печи.

Впервые глиняные книги разнообразных форм и размеров стали применять в низовьях Тигра и Евфрата шумеры, затем вавилоняне и ассирийцы. Эти книги поведали нам о верованиях, традициях древних народов Месопотамии. Сохранились клинописные таблички, содержащие легенды, исторические повести, записи магов и астрономов, словари. Около 22 тысяч глиняных табличек насчитывала библиотека ассирийского царя Ашшурбанипала, основанная на Куюнджикском холме 26 веков назад.

Материалами для письма, помимо глины, служили бамбук — в Китае, береста — в Новгороде Великом и других русских городах, фикус — у народов майя, раковины — в Индии. Использовали также шелк, кожу, металлические пластины, песок, кость, камень, ивовые ветви, кору (не случайно слово liber в переводе с латинского имеет два значения: кора и книга). Писали и на листьях.

В экспозиции представлена рукописная книга XVIII века со страницами из пальмовых листьев. Эта буддийская книга на языке пали изготовлена в форме стопы. Листья высушивали, нарезали на длинные тонкие пластинки. Страницы — листья тщательно отглажены лощильником — гладким камнем либо ракушкой, сложены в стопы, прошнурованы бечевкой. Раскрытая книга напоминает веер. По конструкции и материалу она повторяет один из ранних индийских книжных памятников XI века — книгу теорем «Сашрута-Самхита». Книга в форме веера продолжала свой век и после изобретения книгопечатания, когда Иоганн Гуттенберг «в живую плоть облек и мысль и слово».

В III тысячелетии до н. э. в Египте была изобретена одна из древних форм книги — свиток. Для изготовления свитка служили папирус, шелк, позднее — пергамен, бумага. Книги-свитки использовались в актовой документации русских приказов до XVII века. Известны русские азбуки-прописи XVII века в виде свитков. В Музее представлен папирусный свиток, изготовленный по старинной технологии в институте доктора Рагаба, в Каире; хорошо видна фактура материала — уложенные слоями срезы тростника. Процесс изготовления писчего материала из «растения реки» описал римский естествоиспытатель I века Плиний: ствол тростника очищали от коры, разрезали вдоль на тонкие пластины, складывали крестообразно, спрессовывали. Лощильником из слоновой кости или раковины устраняли шероховатости. Изготовление и продажа папируса были монополией фараона. Книги-свитки из папируса египетские жрецы помещали в саркофагах фараонов рядом с другими предметами, напоминающими о жизни — посудой, украшениями, оружием... «Книги мертвых» — свитки с молитвами и заклинаниями — свидетельствуют о познаниях древних египтян в геометрии, медицине; наряду с религиозной и нравоучительной литературой, на папирусных свитках сохранились повести, сказки.

До 700 тысяч папирусных книг-свитков, заключенных в цилиндрические короба, стояли на полках Александрийской библиотеки — гордости властителей Египта — Птолемеев. Футляры украшали слоновой костью, красным и черным деревом, перламутром. В Музее можно увидеть футляр из черной парчи с цветочным узором, украшенный четырьмя золотистыми кистями. Для изготовления книг-свитков с III века до н. э. китайцы стали применять шелк, сделавший книгу более удобной и легкой. Писали на одной стороне цельного куска шелка — сначала столбцами, затем сплошным текстом поперек материи. Чтобы «перелистнуть страницы», полотно наворачивали на планку, прикрепленную к одной стороне свитка.

В форме свитка изготовлена и длинная маньчжурская бумажная книга XVII—XVIII вв., и арабский пергаменный календарь XIX века, которые неизменно привлекают внимание посетителей. Музей знакомит также с изданиями оригинальной конструкции: книга-«бабочка», раскрывающаяся на 5 сто-

рон; книга в форме оберточной брошюровки; книга-стопа, состоящая из отдельных, не скрепленных между собой листов, не распавшихся под тяжестью плотной картонной крышки.

Ксилографическая китайская книга XV века «Великий закон первоначальной эманации» (1445) — фантастическое объяснение происхождения мира — выполнена в форме гармоники. Книги-«гармошки» при чтении располагались на горизонтальной подставке, на полу. Форма книги-гармоники была широко распространена в Китае, Японии, применялась для подготовки буддийских религиозных изданий.

Однако наиболее удобной, а потому завоевавшей весь мир стала форма книги-кодекса, (форма привычной для нас книги). Книга-кодекс представлена прекрасным факсимильным воспроизведением самой ранней русской рукописной книги в собрании Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина — «Архангельское евангелие» (1092 г.). Книги-кодексы получили распространение в VI веке, когда стал применяться книжный материал средневековья — пергамен. Название древней формы книги-кодекса, пришедшей на смену свитку, сохранилось в обозначении сводов законов, например «Уголовный кодекс», «Земельный кодекс».

...Свет падает на пергаменный лист — и становится хорошо видна шероховатая поверхность материала — особым способом выделанной кожи: обработанной пемзой, замачивавшейся в известковом растворе, пропитанной медом. Пергамен эластичен, писать на нем можно с двух сторон. Материал дорог, поэтому писцы никогда не приобретали его впрок; нередко текст смывался молоком, соскабливался ножом для вторичного нанесения текста на пергамен. Так появились повторно использованные пергаменные книги-палимпсесты. Применение в книжном деле пергамена позволило варьировать размеры книг.

Слово «формат» возникло от латинского formo — придаю форму. Уже у древних китайцев и арабов были установлены форматы бумаги. Так, самый маленький формат 6,1×9,1 см арабы называли «птичьей бумагой», предназначенной для голубиной почты, самый большой достигал 73,3×109,9 см. До XVIII века размер книги определялся так называемым библиографическим форматом, зависел не от величины листа, а от того, сколько раз складывали лист. Сложив лист бумаги один раз, получали формат 2° (folio), вдвое — 4° (quarto), втрое — 8° (octavo). Позднее размер книги стал определяться библиотечным форматом, в котором длина и ширина указывались в сантиметрах. (В СССР предусмотрено 36 форматов, в том числе 19 основных и 17 дополнительных — для изданий по искусству, книг для детей, изданий, улучшенных по оформлению. В выходных данных книги всегда имеются сведения о формате: наиболее распространенные в $^1/_8$, $^1/_{16}$, $^1/_{32}$ долю листа).

Пергамен не ломок, его можно фальцевать. Сложенный пополам лист являлся основой для книги большого формата — инфолио. Книга-фолиант представлена «Хроникой» Шеделя с прекрасно выполненными раскрашенными гравюрами на дереве.

Развитие типографского мастерства позволило использовать специальный шрифт «малый курсив» — появились книги карманного формата. Их можно было брать с собой в далекое путешествие. Рядом на стендах музея книги-малютки, книги-«колибри». Миниатюрные книги свидетельствуют о развитии книжной культуры, мастерства типографов. Среди книг-малюток первое миниатюрное издание, отпечатанное в стране Советов — «Конституция (Основной закон) РСФСР» (Кинешма, 1921), размером 35×50 мм. Рядом несфальцованный сборник «Поэзии» Адама Мицкевича, в крохотный переплет которого вмонтирована лупа. Особый интерес представляет самая миниатюрная русская книга прошлого столетия «Басни Ивана Крылова» (Спб. 1855). Эту книгу называют жемчужиной русского полиграфического искусства. Ее издатель Я. Я. Рейхель отпечатал несколько произведений известного баснописца для любителей библиографических редкостей, «чтобы выказать степень совершенства, до какой доведено... книгопечатное искусство». Размер книги — в $^1/_{256}$ долю печатного листа. Для издания был отлит мельчайший, неповторимый шрифт «диамант» размером около 1,13 мм; наборщики работали в специально заказанных очках-биноклях. Книга-малютка выпущена в специальном крохотном футляре в виде брелока.

В отдельной витрине разместилась гигантская книга — «Берлинский громадный атлас», или, как ее еще называют «Атлас великого курфюрста». Это факсимильное издание третьей по величине книги мира, 2-метрового атласа. Даже уменьшенное вдвое издание поражает впечатление посетителей. В атласе, изготовленном в середине XVII века, 35 карт разных стран, одна карта мира и 17 морских карт. Атлас был заказан в Амстердаме и подарен курфюрсту Фридриху Вильгельму Бранденбургскому, поэтому переплет подносного экземпляра выполнен из кожи, украшен геральдическими изображениями. Вес экспоната 85 кг.

Художники, конструкторы книги продолжают творческий поиск — появляются книги с добавлениями — из бумаги, пластика, керамики. Так, к книге первой четверти XIX века «Калейдакустикон...» (1826 г.), содержащей подробные рекомендации «как сочинять 214 миллионов вальсов», приложены небольшие пачки — каждая соответствует букве латинского алфавита. Из каждой

пачки сочинитель вальсов вынимает одну карточку — отдельный такт. Каждая новая карточка изменяет мелодию. К 300-летию со дня рождения Баха издана книга с вмонтированной в переплет медалью из керамики — изображением композитора.

Среди изданий с уникальными дополнениями — «Янтарный сказ» (Калининград, 1981 г.). Один из авторов книги, умелец из Калининграда Э. Григо, изготовил особую «страницу» — пластиковый аквариум с морской водой и кусочком янтаря.

Особый интерес вызывают «звучащие книги», среди которых выделяются детские. В старинную книгу вмонтирован ксилофон с разноцветными пластинами, ноты записаны красными, желтыми, синими ромбиками, звездочками, квадратами — соответствующими по цвету клавишам инструмента, приложен изящный молоточек. Современные французские книги «Маэстро», «Мини-маэстро» изготовлены для начального обучения музыкальной грамоте. Читатель прикасается к нарисованным клавишам фортепьяно — и раздаются мелодичные звуки: «до», «ре», «ми»...

Достижения современной техники демонстрируются и электронными изданиями с «волшебными чернилами»: с книгой можно «поговорить». Отвечая на вопрос, предложенный книгой, читатель дотрагивается специальным карандашом «Бип-пен» до страницы. Если карандаш стоит на правильном ответе — раздаются мелодичные короткие сигналы, при неверном — длинные.

Следующий раздел музея посвящен бумаге — ее называют одним из великих открытий человечества. Первое упоминание о бумаге относится к 12 г. н. э. Уже в 76 г. н. э. в Китае бумагу применяли для изготовления книг; из нее также делали фонарики и зонтики, бумага заменяла стекла в окнах. Из Китая бумага проникла в Японию, Персию, Северную Америку, на Кипр, затем в Италию и примерно в 10 в. — в другие европейские страны.

Вплоть до середины XIX века бумага изготовлялась преимущественно из тряпичного сырья. На гравюрах, представленных в экспозиции Музея книги, изображен процесс изготовления. Собранное тряпичником сырье поступало на сортировку. В косарне, работая старыми косами, дети и старики срезали пуговицы и крючки, разрезали материю на узкие полосы. Отсортированное сырье толкли в ручных и ножных толкушках, замачивали, измельчали. Полученную массу помещали в чан с черпальной формой. Самой главной фигурой в отливе бумаги считался черпальщик — он изображен на гравюре И. Аммана (XVI в.). Работа черпальщика приравнивалась к искусству, считалась аристократической. В обучение мастерству брали детей «честных» родителей, имевших достаточное состояние. Обучение, по установленной традиции, продолжалось 4 года 14 дней.

Черпальщик вынимал из чана форму, встряхивал, чтобы слой волокон был равномерным, передавал форму с будущим листом для укладки под пресс. Чтобы черпальная форма была прочной, не перекосилась, в течение длительного срока оставалась пригодной, деревянные части специально подготовливались. Детали — их изготавливали из дуба, красного дерева — нарезали узкими дощечками, долго варили в воде и постепенно высушивали. Особым способом изготавливали и медную проволоку для черпальной формы: металл расплющивали молотом в тонкую пластину, разрезали на полосы, округляли и протягивали через отверстие, просверленное в драгоценном камне. В Англии в конце XVIII века проволоку, чтобы сделать ровной, протягивали через алмазные, сапфировые волоки.

Черпальные формы были дороги: лондонские мастера в конце XVIII века за две формы платили сумму, равную стоимости повозки с парой лошадей.

Бумага высших сортов отливалась новыми черпальными формами, а старые, треснутые, с починенной сеткой, были пригодны для отлива дешевой бумаги.

...Включается подсветка, и на листе бумаги становятся видны водяные знаки — филиграни: изображение медвежонка с короной (герб Ярославля). Филиграни служили своего рода фирменным знаком владельца бумажной мануфактуры, бумажной мельницы. Водяные знаки были различны: с изображением орла, карпа, льва, тряпичника, цветов, гирлянд, монограмм, портретов... Филиграни были настолько распространены, что давали название формату. Например, во Франции XVII века листы с изображением руки именовали «рука», «двойная рука», «малая рука». Водяные знаки характеризовали и сорт бумаги: бумага с колоколом, с раковиной, с виноградом, с кувшином.

Чтобы отлить бумагу с филигранями, на черпальную форму прикрепляли изображение, вышитое шелковыми нитями или выполненное из проволоки. Историки книги, палеографы, исследующие водяные знаки, помогают установить точную дату издания книги.

На витрине — рисовая бумага ручного производства, жалованная грамота XVII века, отпечатанная на тряпичной бумаге, а рядом — древесная щепа, канифоль, каолин — это компоненты, необходимые для производства бумаги из древесины.

Известно 600 видов бумаги. В Музее представлены, например, образцы кожаной бумаги для обложек петербургской фирмы Берниц и К°, имитирующие семь сортов кожи 70 цветов и оттенков; издание, отпечатанное на плотной, похожей на картон бристольской бумаге и словарь-лилипут, отпечатанный на тончайшей бумаге бибельдрук.

Поговорка гласит, что но-

вое — это хорошо забытое старое. Перед нами тоже, по существу, книга-свиток, но современная — микрофильм. Вопросы консервации, сохранения книжных сокровищ помогут решить микрофиши, — сделанные из бессеребряной диазопленки тонкие пластины с переснятыми страницами и книги будущей — ультрамикрофиши. Даже не верится, что пленка размером 5×5 см вместила более 600 страниц текста! Прочесть ультрамикрофиши можно с помощью специального аппарата, увеличивающего изображение в 150 раз. Его опытный образец, разработанный в СКБ ВИНИТИ, демонстрируется экскурсантам в действии.

Уникальные свойства микрографии позволят продлить «срок жизни» книги; сохранить гектары леса.

В Музее книги представлены и другие носители текста — магнитные диски, имеющие большую информационную емкость. В современных «электронных изданиях» применяется новая система записи и воспроизведения текста — с помощью лазерных устройств: представлены оптические компакт-диски емкостью 54 000 страниц с каждой стороны. На такой диск можно также записать цветной видеофильм.

Так, в одном разделе экспозиции столкнулись прошлое, настоящее и будущее книги.

ПИСЬМО НА ОФИЦИАЛЬНОМ БЛАНКЕ

...ллегия Управления издательств, ...олиграфии и книжной торговли Мосгорисполкома рассмотрела в своем расширенном заседании ...ью «Магазин 100-бис», ...нную в журнале «В мире ...» (№ 12 1988 г.) в присутствии ...дставителей общества книголюбов и руководителей ряда ...едприятий.

Считаем, что в статье справедливо затронуты существующие сегодня проблемы организации продажи ...чатных изданий в условиях острого книжного дефицита.

В создавшейся ситуации порядок реализации книг, спрос на которые удовлетворяются не в полном объеме, регламентируются нормативными документами вышестоящих организаций. Упомянутые в статье приказы были разработаны в соответствии с этими документами и не вступают с ними в противоречие.

Практика торговли показала, что организация продажи в трудовых коллективах литературы, спрос на которую удовлетворяется не в полном объеме, является в настоящее время мерой необходимой и оправданной. С учетом предложений, высказанных на заседании Коллегии, Управлением и Москнигой предусматриваются практические меры по упорядочению этой работы с привлечением для обеспечения широкой гласности актива общества книголюбов.

Коллегия Управления издательств, ... книжной торговли Мо...

ЧТО ИМЕЕМ? КАК ХРАНИМ?

Судьбе и творчеству Бориса Леонидовича Пастернака были посвящены такие публикации нашего журнала, как «Приблизить час» и «Перед красой земли» (№№ 5, 6 — 87 г.).
На этот раз мы знакомим читателей с проблемой создания музея Бориса Пастернака.

ОДОЛЕЕТ ДУХ ДОБРА

— Так это, стало быть, литераторы за гробом идут?
М. Булгаков.

Начать хотелось интригующе: когда госпожа Нэнси Рейган посетила в мае 1988 года бывшую дачу Бориса Пастернака в Переделкине, то...

Увы, продолжить «лидер-абзац» нечем. И не потому, что впечатлений было так много, и трудно выбрать самое-самое. Их, к сожалению, не было вовсе, да и не могло быть. Дом Пастернака пуст.

Странно, — удивится иной читатель. — Ведь разговоры о том, что на даче будет музей, ведутся давно, а воз, получается, и ныне там? Разговоры-то ведутся, а вот музей...

Однако внесем ясность: музей разрешен. Есть приказ Министерства культуры РСФСР от 1 июня 1988 года о его создании на правах филиала Государственного Литературного музея. И, что не менее важно, есть огромное желание сотрудников музея закончить все работы к 30 мая 1989 года, ко дню памяти Бориса Пастернака.

— Создание музея — это огромная подготовительная работа, — говорит директор Гослитмузея Н. В. Шахалова. — «Тематический план», «научная концепция» — словосочетания, без которых в работе не обойтись. И план, и концепция обсуждены на ученом совете, куда были приглашены члены комиссии по литературному наследию, родственники поэта.

С чего мы начали? С реставрации дома, который капитально не ремонтировался со времени постройки, уже более 50 лет. Надо учитывать, что у музея нагрузка будет другая, в прямом смысле. Так что и полы надо менять, и лестницу на второй этаж укреплять, надо вывести бойлерную из-под дома... Работы много.

Конечно, не удержавшись, я сочувственно поинтересовалась, не нужна ли Литературному музею какая-нибудь помощь на все готовой общественности, например, или Союза писателей — достать что-то, выбить.

— Представьте себе, помогать нам не надо! Да и чем можно помочь сегодня?

Мы заключили договор с объединением Росреставрация, с которым работаем постоянно, сотрудники музея — профессионалы, свое дело они знают. Советский фонд культуры предлагал организовать благотворительный концерт и передать нам деньги — а они нам тоже не нужны, средства у нас есть.

Так что главная помощь сегодня — не мешать...

История «решения вопроса о создании дома-музея» началась давно и, как ни странно, развивалась в строгом соответствии с законами изложения захватывающих историй.

Итак, вступление. К сожалению, долгое, горькое, нелогичное. Пересказывать его полностью здесь вряд ли стоит. О выселении в октябре 1984 года семьи Б. Пастернака по иску Литфонда СССР писали и «Огонек», и «Строительная газета». Именно тогда и опустел дом, из которого вынесли мебель, работы отца поэта—академика живописи Л. Пастернака, библиотеку с бесценными автографами, рояль Г. Нейгауза. «Государственную дачу», принадлежащую Литфонду СССР, подготовили для передачи «следующему писателю». Претенденты были, но все отказались, правда, не сразу. Так и остался стоять пустым дом Бориса Пастернака в ожидании и неизвестности.

Ожидание длилось недолго. Началась завязка нашей истории.

С пустующей дачей надо было что-то делать. Что же? В секретариате Союза писателей поразмыслили... И появилась идея разместить на бывшей даче экспозицию «Литературное Переделкино», в которой «отразить» материалы о писателях, чья жизнь неотделима от этого поселка. И как было бы славно: заселив в одном доме «братскую семью» советских писателей, еще раз тем самым продемонстрировать чувство локтя, коллективизма и т. д. Хотя, без иронии, надо согласиться, что «общий» музей в Переделкине действительно нужен: и многие известные писатели там жили, а уж сколько знаменитых людей там побывало!

Дом был передан в аренду Государственному Литературному музею на правах филиала, и сотрудники советского экспозиционного отдела приступили к работе.

И тут возникли первые трудности. Двадцатилетнее проживание Бориса Пастернака на даче уже свидетельствовало о монополии хотя бы его памяти на этот дом. Поэтому удобно ли помещать на его даче материалы о В. Катаеве, который ни разу не был туда приглашен? Можно ли разместить в кабинете стенд о К. Федине, дружеские отношения которого с хозяином дома прервались после кампании 1958 года?

Однако работа есть работа... Главная задача сотрудников Литературного музея заключалась в том, чтобы не попортить стен дома стендами «компромиссной» экспозиции, поскольку вера в «дух добра» у них не иссякала. Что дальше? Выставку надо было открывать, но никто не знал, когда. Поговаривали, что к VIII съезду писателей. К счастью, открытие не состоялось — заглянувшие на дачу накануне съезда писатели сумели доказать с высокой трибуны поспешность и необдуманность этого решения. Е. Евтушенко говорил о том, что будущему секретариату Союза писателей адресуется письмо 40 делегатов, в «котором выражена озабоченность тем, что к 1990 году, когда исполняется 100 лет со дня рождения Пастернака, мы можем, к позору нашему, прийти с пустыми руками, без дома-музея». Академик Д. С. Лихачев в своем выступлении назы-

Фото В. МИТИНА

вал литературные музеи «воспитательными центрами, очень важными, для молодежи особенно, и очень действенными». Всем «писательским миром» призывал А. Вознесенский взяться за создание на бывшей даче музея. «Кому, как ни Союзу писателей, защищать честь писателей?» — закончил он свое эмоциональное выступление.

Казалось бы, все ясно: после съезда надо было решительно взяться за создание дома-музея Бориса Пастернака, тем более, что и «тысячелетье на дворе» стояло уже иное, благоприятное — 1986 год.

Выступления были услышаны. Нет, нет, осенью музей не открылся, но хоть нелепую экспозицию сняли.

Новый секретариат Союза писателей СССР приступил к работе. И вскоре «Литературная газета» проинформировала своих читателей о том, что утвержден план работы на второе полугодие.

Конечно, было что обсуждать на заседаниях секретариата, кроме вопроса о доме-музее. И все же, все же...

Зимой музей тоже не открыли, да и не могли этого сделать, поскольку Борис Пастернак тогда еще как бы не был... писателем. То есть писателем-то он оставался всегда, но из «дружных» рядов Союза писателей был исключен в 1958 году. Так что никакого решения секретариат принимать пока не мог...

И вот 7 января 1987 года в «Литературной газете» появилось долгожданное сообщение о... Да нет, не об открытии дома-музея, а о создании комиссии по литературному наследию Б. Пастернака, председателем которой стал секретарь правления Союза писателей СССР А. Вознесенский. Первое заседание комиссии состоялось через месяц. О доме-музее говорили многие. Предложения из 14 пунктов «по неотложным действиям по отношению к памяти Б. Пастернака» были переданы в секретариат правления СП. На первое из них отклик был мгновенный — «бывший лучший, но опальный» Борис Пастернак снова стал членом Союза писателей СССР.

Следующим предложением значилось создание дома-музея.

...Вы, наверное, замечали, что в каждом приказе, издаваемом любым ведомством, есть слово «основание»? Основание — в смысле поддержки, коллективного поручительства в том, что будущий приказ правилен и совершенно необходим. Поскольку «каждое ведомство должно заниматься своими делами», то основанием для приказа Министерства культуры РСФСР могло считаться только решение секретариата СП с аналогичной формулировкой.

И началась кульминация этой истории, которая длилась невероятно долго, нарушая все законы жанра, с февраля 1987 по май 1988 года: именно столько времени ушло на то, чтобы договориться, быть или не быть музею Бориса Пастернака в Переделкино... Абсурдность этой ситуации еще и в том, что решали долгие шестнадцать месяцев вопрос об открытии «на базе бывшей дачи филиала Государственного Литературного музея», на самом деле уже существующего, со своим штатом, пусть и под другим названием. Можно посочувствовать заведующему этим странным филиалом Ю. Алехину, который больше двух лет выполняет обязанности «бригадира» сторожей. Сменяя друг друга, они круглосуточно дежурят на даче, «дополняя» охранно-пожарную сигнализацию. К чему такая предосторожность? А в доме, например, до сих пор нет телефона! Так что сотрудники Литературного музея, которые еще в 1986 году могли начать подготовительную работу, оказались в межведомственных жерновах: их подчиненность Министерству культуры РСФСР не давала возможности, без его приказа, что-либо предпринимать, а министерство не могло издать приказ, пока в секретариате СП не проголосуют «за»...

Но затянувшаяся кульминация все-таки сменилась развязкой.

Секретариат правления Союза писателей СССР выносит постановление № 21 от 19.05.88 г., в котором просит Министерство культуры РСФСР организовать дом-музей Б. Пастернака на его бывшей даче, и отдельный филиал «Литературное Переделкино», в специально построенном для этого здании. Министерство не заставляет себя долго ждать и дает Государственному Литературному музею «зеленый свет» приказом от 01.06.88 г.

Почему, ну почему же столько времени уходит до сих пор на обсуждение вопросов, которые и обсуждению-то не подлежат? А идеи, скажем так, странные, продолжают выполняться с прежней легкостью. Ведь к визиту госпожи Рейган на пустую дачу подготовились следующим образом: всего за одну ночь, по-ударному, проложили по краю поля, *до кладбища, широкую дорогу взамен* прежней тропинки (странно, что в дом не завезли какую-нибудь мебель).

Тут стоит рассказать о том, что в далеком городе Марбурге, на здании университета, в котором Борис Пастернак в 1912 году изучал философию, установлена его мемориальная доска. Барбара Кархоф рассказывала, как долго, целых... три месяца, она добивалась этого в 1977 году, когда у нас и речи не заходило об увековечении памяти поэта.

Только два представителя «серебряного века» русской поэзии дожили почти до наших дней: Пастернак умер в 1960, Ахматова — в 1966 году — и в нашей стране. Пережив, вместе со страной, все.

Как интересно: выражение «ставить памятник при жизни» у нас с необыкновенной легкостью стало жутковатой реальностью. Чуть что раньше — и «бронзовый бюст на родине героя». А вот поставить памятник (или открыть музей) после смерти, да по заслугам — с этим намного сложнее.

И, конечно, музей Пастернака должен находиться только в Переделкине, хотя и известны московские «адреса».

Борис Леонидович Пастернак поселился в Переделкине в 1935 году, сначала на улице, которая носит сейчас имя Тренева, а в 1939 году переехал в дом № 3 по ул. Павленко, где и жил до последнего своего дня.

В. Овечкин на II-м Всесоюзном съезде писателей (1954 г.) приводил выдержки из письма Горького к И. М. Гронскому о том, что создать городок литераторов — это значит «изолировать писателей от *действительности, которая, быстро меняя... идейно-психологическое* наполнение, властно требует от художника слова напряженного наблюдения и всестороннего изучения процесса этих изменений».

Вопреки опасениям Горького, действительность напоминала Пастернаку о себе постоянно и в Переделкино. 1937 год отозвался арестом его близкого друга Бориса Пильняка, там же, на соседней даче... Потом началась война, в эвакуацию он уехал из «городка писателей» туда же и вернулся после ее окончания. Во время войны на даче Вс. Иванова, куда на хранение было перенесено богатейшее собрание рисунков Л. Пастернака, случился пожар. Коллекция погибла... Постановление ЦК ВКП/б/ «О журналах «Звезда» и «Ленинград» аукнулось негласным запретом на публикации всего, кроме переводов... Трагический 1958 год — присуждение Нобелевской премии и реакция общества на это событие...

Давайте постучим по дереву, поскольку началась развязка этой истории — началась настоящая работа.

— В Литературном музее сразу же решили, что филиал на даче будет Домом поэта, мемориальным музеем, в котором жил и творил Борис Пастернак,— продолжает рассказ **Н. В. Шахалова**.— Поэтому нам важно не только перенести и воссоздать обстановку, которая сохранена родственниками, не просто расставить столы и стулья, хотя и это необходимо. Нам прежде всего надо подумать о том, как воссоздать атмосферу этого дома. А ведь в нее входит все: и окна из кабинета с видом на поле и храм на холме, и книги, которых было немного, но их держал в руках Пастернак, и люди, посещавшие этот дом, и те радости и трагедии, что пронеслись над ним. Поэтому мы решили сделать литературно-мемориальный музей, хотя сам Борис Леонидович советовал не заводить архивов и не трястись над рукописями...

В истории с музеем Бориса Пастернака скоро, надеюсь, можно будет поставить точку.

Ах, если бы она была единственной историей подобного типа. Пока в Ленгорисполкоме обдумывали, быть ли музею Ахматовой, (видимо, злосчастное постановление 1946 года, теперь уже отмененное ЦК КПСС, все еще бросало тень на имя Анны Андреевны), ее столетний юбилей внесен в календарь ЮНЕСКО. И тут же вышло решение: создать музей в течение года.

Немыслимо долго обсуждают идею музея Михаила Булгакова в Москве, в «нехорошей» квартире на Садовой? В 1991 году — столетие Булгакова, столетие Осипа Мандельштама, а в 1992 году — Марины Цветаевой. Опять подождем, что решат в ЮНЕСКО?!

Юлия БЕЗЪЯЗЫЧНАЯ

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ИСКУССТВО» ВЫХОДИТ...

Что означает столь странное название этого внушительного — в 40 печатных листов, богато иллюстрированного сборника — «Красная книга культуры»? Да еще с вопросительным знаком. Его составитель — доктор философских наук В. Рабинович в предисловии объясняет свою идею так: «Каждому культурно осмысленному событию — «охранную грамоту», но и бессрочный пропуск во все времена во все грады и веси!» Кто поспорит с тем, что памятники культуры нуждаются в бережном к себе отношении?! Но культура — не заповедник, куда ограничен вход. «Опечатанная — под пломбой и сургучом... — культурная ценность — никакая не ценность, для жизни в культуре бесславно пропавшая... — поясняет свою мысль В. Рабинович. — Музейный экспонат в бронированной капсуле... и книга, зачитанная до дыр. Два аннигилирующих образа отношения к ценностям культуры. Но не сбережешь — останешься вовсе ни с чем...»

Парадоксальность названия, его взрывчатость отражает полемичность статей, в которых высказываются разные, подчас прямо противоположные, точки зрения по культуроведческим проблемам. Разделы книги называются так: «Культура и научно-технический прогресс», «Самосознание культуры: от истории к теории», «Жизнь в культуре: жанры, характеры, судьбы», «Культура памяти — память культуры».

Достаточно перечислить авторов сборника, чтобы дать читателю представление об уровне, на котором идет разговор: Сергей Аверинцев, Лев Аннинский, Леонид Баткин, Евгений Богат, Андрей Вознесенский, Лидия Гинзбург, Евгений Евтушенко, Сергей Залыгин, Дмитрий Лихачев, Иннокентий Смоктуновский, Мариэтта Чудакова...

Хочу предупредить: в сравнении с публицистическими книгами, выходившими под флагом перестройки («Иного не дано», «Если по совести») этот сборник не покажется читателю острым. Его задача принципиально иная: не столько потрясти смелостью высказываний, откровенностью, сколько восхитить фундаментальностью знаний, высотой культуры.

Подготовлена книга в научном совете при Президиуме АН СССР по философским и социальным проблемам науки и техники под руководством его председателя, члена-корреспондента АН СССР И. Фролова. Ее редактор — С. Игошина.

УБЫТКИ ПОД ЗОНТИКОМ

В. КАРЦЕВ,
профессор,
директор
издательства «Мир»

На первом этаже одного из восьми корпусов нашего крупнейшего в стране издательства по выпуску переводной научно-технической литературы находится небольшое помещение. На его дверях табличка — «Персональные ЭВМ». Здесь установлены советские компьютеры «Искра-226», которые мы используем для производственных, экономических и других расчетов. Ничего особенного, конечно, в этом нет. Радует другое — все чаще и чаще дверь сюда открывают редакторы, когда приступают к выбору книги для перевода, тем самым претворяя в жизнь пока еще достаточно абстрактный лозунг: «Редактор — директор книги».

Теперь даже трудно себе представить, как мы жили еще несколько лет назад, когда не то что редактора, но и заведующего редакцией, главного редактора и директора издательства мало волновали экономические параметры каждой *отдельной* книги. Что она принесет — доход или убыток? До выхода книги этого никто точно не знал. Да и приблизительная оценка всех книг вместе могла быть выполнена лишь в грубом приближении на основе сравнения с данными прошлых лет. Так составлялись планы, так осуществлялась планово-экономическая деятельность, думаю, не только нашего издательства. У кого это происходило по-другому, пусть, как говорится, бросит в меня камень.

К сожалению, лихая практика оценки экономической деятельности: «плюс-минус полмиллиона» характерна для некоторых издательств даже сейчас, когда должен в полную меру заработать новый хозяйственный механизм. Более того, созданы новые системы, с помощью которых иные издательства, приносящие убытки, бережно прячут под «зонтик» более крупных, прибыльных объединений, тем самым создавая желаемую положительную статистику.

Но вернемся к редакторам-«директорам», чтобы проследить, чем же они занимаются, получив на руки программу «Экономическая эффективность отдельной книги». Как правило (забудем на некоторое время об исключениях), у редактора есть выбор. Он может взять для перевода и ту книгу, и эту. Может взять третью и четвертую. То есть может выбирать варианты, которые возможны и в оформлении книги, и в способе печати, и в определении сорта бумаги, вида набора, даже типографии. Все варианты можно обсчитать и вручную, но при хороших отношениях с математикой и большом запасе терпения. На компьютере это — минуты. К тому же его программа составлена так, что машина проявляет всяческое уважение — здоровается с редактором, называет его по имени-отчеству и в конце работы, сказав «спасибо», выдает аккуратный листок расчета различных вариантов.

На основе таких отдельных «диалогов» и рождается финансовый план каждой редакции и издательства в целом. Нужные полиграфические мощности, сорта бумаги, картона, переплетных материалов, виды набора составляют основу наших производственных заявок. (Конечно, здесь есть серьезное «но» — существующая реальность часто вынуждает делать новый экономический расчет...)

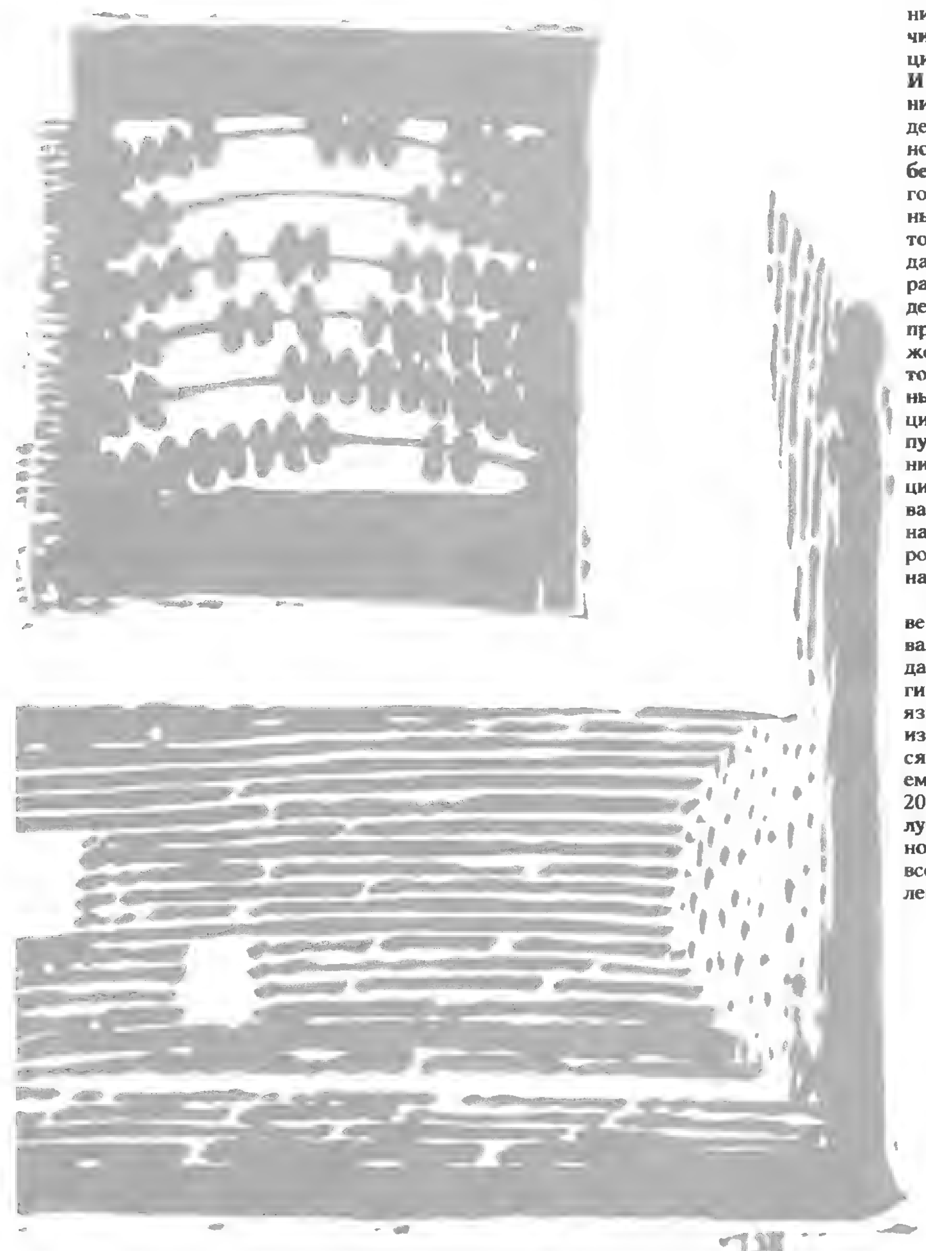
Такая практика существует в издательстве «Мир» полтора года и уже сейчас можно видеть ее плоды. Нам удалось резко повысить реализацию продукции и прибыль, сформировать неплохие фонды и осуществить ряд программ, о которых ранее мы не могли и мечтать. Но прежде чем перейти, так сказать, к «распределительному» моменту, посмотрим, какие механизмы могут быть дополнительно подключены к процессу улучшения экономики каждого издательства.

Первое — это договорные цены. Я не понимаю тех издателей, которые так рьяно ополчаются против этих самых договорных цен, блюдя «народные интересы». Парадокс в нашем книжном ценообразовании, приведший и к книжному буму и к спекуляции, заключается в том, что цены на книги назначены десятки лет назад без малейшего учета экономических факторов, спроса и предложения, расходов и затрат. Издательства могут «гнать деньгу» очень просто — особенно если у них нет проблем с полиграфией и бумагой. Показательна в этой связи деятельность издательства «Правда», которое печатает откровенно коммерческие книги, авторов, которым уже не нужно платить гонораров. Без согласования и какой-либо компенсации перепечатываются произведения, ранее подготовленные другими издательствами, в частности, «Миром». На каждой такой книге издательство« Правда» делает миллионы, не затрачивая существенных интеллектуальных и организационных усилий. Разве не пример легкой, безбедной жизни? Другой, еще более разительный пример — выпуск

книг Ж. Сименона и Ю. Семенова совместным советско-французским предприятием «ДЭМ» тиражом миллион (!) экземпляров и договорной ценой 5 р. 50 к. — 5 р. 70 к. (!) при весьма умеренном качестве их полиграфического исполнения и самих текстов. Десять миллионов прибыли и совсем немного работы!

Между тем жизнь других издательств неизмеримо тяжелее. За бортом из-за недостаточности лимитов, выделенных издательству «Мир» на 1989 год, остались интереснейшие книги, в том числе новые произведения зарубежной фантастики, переводные труды для ученых и инженеров, книги, адресованные зарубежным читателям — потенциальный источник валюты. А ведь всего одна книжка издательств «Правда» и «ДЭМ», не будь выпущена она миллионным тиражом, могла бы решить все проблемы нашего издательства. Но, увы, лимитов для нас нет, призывы к «свободному поиску» типографий и бумаги неизбежно приводят к кооператорам, которые откуда-то все получают, но требуют за услуги сотни тысяч рублей. Да что кооператоры? И государственные предприятия, которым дали волю в установлении цен на услуги, вздули тарифы вдвое и втрое. Так теперь поступает Калининский полиграфкомбинат, так пытается делать и его можайский собрат. А ведь это — гиганты, столпы отечественной полиграфии. Куда еще бежать? Кто будет нас печатать?

Вот и получается: рост цен на книги, выходит, неизбежен и договорные цены в некоторых случаях являются просто единственным выходом. Хотя лично мы — издательство «Мир» — используем договорные цены очень осторожно, например, когда напечатали переводную английскую книгу «Наша собака», роскошное издание для любителей, которые не задумываясь, отдают за породистого щенка не одну сотню рублей. Так что в данном случае договорная цена (одиннадцать с полтиной) вряд ли кого-нибудь смутила.

Гораздо сложнее дело с научной литературой. В недалекие времена, когда никто толком не считал деньги, как-то само собой разумелось, что информация предоставляется бесплатно. Номиналы научных книг, издаваемых в стране, редко превышают пять рублей. В девяноста случаях из ста их выпуск для издательства убыточен, поэтому нетрудно предвидеть, что новый хозяйственный механизм будет неизбежно побуждать издательства к сокращению выпуска научной литературы, а значит к информационному голоду специалистов. Это серьезная проблема. И она требует незамедлительного решения. Я вовсе не исключаю, что она будет решена путем установления новых номиналов, обеспечивающих хотя бы безубыточность каждого издания. Другой путь — это участие заинтересованных научных учреждений и институтов, министерств и ведомств в расходах на издание необходимой им литературы. К сожалению, руководство Академии наук СССР, которому были направлены соответствующие предложения, даже не удостоило нас ответом. В то время как некоторые научные институты сами взяли на себя инициативу участия в расходах по выпуску остро актуальных научных изданий. Они, например, выступили с инициативой оплатить часть расходов по важнейшей книге «Высокотемпературная сверхпроводимость», издание которой без такой поддержки принесло бы нашему издательству убытки.

Могут задать резонный вопрос: а разве у вас нет возможности зарабатывать валюту? Казалось бы, уж кто-кто, а издательство «Мир», выпускающее книги советских ученых на двадцати пяти языках и пользующееся международной известностью, должно просто купаться в валюте. Отнюдь! При общем объеме реализации своей продукции в 20 миллионов рублей издательство получило в 1987 году от «Международной книги» — сколько бы вы думали? — всего несколько тысяч инвалютных рублей. Никаких конкретных данных о рас-

ходимости наших изданий, ценах и положенных нам выплатах мы от «Международной книги» получить не можем — сказывается давняя, унаследованная этим объединением еще от внешторговских времен традиция полной секретности, под завесой которой можно укрыть что угодно — в том числе собственную непредприимчивость.

Таким отношением к издательствам можно сгубить любую инициативу. К счастью, новое руководство «Международной книги», кажется, начинает сдвигаться с прежней «глухой» позиции, хотя еще многое предстоит сделать. Скажем, «Международная книга» расплачивалась с издательствами, исходя из того же старого прейскуранта, не учитывая улучшения качества изданий, повышения их красочности, других дополнительных расходов. Вот и получалось, что чем книга смотрится лучше, тем издательству издавать ее невыгодней. «Международная книга» считает сделку достаточно хорошей, если на каждый затраченный рубль она зарабатывает, скажем, тридцать-сорок копеек валюты. Отсюда — страшно заниженные номиналы наших книг, продаваемых за рубежом. Получается двойной счет. Издательство получает рубль, затрачивая, скажем, пять рублей за книгу. «Международная книга» получает за нее тридцать копеек и рапортует о «высокой внешнеэкономической эффективности» сделок. Никто при этом не вспоминает о затраченных издательством пяти рублях, а это ведь тоже государственные деньги.

И вообще о ценах наших книг за рубежом говорю с болью. Труд выдающегося хирурга-офтальмолога С. Федорова продается в США магазином «Виктор Камкин» по цене около двадцати долларов, и это считается для нас большим достижением. А вот американские коллеги-издатели, узнав о такой цене на книгу С. Федорова, расхохотались: этой книге цена восемьдесят-сто долларов! Вам что, деньги не нужны?

Получается, что кому-то, действительно, не нужны. «Виктор Камкин» торгует тысячами экземпляров, берет количеством и процветает, ничуть не заботясь о том, что советские издательства остаются в накладе. У нас постоянно декларируют тезис о том, что наша книга самая дешевая в мире. А зачем? Можно еще как-то оправдать дешевизну наших изданий в развивающихся странах, но не в такой же степени! Индийский издатель восторженно пишет мне о том, что цена, по которой продаются в Индии советские книги, для него не окупила бы и стоимости одного переплета! А одна из наших редакторов, будучи в Индии, собственными глазами видела, как наша книга, точнее вырванные из нее страницы, служила уличному продавцу для завертки миндаля. Книгу он купил невдалеке за бесценок.

Стараясь снижать для зарубежных партнеров цены на научные издания, работники «Международной книги» забывали об одном психологическом феномене, с которым невозможно не считаться, продавая наши товары на иноземных рынках. Этот феномен состоит в том, что там цена соответствует качеству! Это — императив! Продавая наши книги по низкой цене, мы тем самым как бы сами подчеркиваем их второсортность! И вместо политического выигрыша получаем проигрыш.

Вот и получается, что в одном и том же книжном магазине можно встретить книгу «Мира», скажем, за 15 долларов, а рядом — «пиратское» издание этой же книги (незаконная перепечатка на плохой бумаге, без переплета) — за сорок! Где же логика, здравый смысл и трезвое экономическое мышление?

Недавно мы провели эксперимент — назначили на одну из наших книг цену *в десять раз* превышающую раньше назначавшуюся «Международной книгой» за аналогичные издания. Заказы, конечно, упали. Но *ЭКОНОМИЧЕСКИ* новая цена дала существенную прибыль. Так не лучше ли, учитывая слабость нашей полиграфии, на освободившихся мощностях дополнительно печатать другие книги для зарубежного читателя? Общее количество такой литературы будет в конце концов тем же, убытки снизятся, и, может быть, даже будет прибыль.

Слабость нашей полиграфии — тема особая. Порой мы год ждем в очереди, чтобы запустить книгу в производство. Потом полгода-год уходит на печать. Для научных изданий такое промедление порой смерти подобно. Никакие приказы Госкомиздата, никакие организационные изменения, вроде создания объединения «Совэкспорткнига» пока результата не дали. В последнее время предприятия полиграфии стали работать даже хуже, регулярно срывают план. В этих условиях напрашивается идея — а не печатать ли книги там, где их продают? За рубежом избыток полиграфических мощностей, книга печатается не более двух месяцев. К тому же не придется тащить грузы через материки и океаны. Не нужно будет платить ввозных пошлин, которые в отдельных странах достигают 50 и более процентов. Полиграфическое качество книги гарантировано, каналы распространения — тоже. Можно быть уверенным в том, что тогда и цена на отпечатанные таким путем книги будет назначена разумная, соответствующая их реальной потребительской стоимости.

Сейчас по такой системе мы начинаем работать с США и Испанией, идут переговоры с фирмами ФРГ. Валютные поступления от этих проектов будут несравнимы с теми, которые мы имеем сейчас. Каждая книга сможет принести нам тысячи и тысячи инвалютных рублей. И это — без расходов на печать и бумагу! (Нужно, конечно, признать, что у «Мира» есть перед другими издательствами серьезное преимущество — у нас имеется собственный фотонаборный центр, оснащенный современным оборудованием.) Мы имеем возможность поставлять западным фирмам готовый оригинал-макет).

Весьма перспективной формой сотрудничества с зарубежными фирмами представляются и совместные издания. Последняя такая работа — советско-американская книга «Наш дом — Земля», содержащая прекрасные фотографии Земли из космоса, сделанные космонавтами и астронавтами всех стран. Издание только одной этой книги принесет нам больше валюты, чем мы получили от «Международной книги» за все 350 книг экспортной программы 1987 года!

Но вот еще один вопрос — как тратить валюту? Ибо и здесь сохраняются заскорузлые элементы самого махрового бюрократизма. И хотя валютный счет у нас есть, и деньги, что лежат на нем, честно заработаны, — мы должны спрашивать начальство («Совэкспорткнигу»), как и когда можно ее израсходовать. Но коль даны права издательствам продавать книги на внешнем рынке, так давайте дадим им право и покупать там же необходимое оборудование! У нас совместно с трудовым коллективом и его комиссией по техническому перевооружению разработана целая программа необходимых закупок — от компьютеров и малых печатных машин до клеев и воска. Но пока ни одного валютного рубля не истратили, стоя в нерешительности перед пирамидой согласований. А, может быть, все-таки дать право тем, кто зарабатывает стране валюту, что-нибудь купить и для себя, никого не спрашивая? Не было бы это еще одним важным свидетельством действенности перестройки отрасли?

Теперь скажу о том, на что пойдут полученные доходы. Фонд развития, как положено, пустим на развитие производства. Часть его уже истратили, по согласованию с Советом трудового коллектива, на создание совместного советско-американского предприятия «Соваминко». Это — чисто коммерческая операция. «Соваминко» не обязательно будет заниматься издательской деятельностью, а тем, что принесет в кратчайшее время наибольший доход — мелкими полиграфическими услугами, продажей книг, журналов, видеокассет, организацией гастролей за рубежом популярных групп. Естественно, эти доходы будут делиться между учредителями и дадут возможность улучшить экономическое положение издательства.

Часть дохода будет пущена на социальные нужды. Мы уже ввели дотацию на питание сотрудников, участвуем в расходах на кооперативные квартиры и строительство садовых домиков. Очередь на жилье стала стремительно уменьшаться, и вскоре совсем исчезнет. Строим пансионат, спортивный городок (на коопертивных началах), расширяем медпункт, начинаем перестройку столовой и актового зала.

Увеличились и заработки сотрудников, повышены оклады низкооплачиваемым работникам. Существенно возросла премия — с 50 до 150 процентов, готовимся к общему повышению окладов в результате аттестации по новой классификационной сетке.

Не слишком ли быстро мы идем вперед по пути расширения материальных благ? Эти опасения напрасны, и ответ на вопрос весьма простой — работники издательства получают то, что заработали сами.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ИСКУССТВО» ВЫХОДИТ...

Если армянские фильмы кажутся нам сегодня и самобытными, и острыми, и выразительными, то потому, что возникло армянское кино на могучих корнях культуры. Первый армянский фильм «Намус» снимался по роману национального классика Александра Ширванзаде. Знаменитый фильм Сергея Параджанова «Цвет граната» пронизан старинной, можно даже сказать античной поэзией Саят-Новы, соборными фресками, бытием, давно минувшим, но еще волнующим. В документальных фильмах-стихах Артура Пелешяна «Начало», «Мы», «Времена года» бьется и пульсирует многовековая история Армении.

Книга «Кино Армении» (составитель — А. Гаспарян, редактор — И. Беленький) — многожанровая. Здесь и рассказ о том, как снимался в документальном кино известный поэт Егише Чаренц и воспоминания писателя Уильяма Сарояна, интервью с режиссером Сергеем Параджановым и монологи о своей работе в кино актеров Армена Джигарханяна, Фрунзика Мкртчяна, статьи других режиссеров, актеров, критиков, писателей и мемуаристов. Их знает вся страна. Ведь все смотрели в свое время «Здравствуй, это я!» Ф. Довлатяна или «Треугольник» Г. Маляна, многие видели прекрасные мультипликационные фильмы «Пес и кот» Л. Атаманова, «Лисья книга» и «Кикос» Р. Саакянца, «Фанос-неудачник» С. Галстяна. Ну а кто не видел, для него эта книга — прекрасный повод познакомиться со всеми этими фильмами. Тем более, что в отличие от предыдущих сборников, представляющих кинематограф других союзных республик, армянский прекрасно оформлен кадрами из фильмов, портретами, рисунками.

Особый интерес, наверняка, вызовут и материалы о творчестве и жизни армян, живущих или живших за рубежом — живописце М. Сарьяне, певце Ш. Азнавуре, режиссерах — американском — Р. Мамуляне и французском — А. Верней...

ИЛЛЮСТРАЦИЯ

А. СЕВАСТЬЯНОВ

Стремление разукрасить монохромный текст книги — будь она в форме кодекса, свитка или табличек и тому подобного — всегда было присуще как тем, кто книгу создавал, так и тем, кто ею владел. В средневековой Европе слава итальянских или французских манускриптов была обусловлена именно яркими, затейливыми и гармоничными цветными иллюстрациями, инициалами, бордюрами. Поэтому исторический переход от рукописной книги к печатной с неизбежностью поставил перед книгоиздателями проблему: как сочетать выгоды тиражности издания с эстетическими традициями и требованиями.

Прямо сказать, в инкунабульном периоде (до 1500 г.) эта проблема решалась не лучшим образом. С 1461 года, с тех пор, как издатель А. Пфистер догадался вставить в наборный текст матрицы гравюру на дереве и изготовить черно-белый отпечаток, типографы и торговцы на скорую руку взялись раскрашивать полученные подобным образом контурные изображения. Коммерческие цели диктовали основной принцип раскраски: побольше да побыстрее. Все равно относительно дешевые, по сравнению с манускриптами, книги лихо раскупались. Разнообразие не поощрялось. Вместо тщательно исполненных многоцветных миниатюр, которые еще продолжали изготавливать добросовестные творцы рукописных книг в своих скрипториях, мы находим в большинстве печатных книг XV века грубовато вырезанные на дереве картинки, аляповато раскрашенные от руки в три цвета: красный, зеленый, охра...

Как ни примитивна была ручная раскраска первопечатных книг и эстампов, она, все же, была трудоемкой (попробуйте раскрасить весь тираж!) и значительно усложняла технологический процесс. Время требовало изобретения цветной печати. И вот, в 1485 году в Венеции искусный немецкий мастер-типограф Эрхард Ратдольт выпускает очередное издание «Сферы мира» английского ученого Иоанна де Сакробоско. В цветных схемах этой книги, которые в прежних изданиях раскрашивались от руки, он впервые применил многокрасочную печать. Вернувшись затем в свой родной город Аугсбург, Ратдольт, уже прославленный как издатель, продолжает печатать книги, выполненные с различными усовершенствованиями. Среди прочих экспериментов им была изготовлена яркая цветная (в четыре краски) гравюра, изображающая распятие с предстоящими. Она помещалась в «Миссале» (сборнике богослужебных текстов), изданном в 1491 году, и ныне считается первой многокрасочной ксилографией.

Однако от одной-единственной цветной гравюры был долгий путь до книги, иллюстрированной подобным образом. Опыт Ратдольта, хоть сам он и пользовался этим приемом в дальнейшем, не вызвал подражаний современников. Возможно потому, что его цветные листы слишком недалеко ушли по качеству от ручной окраски. Необходимо было, чтобы изобретение цветной печати возникло в ответ на потребность творческого сознания больших мастеров, подвижников гравюры как таковой. И в начале шестнадцатого века это изобретение появилось почти одновременно именно в тех странах, где книгопечатание и связанная с ним гравюра на дереве были особенно развиты: в Германии и Италии. За новой техникой закрепилось итальянское название «кьяроскуро» («светлотемное»). Суть ее в том, что идентичный рисунок наносится на две-три доски (или более), а затем на каждой из них остается нетронутой отвечающая за свой определенный цвет часть поверхности, а остальное стесывается стамесками. Оттискивая разно окрашенные доски на лист бумаги одну за другой, мастер добивается появления многоцветного отпечатка, где впечатление бликов дает белизна самой бумаги, а тени усугубляются с помощью еще одной, контурной доски. Если в гравюрах Ратдольта краски, не смешиваясь, существовали как бы сами по себе, то здесь особый эффект возникал именно при наложении цветов. На честь изобретения такого способа печати претендовал венецианец Уго да Карпи, обратившийся в Сенат в 1516 году с просьбой о выдаче ему привилегии на печатание цветных гравюр, «вещь новую и никогда до тех пор не использовавшуюся». Но в действительности подобное изобретение уже было сделано лет за десять до того в Германии Лукасом Кранахом Старшим. Там же подобным способом делали отпечатки Ганс Бургкмайр, Йост де Негкер и другие. Немецкие мастера употребляли, как правило, две-три доски, иногда оттиск делался золотом или серебром. Возможно, открытие кьяроскуро произошло в разных странах независимо, поскольку и в Италии, и в Германии сохранялись известные отличия в использовании этой техники. Так, итальянцы оперировали, в основном, большими тоновыми плоскостями, не акцентируя детали и контур рисунка, который часто даже и не был непрерывным. При этом гравюры напоминали широкую и свободную работу цветной тушью, что подчеркивалось единой цветовой гаммой. Северные же мастера, напротив, любили детали и не удалялись от четкого контурного каркаса, подражая скорее рисунку черным и белым мелом на тонированной бумаге.

Итак, уже на рубеже пятнадцатого и шестнадцатого столетий многоцветная печать изобретена... Решило ли это обстоятельство проблему цветной книжной иллюстрации? Нет! Нет, поскольку

каждая страница печаталась лишь с одной матрицы, а кьяроскуро готовилось со многих досок, да еще были необходимы величайшие опыт, добросовестность и скрупулезная точность при печатании. Так что по-прежнему книги продолжали выходить с черно-белыми иллюстрациями, которые раскрашивались от руки: продавцами — похуже, попроще, а владельцами — постарательней. Впрочем, участие в иллюстрировании книг таких мастеров шестнадцатого века, как Дюрер, Кранах и другие, постепенно подняло черно-белую гравюру на уровень высочайшего искусства, благодаря чему раскраска перестала быть чем-то обязательным, а к конца столетия и вовсе стала признаком дурного вкуса.

Тем не менее, к 1557 году относится заметная попытка применить технику кьяроскуро к книжному делу. Губерт Гольциус, антверпенский издатель и художник выпускает в этом году «Подлинные портреты императоров от Юлия Цезаря до Карла V». Весьма условные изображения властителей, заключенные в круглых медальонах, украсили страницы этого издания. Несмотря на то, что количество досок было минимальным — две тоновых и одна контурная, исполненная офортом на меди — предприятие было, все же, слишком хлопотным. Текст печатался сам по себе, отдельно впечатывались изображения в каждую страницу. Использование офорта — глубокой печати — еще усложняло процесс. Охотников повторить опыт Гольциуса почти не находилось, и, когда книгу переиздали в следующем столетии, типографы ограничились двумя досками и отказались от офорта. Вообще же, если не считать отдельных попыток опубликовать частные собрания медалей и монет в подобной технике, в XVII веке упоминания заслуживают, пожалуй, только сброшюрованные в тетради образцы рисунка, напечатанные Абрахамом Блумартом (1564—1651). Он, так же, как и Гольциус, отошел от традиций подлинного кьяроскуро, удачно сочетая награвированный офортом контур с однотонным фоном, для которого использовалась ксилография.

Зато в XVIII веке искусство цветной ксилографии расцветает вновь, и это находит свое отражение в книжном деле. К этому времени техника кьяроскуро была основательно подзабыта. Вновь возродил ее к жизни венецианский граф, писатель и коллекционер Антонио Мария Дзанетти (1680—1767). В 1749 году этот талантливый гравер-любитель выпускает серию гравюр по рисункам старых мастеров. Ради этого им был совершен грандиозный труд: всего в издании 71 цветной эстамп, а поскольку практически все они отпечатаны с четырех досок, то легко сосчитать, сколько всего пришлось Дзанетти изготовить печатных форм. Вместе с тем надо отметить, что основная проблема, затруднявшая изготовление цветных иллюстраций — совмещение их с текстом — перед мастером вообще не стояла, поскольку его книга представляла собой не что иное, как великолепный альбом «Собрание различных гравюр кьяроскуро». Таким образом, Дзанетти не только дал новый импульс к производству этого вида гравюр, но и пример их блестящего использования в книжном деле.

Примеру Дзанетти последовали французские граверы-ксилографы — Ж.-М. Папильон и Н. Лесюёр. О Папильоне мне уже приходилось рассказывать в очерке, посвященном искусству виньетки[1]. Здесь уместно лишь упомянуть его капитальный труд «Исторический и практический трактат о гравюре на дереве» (Париж, 1766), где он с блеском продемонстрировал свое владение техникой кьяроскуро, подражая манере прославленных итальянцев XVI века — Уго да Карпи и Антонио да Тренто. Особый интерес представляют те помещенные в книге листы, на которых мастер оттиснул поочередно все четыре доски перед тем, как соединить их все в пятом, окончательном отпечатке, что позволяет проследить весь процесс изготовления эстампа.

Что касается Никола Лесюёра (1690—1764), то о нем стоит сказать подробнее. Он принадлежал к обширной семье ксилографов, чьи предки гравировали на дереве еще в раннем XVII веке. Причем главной сферой приложения их сил и мастерства были именно книги. Никола также немало потрудился, украшая различные издания виньетками и заставками, как правило по чужим рисункам, подражая виртуозной манере Папильона. Приходилось ему работать и вместе с последним, например, над «Баснями» Лафонтена. Однако известность и право на признание потомков принесли ему не эти очаровательные мелочи, а капитальный труд по воспроизведению рисунков старых мастеров из собрания Кроза.

Уместно здесь сказать несколько слов о животворящей роли коллекционеров и меценатов в развитии искусств. Не будь на земле этих энтузиастов, знающих истинную цену труду художника и могущих ее заплатить, кто знает, сколько талантов не расцвело бы, сколько шедевров не было бы создано, сколько их тихо сгинуло бы в руках профанов... Пьер Кроза был крупным финансистом и не менее крупным знатоком и собирателем предметов искусства. Ему принадлежала не только картинная галерея, как у многих высоких персон королевской Франции, но и коллекция старинных рисунков, что обличает в нем, помимо последователя моды на прекрасное, еще и изысканного ценителя. Для того, чтобы сделать эти сокровища достоянием широкой публики, он обратился к нескольким известным граверам своего времени с предложением изготовить и выпустить в свет роскошный увраж, репродуцирующий его собрание. Граверы, в том числе Лесюёр, откликнулись на это предложение, и работа началась. Лесюёру досталась самая трудоемкая и ответственная часть. Он готовил тоновые доски, по несколько для каждой композиции, а контурный рисунок для репродукции воспроизводили в офорте другие мастера, подобно тому, как это делали когда-то Губерт Гольциус и Абрахам Блумарт. Сотрудники Лесюёра, прекрасные, опытные офортисты, П. Робер и граф А. К. де Кейлюс, вполне справились со своей задачей. Но все же самое приятное впечатление производят те немногие эстампы в увраже, которые целиком и полностью изготовлены Лесюёром в одиночку, включая и контурную форму, вырезанную на дереве. Издание «Кабинета Кроза», как принято его называть, явилось одной из вершин развития европейской цветной ксилографии, выше которых потомки не поднялись.

Но помимо цветной ксилографической иллюстрации в восемнадцатом веке расцвела и многокрасочная печать с металлических форм. Это связано с развитием некоторых техник гравирования, часть которых появляется только в этом веке, а часть — приобретает новые качества. Важную роль также сыграла теория цвета, разработанная сэром Исааком Ньютоном, согласно которой все «чистые» цвета являются производными от сочетания трех основных: голубого, желтого и красного. Кроме того, к восемнадцатому веку в иллюстрировании уже укрепилась традиция, в соответствии с которой «картинки» не размещались на одной странице с наборным текстом, а печатались на отдельных листах и вклеивались затем в готовую, порой даже переплетенную книгу. Гравюра на дереве, которая была удобна именно тем, что монтировалась на одной матрице с набором, уступает место гравюре на металле, позволявшей воспроизвести более изощренный рисунок, к тому же в размер самой книги.

В деле иллюстрирования с помощью цвета использовались три способа металлографии: пунктир, меццотинто и акватинта. Приведу здесь необходимые пояснения о существе и краткой истории этих техник.

В первую очередь необходимо сказать о гравюре пунктиром как наиболее древней. Эта техника появляется уже на рубеже XV—XVI веков в работах итальянского мастера Джулио Кампаньолы; в те времена она исполнялась с помощью пунсона (иглы) и молоточка, которыми на медную доску наносились точки, образующие, при слиянии, пятно той или иной интенсивности тона. Впоследствии, к концу столетия, этот способ, требующий значительных физических усилий, сменяется более легким, и игла гравера уже не проникает в толщу меди, а лишь прокалывает защитный слой кислотоупорного лака. Затем доска обрабатывается кислотой, которая, попадая сквозь лак в местах проколов, делает доску зернистой, воспринимающей краску. Пунктир прекрасно сочетается с обычным офортом и другими техниками, что позволило уже в те годы Оттавио Леони создавать превосходные работы. Но особой прелестью наполняются исполненные пунктиром гравюры с того момента, как работавший в Англии итальянский мастер Франческо Бартолоцци (1727—1815) подает пример использования этой техники в цвете. С помощью кисти или тампона подготовленная гравером доска набивалась различными красками, раскрашивалась. Для каждого нового оттиска раскраску

---

[1] См. «В мире книг», 1988, № 6.

приходилось делать заново, но этот труд вполне оправдывался в глазах зрителя. К числу наиболее замечательных книг, где иллюстрации выполнены подобным образом, можно отнести два английских и два французских издания. Это альбом с гравюрами на темы шекспировских пьес, выпущенный известным лондонским гравером и издателем Джоном Бойделлом (1719—1804). В подготовке альбома большую роль сыграли знаменитые в то время художники Гальгано Чиприани и Анжелика Кауфман, а также упомянутый гравер Ф. Бартолоцци. Другое лондонское издание «Потерянный рай» Мильтона. Что же касается книг, изданных в Париже, тут необходимо назвать поэму Саломона Гесснера «Авелева смерть» и «Простонародные истории» П. Ваде, вышедшие в конце XVIII века. Иллюстрации к обеим подготовили художник Никола Андре Монсио (1754—1837) и гравер Иоганн Игнаций Губер (1759—?).

Технически близко к пунктиру стоит акватинта, поскольку в ее основе также использование сильных кислот, проникающих сквозь защитную пленку. Только здесь эта пленка изначально микропориста, ибо изготавливается путем запыления доски порошком канифоли, либо путем выпаривания на доске морской воды до появления налета соли, либо набрызгиванием лака, жидкого асфальта и т. д. Те места, которым надлежит остаться в оттиске белыми, покрываются на доске лаком. Кислота впоследствии придаст зернистость всей поверхности вокруг этих мест. Чем дольше травление, тем интенсивнее будет тон. Данный способ был изобретен во Франции в 1760-е годы, причем на честь его изобретения претендуют сразу трое граверов: Жан-Шарль Франсуа, Жан-Батист Лепренс и Жан-Клод де Сен-Нон. Легкость исполнения и удивительная схожесть с рисунками, сделанными тушью «вразмывку», привлекли к гравюрам акватинтой ценителей и поощрили многочисленных граверов как во Франции, так и в других странах, продолжить эти опыты. Обширные сюиты Лепренса, колоссальный увраж Сен-Нона[2], выполненные в новой технике, указали на перспективы использования ее в книжном деле. А вскоре, благодаря Франсуа Жанинэ (1752—1813) с помощью акватинты стали изготавливаться цветные отпечатки, очень точно имитирующие нежнейшие акварели, тончайшие, воздушные гуаши. Для этого рисунок «раскладывался» мастером на составляющие цвета и готовились три (иногда четыре) одинаковые по размеру доски, каждая из которых несла свой цвет: красный, голубой, черный, иногда желтый. Далее все происходило в соответствии с упомянутой теорией сэра Ньютона.

Несколько ранее совершилось открытие цветной печати способом меццотинто. Сам по себе этот способ был изобретен еще в предыдущем веке и состоял в следующем. Медная доска взрыхлялась, «вспахивалась» своеобразным инструментом — «качалкой», представляющим собой стальную расческу с частыми и острыми зубцами. Глубокий бархатистый тон отпечатка, сделанного с обработанной таким образом доски, — главное достоинство меццотинто. Далее, специальными стальными гладилками мастер удалял по мере надобности шероховатость доски, и там, где он возвращал ей гладкость, на отпечатке получался блик, а там, где поверхность была менее выглажена — полутона. Около 1711 года французский гравер Жан Кристоф Леблон (1667—1741) начал изготавливать для одной гравюры три доски, подобно тому, как это впоследствии делал Жанинэ с кватинтой. Чтобы произвести впечатление живописи, Леблон покрыл затем отпечатки слоем масла. Цветной способ меццотинто практически не использовался в книжной графике до конца века, когда неожиданное соединение некоторых его приемов с акватинтой позволило получать быстрый и эффектный результат. Для этого доска подготавливалась химически, как для акватинты (но равномерно по всей площади), а затем зернистость выглаживалась, как при меццотинто. Таким образом, отпали самые трудоемкие процессы обоих способов, зато сохранились нежная фактура акватинты и незаметность светотеневых переходов меццотинто. С помощью такой комбинации были изготовлены самые красивые книги восемнадцатого века. Назову две из них, наиболее заслуживающие внимания.

Первой необходимо назвать «Знаменитых мужчин и женщин Франции», роскошную книгу, выпущенную в последний год правления Людовика XVI (1789), украшенную его портретом и с пышным посвящением этому последнему прямому потомку Генриха IV Бурбона. Над изданием трудилось немало мастеров, среди них такие виртуозы цветной гравюры, как Пьер Мишель Аликс, Антуан Франсуа Сержан и другие. Принцип построения книги был таков: на одной странице помещался портрет очередной знаменитости, а на следующей — описание подвига данного персонажа и сверху изображение самого действия. Во всей книге нет ни строки, отпечатанной наборным шрифтом, весь текст награвирован от руки.

Вторым шедевром следует считать «Замечательные виды гор Швейцарии»; тридцать четыре цветных листа ин-фолио были награвированы самим изобретателем цветной акватинты Ф. Жанинэ и его талантливым последователем Шарлем Мелькиором Декурти (1753—1820). Жанинэ и ранее подвизался в области цветной иллюстрации («Французская галерея», Париж, 1771), но именно в «Видах Швейцарии» ему с напарником удалось продемонстрировать все преимущества изобретенной им техники в передаче горных пейзажей, с их дымчатой туманностью ущелий, с жемчужными грядами облаков, освещенных закатным солнцем, с каскадами брызг над бурлящими водопадами.

К сожалению, все вышеописанные способы изготовления цветных иллюстраций требовали больших трудов, но не выдерживали больших тиражей и были обречены ходом времени, девиз которого — «больше, проще, дешевле».

Г. Гольциус. Император Гальба. Кьяроскуро с офортом. 1557. Собр. ГБЛ.

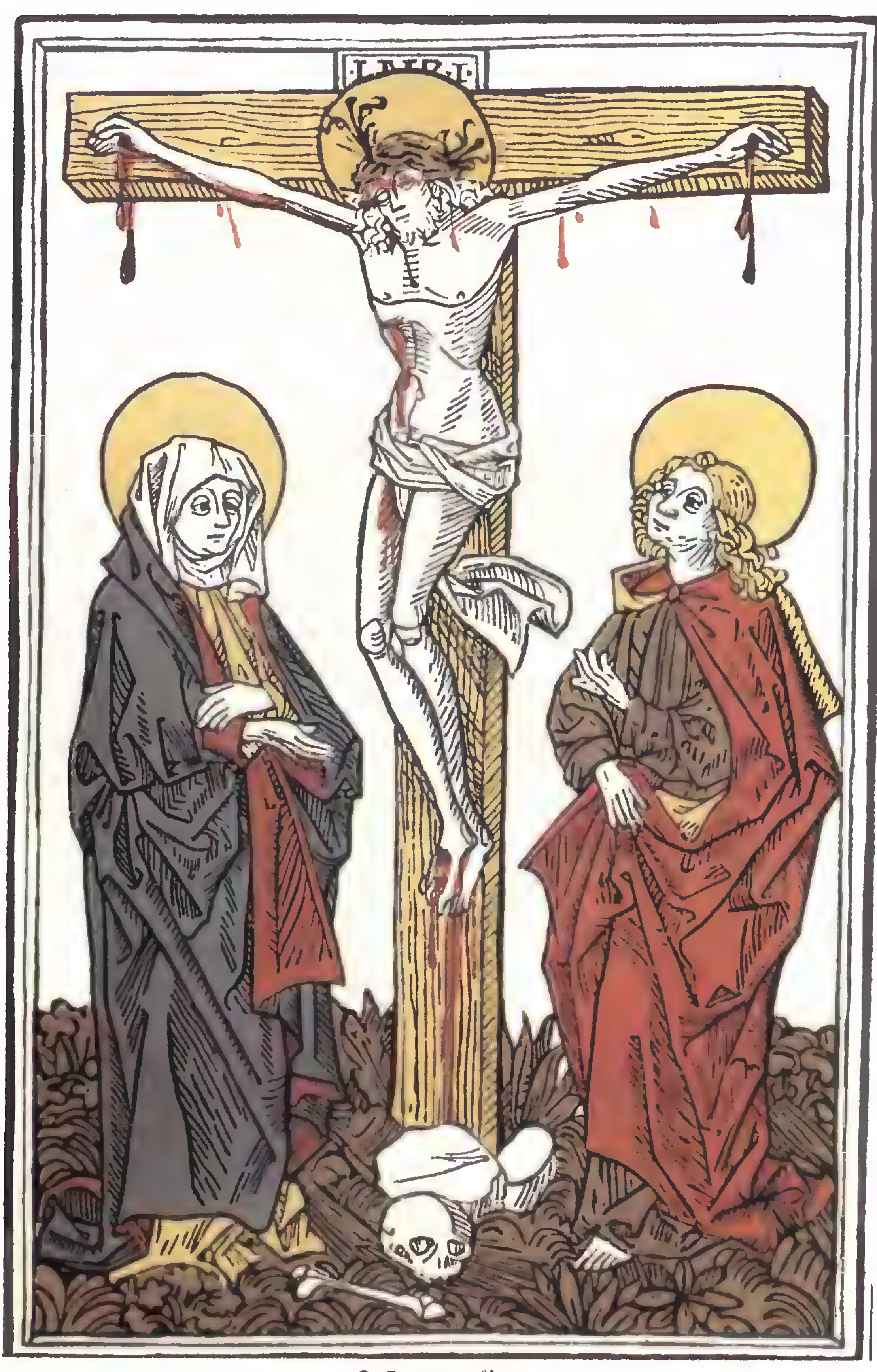

[2] См. «В мире книг», 1988, № 5.

В. Плейденвурф. Вид Нюрнберга. Раскрашенная ксилография.
Из «Всемирной хроники» 1493. Собр. ГБЛ.

Э. Ратдольт. Цв. ксилография из «Миссала». 1491.

Н. Монсио, Й. Губер. Простонародные истории.
Илл. к кн. П. Вадэ. Цв. пунктир. Собр. ГБЛ.

Н. Лесюёр. Бог Гелиос на колеснице. Из кн. «Кабинет Кроза». Кьяроскуро. Собр. автора

Э. Ратдольт. Трое святых. Цв. ксилография XV в.

М. Вольгемут. Пляска смерти. Раскрашенная ксилография. Из «Всемирной хроники». 1493. Собр. ГБЛ.

…щесь тяготеет.
…Советский пи…ат…

…Он бы… р… …вое мом, в сорок девятом… …итку московс… инстит…та. …другими… …ми… …етьми… …и пригово…и… …та…

…а фоне… …ла…рных сроко… …м. Н… …ли из… …про…и… …к…

М…

Сборник в ближайшее время выходит …издател… …Советски… п…сатель». В нем… во…ми…ния… …ис…ма… …ихи …ен…цин… …и… …ких… …ц… ст… …ких… …рси… Пу…ик… …я фрагменто… и… …ма… …вском… …и… …п… …м… …жу… …мог… бы… …ы… …вместной …бо ничего общего… …равлением… ма… герям… …по…этам… …име…т. Но ч… поделае… …ли… …и… …а… шихся на… …ря… …и… …т… и… …зк… …и… …ши… …шег…х… …м… …их иметь как… …и… …я… …п… …ре…м…и…

…

В настоящее время в и…д… …готовя…ся 2 и… 3… …До…н… …щается… …вшим… …юч… …ских… …ре… …ж… к… …ил… и… …ук… …материа…ы… …1…106… М… …. Воровск… …1… …реда…и… Кст… …см… …Ще…и… …зы… …ю… поздне… …м… …е… …ы… …м…

Заяра Веселая, 1949 г.

Заяра **ВЕСЕЛАЯ**

Артем Веселый с семьей, 1927 г.

АРЕСТ

В 49-м году я училась на втором курсе московского городского пединститута, старшая сестра Гайра заканчивала университет. В апреле она защитила диплом, на ближайшую субботу мы позвали друзей, чтобы отметить это событие.

Последнее время — после того, как арестовали маму — мы с сестрой жили вдвоем. У нас была комната в коммуналке на Арбате, то есть на пересечении всех тогдашних путей, поэтому редкий вечер кто-нибудь к нам не зайдет. Бывало, в одиннадцатом часу звонок из автомата: «Мы тут с Валей и Милой — ты их не знаешь — не попали на последний сеанс в Повторный. Можно сейчас к вам?» — «Конечно!»

Подруги, приятели и их знакомые — в основном, студенты — приходили повидаться, почитать или послушать стихи, обменяться книгами, покрутить патефон (любимейшие пластинки — «Песня Сольвейг» и полонез Огинского «Прощание с родиной» — заводились по нескольку раз кряду).

По московской традиции гостям непременно подавался чай, хотя к чаю обычно не было ничего, кроме хлеба, если не принесет чего-нибудь вкусного Минка — моя однокурсница и самая близкая подруга. Родители разрешали ей тратить стипендию по своему усмотрению; мы же с сестрой жили только на стипендию, то есть впроголодь.

Но в ту пятницу, затеяв званый вечер, мы накупили вдосталь колбасы, сыру и печенья с конфетами, поставили на стол пару бутылок вина (благо, незадолго перед тем разбогатели — свезли в комиссионку швейную машину).

Вечер удался — не хотелось расходиться. Но метро работало только до 12-ти, поэтому почти всем гостям ближе к полуночи пришлось распрощаться. Остались те, кто жил поблизости: Минка, приятель со школьных лет Олег и студент Института международных отношений Дима, нам до того дня незнакомый; пришел с одной из моих подруг да и засиделся себе на беду.

Впятером расположились мы с краю раздвинутого стола, пили остывший чай, за каким-то увлекательным разговором позабыв о времени.

Неожиданно раздался стук в наружную дверь. На часах было четверть третьего. Мы с Гайрой переглянулись, я пошла открывать.

В комнату вернулась в сопровождении офицера МГБ и нескольких парней в военном; следом вошли дворник с дворничихой — понятые.

Последовала короткая немая сцена: наши гости в замешательстве смотрели на вошедших. Красивый офицер (был он похож на Кадочникова из «Подвига разведчика») быстрым взглядом окинул комнату, после чего представился:

— Майор Потапов. — Он кивнул на разоренный стол, спросил шутливо: — Пасху справляете?

— Вот еще! — Я была уязвлена таким предположением: небось, не старухи! — Да и пасха-то ведь только в воскресенье начнется, что ему вздумалось?..

— Отмечаем защиту диплома, — сказала Гайра.

— А-а, ну что ж, дело хорошее... Кто из вас будет Веселая Заяра Артемовна?

И майор предъявил мне ордер на обыск и арест.

Почему-то я не ужаснулась, лишь удивилась.

Майор велел мне собрать вещи.

— Много не бери: пару белья и... Ну, в общем, самое необходимое. Не забудь теплую кофточку, — заботливо говорил он. — Если есть, возьми деньги.

Дима побелевшими губами залопотал о том, что пришел сюда впервые и совершенно случайно. Мы с Гайрой клятвенно это подтвердили, нам от души было его жаль — надо же так влипнуть!

Олег от нас не открещивался, молча и с любопытством наблюдал за происходящим.

Минка прежде всего вытряхнула мне свой кошелек. Видя, что я роюсь в шкафу в тщетных поисках пары белья, она отошла в угол, небрежно бросила в пространство: «Отвернитесь!», сняла платье и шелковую рубашку, платье натянула на голое тело, а рубашку сунула в наволочку, в которую я — за отсутствием какого-либо саквояжа — укладывала вещички. Потом она сняла с ног капроновые чулки — крик тогдашней моды (они только-только начинали входить в обиход). Я, было, запротестовала, мол, как же ты пойдешь домой (апрель в тот год выдался холодным, по ночам бывали заморозки), но она только махнула рукой.

— Готова? — спросил майор. — Тогда прощайтесь.

В это время я вспомнила про латынь и — обрадовалась, что утром не придется сдавать зачет.

№ 12 по Кривоарбатскому переулку — типичный доходный дом начала века, шестиэтажный, облицованный по фасаду серым гранитом. Мне очень нравился наш дом. Единственным его недостатком было отсутствие лифта; наверное, строили незадолго перед первой мировой войной и лифт не успели вмонтировать в оставленное для него место: лестница вилась вокруг пустой шахты.

Меня сопровождали двое, остальные, в том числе и сам майор, почему-то остались в квартире. Спускаясь с 4-го этажа, я, по привычке, взялась было рукой за перила, но один из военных молча оттеснил меня к стене, сам пошел у перил. «Неужели они опасаются, что я брошусь в пролет?! — изумилась я. — Можно подумать: ведут пойманную шпионку. Как интере-е-есно!...»

Оказавшись между двумя конвоирами на полутемной по ночному времени лестнице, я, конечно же, не могла не отметить некоторой театральности происходящего. Сцена выглядела бы гораздо эффектнее, будь я одета поэлегантнее: демисезонное пальтишко с отвисшими карманами, еще в войну полученное по ордеру, беженский узелок в руке — все это, безусловно, разрушало образ.

Выйдя из подъезда, я оглядела переулок: никогда не доводилось мне видеть его в столь поздний час.

У подъезда стояла черная «эмка».

...Такою же глухою ночью в прошлом году увезли маму, одиннадцать лет назад — отца.

Мои родители поженились в 1922 году, встретившись в Москве.

Мама в родном Крюкове Полтавской губернии окончила четыре класса, несколько лет проработала в детском доме — и была направлена с путевкой в московский пединститут. Срезалась на экзамене, поступила работницей на чулочную фабрику.

Отец в ту пору только что демобилизовался со службы на флоте, еще ходил в тельняшке. Он привез в Москву рукопись своей первой книги «Реки огненные», она была напечатана в 1923 году в журнале, а на следующий год — в издательстве «Молодая гвардия».

Подлинное имя отца — Николай Иванович Кочкуров, литературный псевдоним — Артем Веселый.

Родители поселились на Покровке, 3. В этом доме, где раньше размещалась дешевая гостиница, два этажа были отданы под общежитие писателей и поэтов группы «Молодая гвардия» (у каждого из них была отдельная комната, а у Артема Веселого, жившего со стариками-родителями, которые приехали к нему из Самары, — даже две).

Через несколько лет отец и мать расстались. Они сохранили добрые отношения; Гайра до восьми лет воспитывалась у дедушки с бабушкой, я то и дело у них гостила. Отец, живя отдельно с новой семьей, постоянно бывал на Покровке. Я часто виделась с отцом, хорошо его помню.

Новый — 1937-й — год встречали на даче в Переделкине. Обеденный стол раздвинут и завален ворохом цветной бумаги и яркими лоскутами: мы с Гайрой и сводной сестрой Фантой мастерим елочные игрушки. Елка уже стоит в столовой, упираясь верхушкой в потолок — елку срубили (тут же, на диком еще дачном участке) отец и его младший брат Василий. Смолистый дух перешибает все другие запахи Нового года: красок, клея, мандаринов, горячих бабушкиных пирогов.

Ужинали — вчерне — на кухне, у бабушки еще топилась плита. Отец поднялся на второй этаж в свой кабинет, вернулся с несколькими коробками «Казбека» в руках.

— Все! Бросаю курить! — он открыл дверцу плиты и швырнул папиросы в огонь.

— «Казбек»?! — в ужасе закричал дядя Вася и голыми руками — мы только ахнули — выхватил коробки из пламени.

После ужина отец прилег в своем кабинете поверх серого солдатского одеяла, мы с сестрами примостились рядом, принялись наперебой рассказывать ему о своих школьных делах (я учусь в первом классе, и школьные дела представляются мне необычайно важными).

Немного погодя, отец сказал:

— А теперь представьте себе такое...

Врезалось в память: отец говорит размеренно, как будто с листа считывает, и при этом пристально вглядывается в черноту окна, словно ему что-то видится в этой черноте:

— В походном шатре двое — хан и молодая русская полонянка. Хан угощает ее яствами и вином, она ото всего отказывается, потом внезапно говорит: «Дай хлеб». Он дает. «Дай салю». Дает. «Дай нож!» Дает нож. Она режет на доске сало и хлеб, говорит хану: «Возьми!» Хан протянул руку (отец тянет руку в сторону темного окна), как вдруг! Вдруг взмахнула полонянка ножом — и пригвоздила руку хана к доске!.. Закричал хан, вбежали его телохранители, совсем уж было схватили девушку, но она, гибкая, как змея, выскользнула из шатра, лишь ее одежда осталась у них в руках. Вокруг шатра расположилось станом бесчисленное ханское войско, в ночи горели тысячи костров... За девушкой гнались, но она — нагая, с распущенными волосами — прыгала и прыгала через костры, бежала и бежала, покуда ночная степь не скрыла ее...

Впоследствии, вспоминая рассказ отца, я думала, что это — эпизод, не вошедший в «Гуляй Волгу» — его роман о покорении Сибири Ермаком (Ярмаком назван он в книге; кстати сказать, родись я мальчиком, меня, по желанию отца, нарекли бы Ярмаком).

И только недавно, разбирая то, что уцелело из отцовского архива, поняла, что это — отрывок совсем из другого романа, рукопись которого была изъята при аресте отца, но — по сохранившемуся плану и довольно многочисленным наброскам — можно судить о его содержании. У этого романа было несколько вариантов названия, в том числе такие, как «Запорожцы» и «Печаль земли». Рассказанного отцом эпизода в рукописях нет, но есть строки, ему предшествующие и за ним следующие:

«Степь была залита лунным светом.

На кургане ордынцы делили добычу: седла, холсты, церковная утварь, колодки меду, кони, волы, отары овец, полонянники... Всадники ворчали и ругались, грозя уйти от хана в другую орду.

Около Марийки заспорили два татарина.

Один потянул ее за руку к себе и сказал:

— Моя.

Другой к себе:

— Моя.

Привлеченный шумом спора и свары подошел хан и сказал:

— О, храбрецы моего племени, я дам вам много волов и коней, овец и меду, но отдайте эту девку мне.

В толпе черных харь лицо юной полонянки блистало, как солнечный луч.

Чтобы прекратить этот спор, один из татар выхватил шашку, намереваясь зарубить девку, но хан взмахнул спрятанным в широком рукаве епанчи ножом, и татарин упал окровавленный.

Хан забрал Марийку и увел ее к себе в шатер».

Далее, совершенно очевидно, должна быть сцена, рассказанная нам отцом.

Сама встреча Нового года мне не запомнилась, возможно, я ее просто проспала.

Не берусь гадать, о чем думал отец, гуляя с нами по Переделкину в первый день тридцать седьмого года, но то, что он предвидел свой трагический конец — несомненно: уже вовсю шли аресты.

Летом, когда сестры вернулись из очередного путешествия с отцом на рыбачьей лодке по Волге, они рассказали, что, в отличие от предыдущих поездок, отец избегал посещать большие города, а под охраняемыми мостами проплывал, пристроившись к плотам: все это из опасения, что если его арестуют, то дочери останутся одни вдали от дома.

Отец пробыл остаток августа в Переделкине, где проводила лето его жена Людмила Иосифовна с их детьми — Левой и Волгой, и где я жила при бабушке с дедушкой.

Уже была опубликована в «Комсомольской правде» рецензия, озаглавленная: «Клеветническая книга. О романе А. Веселого «Россия, кровью умытая».

Отец предвидел арест — и готовился к нему. Часть своего архива он отвез на Покровку, видимо, полагая, что его стариков и брата, работавшего грузчиком, не тронут.

Так оно, по счастью, и произошло.

Дедушка умер во время войны, бабушка — в 48-м году. На Покровке оставались младший брат отца Василий Иванович Кочкуров с женой Клавдией Алексеевной. Никто, кроме них, не знал о существовании архива; хранение бумаг осужденного врага народа считалось криминалом. Архив, уложенный в плетеную из ивовых прутьев бельевую корзину, был спрятан... под кровать.

Люди, далекие от литературы, они сохранили ценнейшие материалы: рукописи, документы, письма, фотографии, прижизненные издания произведений Артема Веселого.

В последний раз я видела отца в сентябре или октябре тридцать седьмого. Как-то вернулась из школы — следом пришел отец.

Он был молчалив и сосредоточен; неспеша разделся, несколько раз прошелся по комнате, потом сел за стол, достал из кармана и положил перед собой тоненькую книжку в бумажной обложке. Я углядела, что она — из собираемой мною серии «Книга за книгой», обрадовалась и потянулась за ней через стол, но отец прижал книжку ладонью.

— Садись и слушай... «Янко-музыкант», — начал он с печальной торжественностью.

Отец читал мне вслух, чего прежде никогда не делал: я самостоятельно читала с четырех лет. Я слушала, смаргивая слезы; горько заплакала, когда он дочитывал последнюю строку: «Над Янко шумели березы...»

Вскоре отец ушел, и тогда я не пожалела, что не побыл со мною подольше: мне не терпелось еще раз перечесть историю Янко...

В конце октября отца арестовали. Следом оказалась за решеткой, а потом получила восемь лет лагерей Людмила Иосифовна. Леву и Лялю (так в детстве звали Волгу) забрали в детдом.

Долгие годы не знали мы о судьбе отца: в Справочной на Кузнецком, 24 на наши регулярные о нем запросы отвечали одно и то же в краткой стереотипной формулировке: «Жив, работает; осужден на 10 лет без права переписки»; повторяли это — не вдаваясь в объяснения — и после того, как истек срок наказания*.

Маму арестовали в начале сорок восьмого года. После войны она работала медсестрой в поликлинике, подрабатывала уколами и как-то раз по телефону, висевшему у нас в коридоре, сказала своему пациенту, чтобы тот постарался достать американский пенициллин: он, мол, гораздо лучше нашего.

Сосед услыхал, донес, куда следует.

Мать обвинили в антисоветской агитации, приговорили к восьми годам лагерей.

Мама попала в Потьму. Она не была лишена права переписки, но это право ограничивалось двумя письмами в год. Кроме того, отправив ей посылку, мы в ответ получали разрешаемую открытку всего из трех слов: «Посылку получила, мама». Было нам уже и одно письмо — скупое (явно подцензурное), мол, жива-здорова, работаю на общих, спасибо за посылки. Мама беспокоилась о нас, просила писать почаще.

Посылки мы с сестрой отправляли каждый месяц, деньги на них давал большой мамин друг, что сохранялось им и нами в строжайшей тайне: был он старым большевиком, директором фабрики и сильно рисковал, помогая осужденной. Мы рассчитывали, что как только Гайра закончит университет и поступит на работу, мы полностью возьмем на себя заботу о матери.

...У подъезда стояла черная «эмка», передо мной распахнули дверцу, я оказалась на заднем сидении между двумя военными.

Машина, рванув с места, помчалась по Арбату, по Воздвиженке, через Манежную площадь и, подъехав к большому зданию на площади Дзержинского, остановилась у подъезда № 3.

ЛУБЯНКА

Это уже потом, освоившись с тюремными порядками и терминологией, я узнала, что провела ночь в боксе. А тогда подумала, что комнатушка без окна, напоминающая чулан, — одиночная камера. Маленький — типа тумбочки — столик, табуретка; кровати не было.

«Должно быть, мне бросят соломенный тюфяк, — решила я. — Подумать только, я — в тюрьме!».

Настроение было приподнятое: я ждала каких-то значительных и немедленных событий, связанных с моим загадочным арестом.

Забавляла мысль, что не соберись мы вместо субботы в пятницу — не бывать бы нашему званому вечеру; радовалась, что ночной стук не врасплох застал нас с сестрой, не спросонья, как это было при аресте мамы; запоздало удивилась, что не было обыска, подумала: «оно и лучше».

Время шло, но ничего не происходило. Первоначальное возбуждение постепенно улеглось, подступила тревога.

Пыталась строить догадки, почему меня арестовали? Мама во время свидания, данного нам перед ее отправкой в лагерь, сумела намекнуть, кто из наших квартирных соседей доносчик.

Может быть, я что-нибудь брякнула по телефону, а этот сосед подслушал — и донес? Или он меня просто оклеветал? Удастся ли оправдаться? Одно из двух: или меня взяли по ошибке — тогда разберутся и отпустят, или...

Сидела, уставившись в стенку, чувствуя, как угнетающе начинает действовать слепящий свет яркой лампы и полная — до звона в ушах — тишина.

Неожиданно — настолько неожиданно, что я не поверила ушам — послышался голос Гайры. И тут же — чье-то шипение:

Тш-ш-ш...

Я вскочила, припала к двери.

— Тут у вас моя сестра, ее увезли ночью... очень громко

---

* В 1956 году, с посмертной реабилитацией отца, была названа дата его смерти — 2 декабря 1939 года.

По сведениям, полученным в 1988 году в Военной Коллегии Верховного Суда СССР, Артем Веселый расстрелян 8 апреля 1938 года.

говорила Гайра (на то и рассчитывала: я услышу и, по крайней мере буду знать, что ее тоже забрали).

— Тш-ш-ш...

— Она забыла взять с собой мыло! Можно ей передать?

— Тш-ш-ш.

Я заколотила в дверь кулаками:

— Гарка, я тут! Гарка!

Зайка! Зайка!

Хлопнула какая-то дверь — и все стихло.

Минуту спустя — я еще прижималась к двери — ко мне влетел разъяренный толстяк с лычками на погонах. Оттеснив меня от двери и закрыв ее за собою плотно, он все равно приглушал голос:

— Ты чего разоралась?

— Там моя сестра!

— Тш-ш-ш... Нет там никого.

— Я же слышала!

— Тш-ш-ш... Будешь кричать — посажу в другое место, там ты у меня живо зажаришься (точно не помню, возможно, он сказал *замерзнешь*, но угроза была связана именно с температурой этого *другого места*, видимо, карцера).

Я вообще не храброго десятка, и тут малость струхнула, но, чтобы он об этом не догадался, набычилась, сжала зубы и не мигая смотрела ему прямо в глаза. Бросив на меня еще один грозный взгляд, толстяк ушел.

Все кончено! Раз Гайру тоже арестовали, надеяться на то, что разберутся и отпустят — глупо. Значит, есть какая-то причина?! Но каково коварство красивого майора! Выходит, он явился к нам с двумя ордерами на обыск и арест, почему бы не сказать об этом сразу, а не устраивать спектакль? То-то он остался, когда меня увезли...

...Яркая лампа под потолком горела ночь напролет. (Перед сном женщины прилаживали на глаза повязки), но мне в первый вечер свет ничуть не мешал: заснула, как только коснулась головой подушки. Не слышала, как открылась дверь (а открывалась она всегда с каким-то зловещим лязгом), проснулась только тогда, когда потрясли мою кровать.

Рядом стояла надзирательница.

Фамилия? — спросила она.

Я сказала.

— Инициалы полностью.

— Что-о?

Инициалы полностью! — нетерпеливо повторила она.

Я не могла понять, чего ей от меня надо.

— Имя-отчество, — подсказала с соседней койки Наташа.

Заяра Артемовна.

— На допрос.

— Ты что же это, Заяра, нарушаешь режим? — не строго, а скорее добродушно стал выговаривать мне следователь, едва я переступила порог его кабинета, и мы оглядели друг друга (был он в штатском и по виду мог бы сойти за обыкновенного служащего в каком-нибудь обыкновенном учреждении). — Колотишь в дверь, кричишь... У нас так себя вести не положено. У тебя что, мыла нет? Вот будет ларек — купишь. Садись, — он указал на стул, стоявший у стены напротив его стола.

Представившись (не помню, какой у него был чин, кажется, старший лейтенант), Мельников предупредил, что обращаясь к нему, я должна называть его не товарищ следователь, а гражданин следователь. После чего перешел с места в карьер:

— Ну?.. Признавайся в своих преступлениях.

Меня удивили не сами слова (я ждала чего-нибудь подобного, поскольку на допросе и положено спрашивать о преступлениях), удивил спокойный, какой-то будничный, без малейшей экспрессии, голос (позже я узнала от тюремных подруг, что Мельников в ту ночь произносил эти самые слова не единожды).

Пожав плечами, ответила, невольно впадая в тот же вялый тон:

— Мне не в чем признаваться.

Подумай, — сказал Мельников. И, больше не обращая на меня внимания, принялся рыться в бумагах.

Пауза затягивалась...

Наконец следователь вышел из-за стола и протянул мне бумагу:

— Ознакомься с обвинением.

В бумаге говорилось, что как дочь врага народа Кочкурова Николая Ивановича (он же — Артем Веселый) и осужденной по статье 58-10 Б Лукацкой Гиты Григорьевны я обвиняюсь по статье 7-35 (СОЭ).

Если бы не слова *враг народа* и *осужденная*, листок у меня в руках можно было бы посчитать за машинописную копию моей метрики. И это — обвинение?!

Я спросила, что за статья, и что означает СОЭ. Оказалось, что по статье 7-35* судят социально-опасный элемент, сокращенно — СОЭ.

Возвращая бумагу Мельникову, я, хмыкнув, сказала, что нелепо было бы отрицать родство с родителями.

Не помню дословно доводов следователя, но они сводились к следующему. Поскольку я, вероятно, сочувствую репрессированным родителям, у меня в этой связи могут быть («а в душу не заглянешь!» — присовокупил следователь) обида, недовольство, словом — *антисоветские настроения*.

— Допустим, у тебя их нет, — говорил он. — Допустим. Но ведь *могут быть*? В принципе?

— И я сказала:

— В принципе — да.

— Вот видишь! А теперь сама посуди: что, если эти настроения будут использованы вражеской агентурой? Ты же должна понимать, какая сейчас сложная международная обстановка.

Про международную обстановку я понимала. Не понимала, какой от меня мог бы быть прок вражеской агентуре. Но что возразить ему, сотруднику Министерства государственной безопасности, уж он-то, конечно, лучше меня разбирается в проблемах, связанных с вражеской агентурой и социально-опасными элементами, коим в душу, и в самом деле, не заглянешь.

На Лубянке я пробыла до 23 мая — ровно месяц. Еще два или три раза водили меня на допросы, почему-то всегда *среди ночи*.

Следователь держался вполне корректно. Я была благодарна ему за это; радовалась, что он же, а не другой, ведет дело Гайры: в камере приходилось слышать о том, что некоторые следователи во время допросов кричат и матерятся.

Неторопливо и размеренно вел Мельников допрос, четким округлым почерком записывал в протокол свои вопросы и мои ответы.

Вопросы были однообразны: почти про каждого, кто бывал у нас в доме, он спрашивал, нет ли у того антисоветских настроений, не вел ли он соответственных разговоров.

Особо останавливался на тех, чьи родители были репрессированы:

— Нет? Но ведь у нее отец арестован... Ты вспомни, вспомни... Нет? Ну, ладно... — и снова лениво водил пером. — Прочти. Распишись.

Я была уверена, что отец не *враг народа*, читала и любила его книги, но, вопреки предположениям следователя, у меня — ни сразу после ареста отца, ни в дальнейшем не возникало враждебности не только к советской власти, но даже к органам НКВД: с детства усвоила бывшую тогда в большом ходу поговорку: *лес рубят — щепки летят*. И не было сомнений в том, что лес рубить необходимо: с октябрятского возраста знала и про капиталистическое окружение, и про обострение классовой борьбы, с волнением в груди читала со сцены на школьных утренниках стихи Михалкова про пионеров, которые поймали шпиона и диверсанта. Шпионов и диверсантов надо ловить и сажать в тюрьму. А моего папу посадили по ошибке: лес рубят... И папу Иры — по ошибке, и дедушку Марины...

В камере у одной меня была 7-35. *«Легкая статья»*, — говорили сокамерницы и уверяли, что нас с сестрой *просто вышлют* из Москвы. Радуясь в душе, что мне не грозит, как остальным, лагерь (у всех была 58-я), в то же время испыты-

---

* 7 и 35 никогда не разделялись в речи, и даже в официальных бумагах писались через дефис; я полагала, что это — 35-й пункт 7-ой статьи (по аналогии с 58-10). Между тем, это статьи из двух разделов Уголовного кодекса: в 7-ой говорилось о категории лиц, в отношении которых «применяются меры социальной защиты», а в 35-й — об этих мерах.

вала я перед ними чувство вины, какое бывает у здорового перед тяжелобольными.

Ни одна из женщин в 10-й камере не была похожа на шпиона и диверсанта.

Мария Александровна, преподаватель ВУЗа, тяжело переживала разлуку с сыном-школьником, мучительно беспокоилась о нем.

У Тони, после ареста ее и мужа, остался трехлетний Генка. Родственники есть, но возьмут ли? Или он уже в детдоме? Как она говорила, муж, рассказавший в компании анекдот, по доносу одного из приятелей, сел за антисоветскую агитацию, а Тоня — за недоносительство.

Самая большая трагедия была у женщины, имени которой я не помню. Ее двенадцатилетняя дочь, после ареста матери, осталась совершенно одна в Ростове-на-Дону; следователь говорил во время допросов, что девочка стала проституткой. Сокамерницы пытались утешить несчастную мать, говоря, что это немыслимо, абсолютно невозможно, что дочь, конечно же, в детдоме; женщина, уставившись в одну точку невидящим взглядом, отвечала чуть слышно: «Я тоже так думаю. Он врет».

У Наташи не было детей, она была беременна.

В 14 лет, после ареста родителей, Наташа осталась вместе с младшим братом на попечении старшего, а по существу, на собственном попечении, узнала самую черную нужду. В начале войны ушла добровольцем на фронт, защищала Москву, потом поступила на истфак МГУ, уже заканчивала аспирантуру, и только-только вышла замуж...

И вот — очутилась на Лубянке.

Месяц пробыли мы вместе с Наташей в десятой камере — дружим до сих пор. О том, что было с нею после того, как мы расстались, она рассказала мне через несколько лет, когда мы снова встретились.

Наташа отказалась подписать протокол в сфабрикованной следователем Макаренко формулировке. Исчерпав крик и угрозы, следователь заставил Наташу встать у стены и долгими часами держал ее — уже с большим животом! — на ногах. Она теряла сознание, падала, ей давали понюхать нашатырь — и снова ставили у стены. Этого протокола она так и не подписала. Приговорили ее к пяти годам ссылки в Кокчетавскую область. Беременность протекала крайне неблагополучно, что было выявлено тюремными врачами, но Наташу, вместо того, чтобы додержать до родов в больнице, отправили в дорогу: после месяца, проведенного в тяжелейших условиях этапа, она в первый же день по прибытии к месту ссылки родила мертвого ребенка.

Еще и теперь случается иной раз слышать разговоры, что при Сталине, мол, было больше порядка; или что были лучше продукты; или что была дешевая водка. В таких случаях мне всегда вспоминаются слова Некрасова: *«Была капель великая, да не на вашу плешь...»*

НОВОСИБИРСК

...Мы гадали, ка́к в Новосибирске произойдет наш переход из заключенных в ссыльные. Отпустят ли нас прямо с вокзала? Или же прежде отвезут в местное отделение МГБ, и уж там вернут паспорта, отобранные при аресте?..

Выгрузка проходила тем же порядком, что и погрузка: на запасных путях и по алфавиту. Было велено строиться в колонну по пять человек в ряд. Я — третья по списку — оказалась в первом ряду колонны: к женскому вагону сзади пристраивались мужчины.

Оглянувшись, я заметила возле одного из вагонов людей в серо-зеленых мундирах.

Немцы!

До этого, не считая кино, я видела немцев только однажды, в тот день, когда пленных гнали через Москву.

Немцы мгновенно построились по пять в ряд, после чего их, проведя мимо нашей колонны, поставили впереди нее.

Средний немец в последней шеренге оказался непосредственно передо мной — хоть ладонью ему в спину упрись.

Нам объявили: шаг вправо, шаг влево — считается побег, конвой стреляет без предупреждения.

Мы двинулись — сначала вдоль путей, потом мимо каких-то складов, потом — по улицам города...

Мы медленно брели по мостовой, машины нас объезжали. Конвоиры держали автоматы наизготовку, колонну сопровождало несколько овчарок.

На тротуарах стояли люди. Не знаю, с каким выражением они на нас смотрели — я никого не видела: крепко сцепив зубы, не отрывала взгляда от серо-зеленой спины.

ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП

Утром по всему тюремному коридору захлопали двери:

— Выходите, с вещами!

Человек сто мужчин и женщин вывели во двор; нам приказали сесть на землю.

Никто не знал, что будет дальше, строились различные предположения, чаще других звучало слово этап.

Эти толки я слушала уже отстраненно; нас они больше не касаются: мы же в Новосибирске, можно сказать, приехали, осталось получить паспорта — и за ворота!..

Ворота открылись, во двор въехали грузовики.

Нам выдали по буханке хлеба и по кулечку сахарного песку (который я тут же умудрилась просыпать на землю), после чего посадили в грузовики и куда-то повезли.

Высадили нас на берегу Оби, чуть поодаль пристани.

Вместе с нами приехали конвоиры, но было их немного — человек пять-шесть — и держались они непривычно: сбившись в кучку, разговаривали между собой и, казалось, обращали на нас мало внимания. И ссыльные вели себя, словно пассажиры, ожидающие прибытия парохода: тоже сбивались в кучки, расхаживали по берегу (правда, далеко не разбредались, как будто чувствовали какую-то незримую ограду), разговаривали, курили.

Мы с Ниной и Майкой стояли в сторонке.

Я злилась на себя: «Господи, какая же дура — поверила следователю, что меня ожидает чуть ли не просто перемена места жительства (сама же кивала согласно, мол, не всем жить в Москве!). Что-то не похоже, что нам собираются отдавать паспорта и студенческие билеты... Видно, и впрямь, по пословице: попала лиса в капкан — гляди в небо...»

Не скажу, что на берегу Оби пришло ко мне внезапное прозрение и наступило, наконец, осмысление происходящего. Нет, но я уже не находила ему оправдания в формуле *так надо.*

«Неужели надо было протащить нас через четыре тюрьмы? Надо ли теперь гнать куда-то из города, назначенного нам местом ссылки? — думала я. — И что еще нас ожидает?»

Между тем к пристани подплыл пароход, началась посадка пассажиров, потом запустили и нас.

Поплыли вниз по реке.

Почему-то совсем не запомнила пристани, где нас высадили (лишь помню, что на левом берегу).

Вскоре появились грузовики. Погрузились — поехали.

Дорога была ухабистая, тянулась по плоской безлесной равнине, лишь кое-где виднелись *согры* — островки чахлых березок с болотными кочками между стволами.

Кто-то бывалый сказал, что отсюда начинаются *Васюганские болота.*

— Ссылка — что́! — донесся до меня разговор двух крестьянского вида стариков. — Ссылка — не лагерь. Ты где отбывал?

— За Котласом.

— Я — на Колыме... — Вздох. — А ссылка — что!..

— Погоди еще: зашлют в колхоз, заставят за палочки работать — с голоду подохнешь. В лагере хоть кормят.

— Ну, нет! По мне, нету ничего хуже лагеря. — Вздох. Как-нибудь прокормимся...

Постепенно в разговор втянулись другие. Все сошлись на том, что как бы тяжело ни оказалось в ссылке — хуже, чем в лагере не будет. Стали припоминать разные события лагерной жизни. Старик, отбывавший срок на Севере, рассказал о том, как, случалось, расправлялись у них с провинившимися: раздев догола, привязывали к дереву, оставляли на ночь в тайге — на съедение мошке и комарам.

Я не поверила:

— В н а ш е м лагере?! Этого не может быть!

Старик коротко на меня глянул, усмехнулся и промолчал.

Поняла, что сказанное — правда: этого не может быть, но — было

СИНДИКАТ

Юрий
КОМОВ

Первый раз я оказался в Соединенных Штатах в 1971 году. Конечно, много слышал, как и вы, читатель, об этой стране, достаточно знал о ней. И вот — Бродвей, самое, пожалуй, популярное слово в нашем русском лексиконе раздела «Америка» (в мое время, во всяком случае), и он — наяву — вполне вписывается в то, что почерпнул в литературе. Источники — книги Ф. Ландберга («60 семейств Америки», 1948) и Н. Смелякова («Деловая Америка», 1971), работы У. Манчестера («Убийство президента Кеннеди», 1969), М. Кинга («Есть у меня мечта...», 1970) и А. Бухвальда («Это Америка», 1969), Н. Яковлева («Преступившие грань», 1971), М. Стуруа («Брожение», 1971) и А. Брычкова («Молодая Америка», 1971). Читать, в общем, было что — и все на русском языке. Надо сказать, что мы в этом отношении не на голову, а гораздо выше любого среднего американца. Он себя данными о других странах и народах никогда не обременял. Смотрят в США на подобные знания с практической точки зрения — нужно ли для дела.

Аэропорт Нью-Йорка поражал размахом, организованным столпотворением, разноголосием и специфическим запахом (не спутаешь ни с чем — странная смесь выхлопных газов тысяч машин и дорогих духов со всего земного шара). В гостиницу нас доставили друзья: растерянно и отвлеченно — с дороги — смотрели в окна машины, говорили о пустяках. А Бродвей и все остальное оставляли на потом: целый кусок жизни, не один год. Нью-Йорк гудел, пыхтел, дымил, кричал и озадачивал — жил в каком-то странном, на первый взгляд, диком ритме: привыкаешь к нему постепенно. Все у этого города необычно, и новости его кипучей текучки просто завораживают...

28 июня 1971 года на Коламбус-сёкл, площади рядом со знаменитым Центральным парком города, собралась огромная толпа: тысячи людей отмечали второй год существования Лиги гражданских прав американцев итальянского происхождения. Лидером и основателем этой организации был 48-летний Джозеф Коломбо, имя мне тогда ничего не говорившее, но известное в каждом полицейском участке. Один из «боссов» мафии, Коломбо был в зените могущества.

Годом раньше на Коламбус-сёкл, окружив памятник Христофору Колумбу, собралось 50 тысяч энтузиастов, украшенных зелено-черно-красными значками цветов итальянского флага. В 1971-м их пришло в два раза больше, они запрудили близлежащие улицы (движение перекрыли) и были полны решимости выразить свои национальные чувства и, вместе с тем, патриотизм истинных американцев, обретших здесь вторую родину, но не забывающих страну, которую покинули ради Нового света и небывалых радужных возможностей.

Все эти люди, пожилые выходцы из Италии и их дети и внуки, родившиеся в США, готовы были радостно приветствовать своих известных соотечественников, американского певца Фрэнка Синатра, их гордость, и итальянскую актрису Софию Лорен, которая оказалась в Нью-Йорке на съемках, а также других знаменитостей. Всех их приглашал сам Коломбо, без его энергичных усилий праздник не состоялся бы. Джозеф Коломбо слыл человеком деловым, и много в нем было от амбициозного политического деятеля, словно начинающего свою первую избирательную кампанию: он жаждал быть на виду, он умел очаровывать, привлекать внимание и держался уверенно и красиво. Коломбо гордился тем, что лично организовал это мероприятие, которое влетело ему в копеечку (впрочем, не ему, а организации, вернее — всем этим чудесным итальянцам, что так тепло восприняли призыв к единению и оплатили начинание наличными). На празднике бесплатно кормили пиццей и макаронами, поили прохладительными напитками. Коломбо улыбался направо-налево, едва успевал отвечать на приветствия, по ходу вникал в организационные мелочи как рачительный и гостеприимный хозяин, стремящийся легко и непринужденно, не уронив своего достоинства, не ударив в грязь лицом, честь по чести принять всех собравшихся.

И вот в момент этого всеобщего подъема и ликования мелькнул в толпе молодой негр, который, приблизившись к уверенно распоряжавшемуся торжествами Коломбо, разрядил в него револьвер: одна пуля попала в шею, две — в голову. Покушавшегося прикончили на месте преступления. Коломбо оперативно отправили в госпиталь — еще не теряли надежды. А веселый карнавал неожиданно превратился в гражданскую панихиду: с платформы, где должны были выступать артисты, звучали голоса будущего мэра Нью-Йорка Абрахама Бима (ни чем себя особенно потом не скомпрометировавшего, но всегда остававшегося «лояльным» по отношению к мафии), конгрессмена Марио Бьяджи (его в ноябре 1988 года приговорят к восьми годам тюремного заключения и крупному денежному штрафу за взяточничество, вымогательство и 13 других уголовно наказуемых преступлений) и многих, кто отдавал должное щедрости и талантам человека, который в эти мгновения боролся со смертью.

Госпиталь, куда привезли Коломбо, в одночасье был превращен в крепость, везде дежурили его телохранители — большинство нью-йоркцев (искушенных в подобных делах — не чета наивным иностранцам) не без оснований полагало, что покушение на жизнь главы одного из кланов организованной преступности может стать началом новой гангстерской войны, как это не раз уже случалось в Соединенных Штатах.

В госпиталь, меж тем, прибывали один за другим посетители, каждый хотел выразить соболезнования: среди других — известный негритянский певец, друг Синатра, Сэмми Дэвис и... даже — «воинствующий раввин», скандально тогда известный руководитель Лиги защиты евреев Меир Кахане, оба они, как и прочие, должны были принять участие в празднестве.

Полиция же пока активно вела расследование. Молодой негр-убийца оказался некоим Дж. Джонсоном, человеком без определенных занятий. На профессионала, выполнявшего чей-то заказ, был вовсе не похож. Более чем странный случай, вроде бы, свел в роковой час на одной из площадей Нью-Йорка выходцев из разных частей света — Европы и Африки, берега которых, правда, омывает одно Средиземное море.

Предки Джозефа Коломбо прибыли в США из Сицилии, с острова, где столетиями скрытно и жестоко осуществляла свою деятельность мафия, страшная, грозная организация. Тайное это общество возникло в 1282 году в Палермо, 3 марта, в пасхальный понедельник (так точны хроники). В тот день жители Сицилии восстали против оккупантов-французов. Один из завоевателей лишил чести девушку, готовившуюся к свадебной церемонии. Обезумевшая невеста разбила голову о стену собора, где должно было состояться венчание. Умирая, она крикнула: «Смерть Франции!» К ее словам, ставшим лозунгом восставших, добавили фразу: «Вот искреннее желание Италии». Первые буквы этих итальянских слов и составили новое сочетание — мафия. Завоеватели были изгнаны, но мафия осталась. Члены организации приобрели власть и могущество. Они стали сплоченной армией, солдаты которой были связаны страшной клятвой молчания и обетом беспрекословного повиновения. Закон гласил: «Молчи, заговоришь — умрешь». В таком виде, со всеми обрядами и обычаями, и дожила мафия до наших дней. В Италии она процветала во все времена и процветает до сих пор (XX век это доказывает с полной очевидностью — достаточно следить за прессой), а в Америку мафия перекочевала в начале нашего столетия, нашла там благодатную почву и закрепилась.

Отличительным признаком деятельности мафии — независимо от эпохи и страны — являлось и является убийство, неотъемлемый атрибут, цементирующий связи членов организации. Убийство — это не только выражение суровых законов «общества чести» («онората сочьета»), это — расплата, наказание, поучение, это — предупреждение семье и друзьям жертвы и кому угодно. И чем ужаснее обстоятельства содеянного — тем больше грозных слов в каждом таком послании мафии.

У нас в стране слово «мафия» произносят сегодня всуе, определяя им группу преступников, преследующих одни цели, действуют ли они в Узбекистане или в столице. Термин стал употребительным, его роняют походя, но далеко нам все-таки до зарубежных образцов — и слава богу. Мафия, родившаяся в средние века как своего рода инструмент справедливости, патриотическое общество, защищавшее интересы сицилийцев, постепенно превратилась из средства борьбы с захватчиками в жестокий механизм осуществления диктатуры и террора, разнузданных репрессий против всякого, кто проявлял неповиновение, независимость. На Сицилии мафия по-просту стала своего рода полицией — карающим органом, следящим за соблюдением обычаев и «законности». Мафия вершила «правосудие»: за определенную мзду она разыскивала и возвращала похищенное, она охраняла имущих, кото-

рые во избежание неприятностей платили отступного, и поощряла беднейших, кому давала шанс выйти в люди. Мафия стояла на страже семьи, покровительствовала ей, мафия защищала невинность девушек острова, вникала во все интимные дела. И сама при этом выглядела почти непорочной: помимо прочего, служила церкви, наладила с ней связь — вместе торговали религиозными сувенирами и собирали другую мзду с верующих. Делать это было не трудно: большинство «прихожан» — из сельской местности, где чтут традиции, освященные веками. Потом, когда мафия пришла в города, верили уже не только в бога, но в силу представителей тайной организаций, в живучесть старых обычаев, в неумолимость жуткого наказания за содеянное супротив.

Расправлялись с провинившимися строго: грабителям отрезали руки, насильникам — половые органы, болтунам — язык, разговорчивым очевидцам выкалывали глаза, да мало ли что творили. И все эти средневековые ужасы, страсти и борения принесены были в Америку и прижились поначалу в Нью-Йорке в районе известном под названием «маленькая Италия», неподалеку от знаменитого Бруклинского моста. Убивали (казнили) обычно принародно, чтобы видели и боялись. Впрочем, тайных исчезновений тоже хватало — на все были свои обстоятельства.

Коломбо убрали публично, ибо в вину этому «боссу» вменили то, что чересчур был он на виду: любил принимать участие в телепередачах, охотно давал интервью, позировал фотографам. Он явно нарушал правила игры. Создавал тайному обществу (покров над которым к тому времени уже приподнялся: название организации — «коза ностра», «наше дело» — стало известно после сенсационных разоблачений, которые сделал в 1964 году один из членов мафии, Джо Валачи) ненужную рекламу. При том его предупреждали — неоднократно. Но тщетно: он полагал, что, достигнув определенного положения в мафии, может вести себя безнаказанно. Коломбо глубоко заблуждался. Его независимость, активность, неординарность, если хотите, давно раздражала «босса боссов» («капо де тутти капи») дона Карло Гамбино, который стоял тогда у кормила власти.

Потом, когда я получил всю эту информацию, когда вчитался в ученые трактаты и расхожие бестселлеры, посвященные проблеме организованной преступности в США, долго не оставляло чувство ирреальности происходящих в наши дни, неправдоподобных, с точки зрения непосвященного, событий. Гангстерские войны, о которых знал по истории «ревущих 20-х» Америки, вдруг вставали перед глазами в «славные 70-е», время «разрядки» (детанта) и «застоя», время, которое, казалось, так далеко отстояло от автоматных очередей молодчиков знаменитого гангстера Аль Капоне или забытых теперь всеми налетчиков и бандитов, с которыми бились первые работники ЧК и Угро. Все было уж очень странно и необычно. И кто такой Джозеф Коломбо, да и все эти организованные преступники?

Коломбо, сын иммигрантов из Сицилии, родился в 1923-м. А отец его был одним из членов «семьи» (так именуют мафиози свои кланы) известного гангстера Джо Профачи, отца убили (задушили стальной удавкой) едва сыну минуло 14 лет. Джозеф, после службы в армии, работал в порту, преступность в доках процветала. Там он и получил первые уроки насилия. В рядах мафии вознесся неожиданно, словно вынырнул откуда-то. Произошло это в 1961 году, когда мирно, в постели, скончался Профачи. «Семья» покойного оказалась «бесхозной». У «босса боссов» Карло Гамбино было два выбора: присоединить членов клана Профачи к своей «семье» или назначить нового «босса». Вот когда, ко всеобщему удивлению, возникла фигура Коломбо, «тихого человека без претензий», вполне послушного, не имеющего «больших проблем» с полицией — так, пустяки: «курирует» азартные игры, «пасет» карточных шулеров, а официальный бизнес — владелец страховой конторы.

Немногие, даже в мафии, знали, за какие заслуги возвысил вдруг Гамбино Джозефа Коломбо. Связано это было с заговором, да-да — коварной гангстерской интригой, которую замыслил в свое время глава одной из пяти нью-йоркских «семей» мафии — Джозеф Бонанно. Этот «босс» решил возвратить «добрые старые времена» и, ликвидировав коллег по организованной преступности — Карло Гамбино, Томаса Лючезе и Стефано Магаддино (Профачи, как помните, почил в бозе), стать главарем мафии. Убрать соратников Бонанно поручил некоему Джузеппе Малиокко, а тот, в свою очередь отдал приказ Джо Коломбо. Но не лыком шит оказался наш герой: все взвесил прежде — и пришел к 62-летнему дону Гамбино. Большого шума тот решил не поднимать: Бонанно тихо похитили — и даже не прикончили, пригрозили, поговорили по душам, да так, что лихой гангстер принял решение удалиться от дел — уехал в далекую Аризону. А неудачника Малиокко, чтобы не повадно было другим, убрали навечно — мир праху его.

Коломбо постепенно обретал вкус к власти, привыкал к новому своему положению. Получив собственное дело, вошел в азарт — способности имелись. Прибирал к рукам, наводил порядок, консолидировал силы — в общем прыти такой от него Гамбино не ожидал. И решил, что «новичок» может его когда-нибудь «обойти». Последней каплей, переполнившей чашу терпения «босса боссов», явилось создание упоминавшейся Лиги италоамериканцев: эта организация приобрела солидный вес. Помогали видные люди, среди них вездесущий Фрэнк Синатра, чье имя уже много лет связывают в США не только с «индустрией развлечений», но и с мафией (без ущерба, впрочем, для карьеры известного певца и актера). В Лиге увидели возможность «очиститься» от грязных наветов миллионы американцев итальянского происхождения, им надоели расхожие анекдоты о «макаронниках» и газетные сводки о преступлениях мафии. Они с удовольствием вкладывали деньги в движение за защиту своих прав, не смущаясь, что во главе его стоит мафиозо, — ведь не доказал этого никто на все 100 процентов, а не пойман — не вор, как известно: в Америке все то же самое. А Лигу еще и поддержал сам Нельсон Рокфеллер, ладно известный миллионер, но в то время и губернатор штата Нью-Йорк. Дело явно стоющее. Вот и Коломбо печется о чести итальянцев: даже знаменитый фильм «Крестный отец» не смогли снимать в Нью-Йорке без его благословения. Он сказал, что поможет лишь в одном случае: если из всех диалогов в картине уберут слово «мафия» — и ему пошли навстречу. Но все это, однако, как и широко рекламируемое мероприятие Коломбо, выводило-таки мафию под свет прожекторов гласности: вслед за газетными статьями стали появляться ученые исследования и популярные книги о современных (и легендарных) организованных преступниках. И вот они, эти издания — на моем столе. Записки о деятельности мафии, биографии членов подпольного «синдиката», повествования о гангстерах, книги, неизменно пользующиеся популярностью у американцев. На рынок постоянно выбрасывается литература подобного рода, названия говорят сами за себя: «Признания Валачи», «Наследство Аль Капоне», «Багси Сигел, человек, который придумал «трест убийц», «Дон Карло — босс боссов», «Мафия в США», «Мафия в шоу-бизнесе», «Счет в Швейцарии: связи мафии, большого бизнеса, политических деятелей и банков», не говоря о художественных произведениях от знаменитого «Крестного отца» Марио Пьюзо и почти документального «Серпико» Питера Мааса до «Французского связного» Робина Мура. Хроники, эпизоды, папки дел, судебные отчеты, сценарии фильмов — широкий читатель и зритель в Соединенных Штатах приобщен к феномену мафии. «Подвиги» гангстеров стали расхожим товаром.

Появляется — не от хорошей, наверное, жизни — такое явление и в нашем обществе. Все чаще приходится читать в периодике пространные статьи /пока еще не книги/ о подпольных миллионерах и работающих с ними рэкетирах и даже о судебных процессах над некоторыми из них. И относимся мы к этому уже довольно спокойно. А в среде кооператоров, скажем, рэкет и вовсе почти официально признан — без него-де нельзя, с бывшими борцами и боксерами и просто лихими ребятами лучше не связываться: о том говорят первые жертвы и свидетельствуют первые погромы. И идет даже борьба за сферы влияния. И получается вроде, что мафия — атрибут любого общества, твердят ли в нем о «нетрудовых доходах» или о «хорошем бизнесе». Маленькое «утешение» нам, правда, остается: как ни сравнивай — до размаха американских мафиози нашим преступникам куда как далеко... Перенесемся, однако, вновь за океан, закончив пока на этом грустное лирическое отступление. Нигде, пожалуй, как в Нью-Йорке, нет такого соперничества среди «семей», хотя сферы влияния давно поделены и каждый правит в своем царстве. По сию пору — хоть и говорим мы о временах прошедших, о том, что уж доподлинно известно.

В 1959 году банда молодых ретивых мафиози, ходивших под «семьей» Профачи, решила, что доля ее слишком мала, да и вообще «босс» их явно постарел, веяния времени не учитывает — и остаются они в итоге обделенными. Лидерами бунта стали братья Галло, профессиональные убийцы, — Лэрри, Альберт и Джо. Послужной список их был внушительным: достаточно сказать, что они приложили руку к ликвидации самого Анастазиа, почти легендарного мафиозо, речь о котором впереди. А был он ни больше, ни меньше, как одним из организаторов и руководителей ужасного «треста убийц», специального подразделения мафии, ее карательного органа. Братья умело организовали засаду на Анастазиа, которого не без основания боялись и ненавидели все мафиози, но при дележе «наследства» этого матерого гангстера Профачи их обошел, да еще потом всячески поносил и шпынял, раздраженный неуступчивостью и наглостью наемников. В ответ братья Галло похитили четырех подручных Профачи и потребовали за них выкуп. На экстренное совещание пришлось собраться «национальной комиссии», или «совету», в работе которого участвуют члены всех «семей», — их решение является окончательным: людей Профачи пришлось отпустить, но Галло оружие не сложили — боевые действия с переменным успехом продолжались два года.

Когда во главе «семьи» Профачи стал Коломбо, первым делом поспешил он заключить мир с кланом Галло. Он отдал Лэрри и Альберту (Джо пребывал за решеткой — 9 лет получил за рэкет) на откуп часть контролируемой им территории. Все вроде бы уладилось: Альберт Галло оказался весьма покладистым, его брат Лэрри вскоре скончался от рака, и только младший Джо мирную инициативу Коломбо рассматривал как хитрую ловушку. Сам при том планы имел обширные. В тюрьме времени даром не терял — заводил «полезные» знакомства, а, кроме того, как отмечали многие, «всерьез повышал свой культурный уровень»: слушал пластинки с операми Верди, мог цитировать наизусть Камю, хорошо знал произведения Гюго, Кафки, Чехова... и помимо этого усердно изучал историю — особенно итальянского фашизма.

Уже после выхода Галло из тюрьмы в Голливуде сняли фильм «Банда, стреляющая из-за угла»: главный герой картины был очень похож на неистового Джо. Мафиозо сам признал это — позвонил исполнителю роли, актеру Джерри Орбаху, чтобы выразить свое удовлетворение. Потом они даже пообедали вместе в итальянском ресторанчике. Орбах ввел Галло в кинематографическую среду, гангстера стали приглашать на светские вечера — предосудительного в том никто не усматривал. Чтобы понять такое, вряд ли нужно изучать историю Америки: достаточно просто оглянуться по сторонам. Отдельные «темные личности» вполне вписываются (а уж о годах «застоя» и говорить не приходится) в элитарные круги и высшие эшелоны власти.

«Сумасшедший» Джо, впрочем, за культурными развлечениями дела не забывал. К тому же с ним усиленно работал «босс боссов» Карло Гамбино: деятельность Коломбо ему уже стала поперек горла, а амбиции Галло он «вполне понимал». Коломбо вел себя довольно беспечно — вот и поплатился. После покушения, правда, выжил, но от «босса» осталась лишь телесная оболочка: почти не двигался, ничего не соображал, кормили его принудительно. Галло получил за устранение Коломбо около 40 тысяч наличными, да плюс, конечно, «семейные» привилегии. И стало его заносить: хитрая лиса Гамбино спокойно наблюдал за бешеными скачками неуемного мафиозо. Все это уже было на памяти опытного гангстера — с 20-х годов он занимался опасным бизнесом и знал, что почем. На жизнь Галло был заключен (объявлен) «свободный контракт», а это значило, что гонорар получит любой, рискнувший устранить «Сумасшедшего». Галло пристрелили 7 апреля 1972 года, на следующий день как исполнилось ему 43. Произошло все стереотипно и даже буднично (хотя 70-е вроде были на дворе и я ходил по тем же нью-йоркским улицам, где раздавались выстрелы, и события эти воспринимал вовсе не как нечто «бог знает что из-за океана» — скажем, в рубрике «их нравы»). Галло обедал в любимом ресторане с молодой женой и родными. И лишь один был при нем телохранитель. Стреляли сначала в него, а раненый Галло смог еще выбежать на улицу, где и скончался у колес собственного лимузина. Убийцы скрылись. А старики только качали головами: странные времена — не принято было раньше совершать такие дела на глазах у родственников, рушатся традиции — не осталось ничего святого. И лишь немногие заметили, что сделано все было с умыслом: ведь и в Коломбо стреляли в присутствии членов его семьи. Долг платежем красен. В последующие несколько месяцев пристрелили еще 12 бывших подручных Галло — на том и закончили. А когда два года спустя разыскивавшийся по подозрению в убийстве «Сумасшедшего» некто Яковелли сам пришел в полицию, он был отпущен под денежный залог, потом дело прикрыли. И не было в этом для американцев никакой сенсации — попривыкли: чего только не насмотрелись.

Нынешняя «эра», по исчислению мафии, началась 11 сентября 1931 года, когда по всей Америке прокатилась волна убийств крупных мафиози: 48 человек прикончили в один день. И во главе организованной преступности стал Сальваторе (Чарли) Лучиано по кличке «Лаки» («Счастливчик»). Современная структура организованной преступности в США — его детище. Дело за делом, жертва за жертвой создавал себя Лучиано, хладнокровный, рассчетливый, неистребимо верящий в «огромные возможности Америки». Оборванцем ступил он на землю Соединенных Штатов, но любил повторять в 20-е, когда ходил уже в модной шляпе и белом галстуке, что «обожает эту страну», где край обетованный для людей инициативных.

До 1931 года, до знаменитой «сицилийской вечерни», устроенной Лучиано, гангстерский мир находился во власти двух матерых преступников — Джо Массерии по кличке «Босс» и Сальваторе Маранзано по прозвищу «Крошка-Цезарь». Враждовали они друг с другом не один год: подручные их то и дело сводили счеты — трупы убирали десятками. Два итальянца не только боролись за власть и сферы влияния, — выходцы из разных областей Италии, они соперничали за лидерство своих «родовых» кланов. Лучиано считал это глупостью — для него этнических и национальных барьеров не существовало. И давно он высчитал, как выжить в сложившейся ситуации, мешавшей, по его мнению, возникновению «нормальных, рабочих условий», способствующих развитию крупного преступного бизнеса. Втершись в доверие Массерии, Лучиано столковался с Маранзано. Джо «Босс», переживший не одно покушение на свою жизнь, попался на удочку «Счастливчика»: его расстреляли в упор, не дав проглотить очередную порцию спагетти. Маранзано пережил своего заклятого врага лишь на полгода, но за это время успел реорганизовать ряды мафии. Поставив в вину покойному Массерии анархию, бесконтрольные действия, случайные и импульсивные убийства, он организовал гангстеров в «семьи», назначив в каждую «босса», подотчетного ему, позаботился о том, чтобы у всех них были заместители и свои «лейтенанты» и «солдаты». Лучиано это нововведение Маранзано полностью поддерживал. Но самого «Крошку-Цезаря» с его императорскими замашками справедливо считал хозяином коварным и ненадежным. Прикончили «босса боссов» умело, не привлекая итальянцев: расправился с ним Лучиано руками членов еврейских «семей», с помощью своих друзей Меира Лански и Бена Сигела.

Начинались новые времена. Была создана «конфедерация» преступных объединений — «синдикат», в котором на равных существовали различные кланы. Лучиано призвал всех гангстеров впредь воздерживаться от междоусобиц. Отныне вводилась «продуманная система» убийств. Устранять коллегу по мафии позволялось только с общего согласия членов «национальной комиссии»; «солдат», из которых редко кто доживал до 35, рекомендовалось беречь и опекать, не распыляя проверенные кадры, — разрозненные шайки сливались в одну мощную армию головорезов. Своим заместителем Лучиано назначил Вито Дженовезе, «боссами» стали молодые тогда Адонис, Анастазия, Гамбино. Для каждой группировки вводилась своя «специализация»: сам Лучиано курировал проституцию и наркотики, Фрэнк Костелло контролировал азартные игры, Дэнди Кастел — внебиржевые маклерские операции, Джо Адонис обеспечивал правовую защиту членов мафии, отвечал за развитие политических связей, Джейк Гурра и Луис Бучалтер — отношения с профсоюзами, рэкет, транспортные вопросы, Меир Лански и Бен Сигел — «группа поддержки», силовые приемы, межгородские связи, Эбнер Звилман — разнообразные операции в штате Нью-Джерси, Датч Шульц — ресторанный рэкет, контроль Гарлема. Так произошел раздел сфер влияния. И каждый региональный «босс» теперь, напомним, заседал в «совете», каждому гарантировалась неприкосновенность, пока он соблюдал общие интересы

и стоял на страже «законности» в преступном мире.

Впрочем, убийство, как таковое, как неотъемлемый атрибут жизни организованных преступников, никто не отменял, да и не в силах был это сделать. На страхе смерти, неотвратимого наказания замешано братство гангстеров. Да, на убийство теперь нужно было получать индульгенцию «совета», но эта почти бюрократическая процедура не означала и видимости отказа от насилия. Более того, смерть поставили на *конвейер: создали «трест убийц» — все приговоры приводили* в исполнение его члены, профессионалы высшей квалификации. Один из них, некто Эйб Рилз по прозвищу «Малыш-скрути-шею» (любимым его инструментом была удавка), попав в руки полиции решил неожиданно купить себе жизнь чистосердечным признанием — и действительно кое-что успел рассказать: стенографистки исписали за ним 25 блокнотов, каких только подробностей и имен там не было. Рилза постоянно охраняли детективы, и все же в их присутствии «выпал» он из окна и разбился насмерть. И громкое дело в суде так и не материализовалось, лопнуло как мыльный пузырь. А вот Эрни Руполо по кличке «Ястреб», другому «сотруднику треста», повезло больше: 15 лет удавалось ему обманывать судьбу. Лишь в августе 1964 года на один из пляжей Квинса выбросило его тело — железобетонные блоки, к которым оно было привязано, остались на дне океана.

Биография этого гангстера вполне заурядна, как и постигшая его участь. Верой и правдой служил он мафии, считался надежным исполнителем. Сам Вито Дженовезе поручил двум профессионалам (Руполо в том числе) убрать одного из своих подручных, обделенного им при дележе и возроптавшего. После успешно проведенной операции Руполо, по настоянию Дженовезе, должен был устранить и своего напарника. Но тот, получивший три пули, выжил и рассказал все в полиции. Дело получилось нешуточное: Руполо попал за решетку, Дженовезе пришлось бежать в Италию. Руполо оказался припертым к стенке, и он назвал имя свидетеля, который мог бы подтвердить, что инициатива убийства исходила от Дженовезе. «Босса» под конвоем доставили в Соединенные Штаты, но свидетеля, содержавшегося под усиленной охраной, отравили, подсунув ему огромную дозу цианистого калия. И Дженовезе оказался на свободе. А в 1949-м, после трехлетнего заключения, вышел из тюрьмы и Руполо: все газеты писали, что он обречен, что, хоть и обещали ему власти помочь исчезнуть, вряд ли скроется от бывших коллег из «треста убийц». И вот через полтора десятилетия (срока давности в мафии не существует) его настигли.

Из немногих мафиози, решивших в силу тех или иных причин сотрудничать с правосудием, своею смертью в тюремной камере за семью запорами умер лишь Джо Валачи, один из самых, выражаясь языком мафии, «певчих кенеров», разъяснивший изумленной Америке (его показания транслировались по телевидению), что в «государстве демократии без границ» существует такой институт, как организованная преступность, могущественная группа, по масштабу операций уступающая лишь военно-промышленному комплексу. Валачи заговорил не сразу — и только потому, что сам Вито Дженовезе ошибочно посчитал его предателем и удостоил «поцелуя смерти», ритуального знака того, что человек обречен. Валачи знал слишком много и мстил Дженовезе, раскрывая его тайны. Вот лишь один эпизод из жизни этого «босса».

Первая жена Вито скончалась в 1929 году, тогда он был еще рядовым убийцей. Три года спустя уже дону Вито, ближайшему помощнику Лаки Лучиано, приглянулась его дальняя родственница Анна Петилло. Но она была замужем — препятствие для итальянцев, чтущих традиции, существенное. По приказу Дженовезе незадачливого супруга задушили. Рядом нашли труп одного из «солдат» мафии, который случайно оказался свидетелем убийства. Через неделю Дженовезе женился на вдове. Законы мафии суровы, и любому другому такие вольности не сошли бы с рук, но сам Лучиано и вся «национальная комиссия» решили закрыть на это «богоугодное дело» глаза. Новая жена оказалась под стать супругу. Несколько лет спустя произошло невероятное: Анна подала на развод и, более того, раскрыла некоторые темные делишки мужа. И все при этом остались живы. А пока Дженовезе находился в Италии, жена даже руководила кое-каким его бизнесом. Когда вернулся, нашел все в идеальном порядке: в знак благодарности купил ей роскошное поместье с настоящим замком в штате Нью-Джерси: там они провели свой второй медовый месяц. Потом опять начались раздоры, семейные сцены. И по приказу Дженовезе в качестве акта изощренной мести был садистски убит один из менеджеров ночного клуба, делами которого Анна заправляла единолично. По официальной версии, прозвучавшей потом на процессе, где говорил Валачи, который выполнял это задание «босса», бедняга менеджер осмелился стать любовником Анны. А после его убийства супруги опять помирились.

Удивительные вещи происходят в США: из сегодняшних 80-х легко переносишься в «ревущие 20-е», «десятилетие беззакония», как образно озаглавил свою книгу Пол Санн, посвятивший ее страницы началу гангстерской эры. И кажется (да так и есть на самом деле), что ниточка связей, преступных традиций, преемственности никогда не обрывалась, уверенно протянулась во времени и туго натянута была все эти годы. Мафия проникла во все сферы жизни и деятельности американского общества, укоренилась в нем. Организованная преступность теперь в значительной степени даже легализирует свой бизнес, преобразует его на современный манер, все чаще проникает и в политические коридоры власти.

Лишь на заре своей активности гангстеры демонстрировали неумное презрение к установлению связей с правовыми органами, местной администрацией и политическими партиями. Со временем они прозрели. Уже «дикий» Аль Капоне, прибравший к рукам огромный Чикаго, буквально правивший этим городом, чувствовал себя в нем истинным хозяином во многом благодаря тесным контактам с мэрией и тамошними отделениями равно республиканцев и демократов. В каждом американском доме этого преступника знали как «врага общества номер один», а он встречал вместе с именитыми отцами города иностранные делегации, красовался на приемах и величественно принимал заигрывания властей предержащих.

Другой мафиозо, возвысившийся, как и Капоне, во времена бутлегерства, заработавший первые тысячи долларов на «сухом законе» (манне небесной для гангстеров 20-х), Фрэнк Костелло недаром слыл «премьер-министром подпольного мира». Никогда не упускал он случая устанавливать все новые связи, был вхож в самые высокие сферы, прекрасно ориентировался в хитросплетениях политической игры. Именно он, один из верных помощников Лаки Лучиано, вовремя сориентировал мафию на сильную фигуру будущего президента Рузвельта, внес свой вклад в его победу на выборах 1932 года. Хотя Рузвельт, среди прочего, обещал покончить с «сухим законом». Лучиано и Костелло, Дженовезе и Аль Капоне поддерживали его, ибо понимали, что пришло время больших возможностей.

Рузвельта поддержка организованных преступников не удивляла, он и губернатором штата Нью-Йорк стал не без их помощи: голосов они контролировали внушительное количество. Будущий президент знал, что даже соседние с ним номера в отеле «Дрейк», где проходил предвыборный съезд демократов (когда партия называла своего кандидата в Белый дом), занимали видные мафиози. И сторонними наблюдателями гангстеры вовсе не были: они чувствовали приближение «нового курса» и готовились не просто воспринять свежие веяния, но получить долю в разнообразных операциях, суливших очередные баснословные прибыли.

Не все организованные преступники столь гибко реагировали на развитие событий в стране и нововведения Лаки Лучиано и его «синдиката». Среди них наиболее независимыми слыли Джек Даймонд по кличке «Ноги», Винсент Колл по прозвищу «Бешеная собака» и Датч Шульц (Артур Флегенхаймер).

Джек Даймонд был родом из Филадельфии, в Нью-Йорке оказался в 1913-м: воровал, мошенничал, но попадался редко, всегда умело «делал ноги», за что и получил свою кличку. Во времена «сухого закона» вошел в силу, не гнушался ничем — убийства, похищения стали расхожим его бизнесом. Страсть к совершению тяжких преступлений питал патологическую: Лучиано теперь такие люди были не нужны, ведь ими трудно управлять. Даймонда, как и многих, подвела самоуверенность, он вовсе игнорировал решения «совета», жил по старым вольным гангстерским законам, и «трест убийц» принял надлежащие меры.

Другой закоренелый бандит, Винсент Колл, прибыл в Америку из Ирландии. В 17 лет уже побывал за решеткой, в 19 стал работать на Датча Шульца, сопровождать его конвои с партиями виски и пива. В кровавых переделках, сопровож-

давших эти незаконные операции, сумел выдвинуться. Завел собственное дело, с бывшим хозяином, Шульцем, был на ножах, войну они вели вполне серьезно: оба потеряли десятки своих людей. Лучиано пришлось выступить посредником — переговоры шли напряженно. И не прошло и нескольких дней, как Колл нарушил шаткое перемирие: его «гориллы» пытались прикончить одного из «лейтенантов» Датча Шульца. Но тот по случайности уцелел — погиб мальчик, нечаянно оказавшийся рядом, было ранено и четверо других малышей. Дело получило громкую огласку в печати: до каких пор, возмущались американцы, наши дети будут во власти бандитов, стреляющих в кого попало. Лучиано пришел в ярость, его такой оборот дел устраивать не мог.

Колла арестовали, но с помощью юркого адвоката Сэма Лейбовица, охотно оказывавшего услуги видным мафиози, он сумел выпутаться, вышел на свободу, но вести себя стал как сумасшедший. Бизнес его теперь шел из рук вон плохо, «синдикат» поджимал, не хватало наличных. Не придумал ничего более оригинального, как похитить одного из помощников Оуни Мэддена, крупного рэкетира, и потребовать выкуп в 50 тысяч долларов. Выкуп заплатили, но Колла разыскали и прикончили: последние дни он затравленно ждал неминуемого со всех сторон и не расставался с автоматом.

Датч из последних «независимых» был, пожалуй, наиболее смекалистым. Уроженец нью-йоркского Бронкса, он процветал в период бутлегерства, контролировал пивной бизнес. С соперниками расправлялся стремительно и не без выдумки. Да и в деловых способностях отказать ему было нельзя — даже Лучиано признавал это. Шульц первым организовал ресторанный рэкет — ежегодная дань, которую собирали его подручные, составляла 2 миллиона долларов. Он прибирал к рукам и более мелкий бизнес — например, профсоюз мойщиков окон. Не чуждался азартных игр — прибегал даже в этом деле к помощи специалистов в области высшей математики. Образ жизни вел светский, держал собственную конюшню, имя его не сходило со спортивных полос газет, слыл филантропом — охотно помогал беднякам и безработным, на Рождество раздавал продукты и детские игрушки.

В 1933 году за Шульца, однако, крепко взялся активный борец с мафией Томас Дьюи, в то время молодой помощник прокурора, жаждавший сделать карьеру. Ему удалось привлечь гангстера к судебной ответственности за неуплату налогов. Это был один из испытанных (и немногих) приемов на вооружении стражей порядка в противоборстве с мафией — так (не без помощи, впрочем, Лучиано и Лански) посадили Аль Капоне, в котором они видели сильного соперника. Капоне из тюрьмы уже больше не вышел, он скончался там в 1947-м. Шульца такая перспектива не устраивала, и Датч исчез, скрывался полтора года. А Лучиано тем временем прибирал к рукам его территорию и предприятия. Шульц, однако, возник из небытия и даже выиграл судебный процесс, при этом деликатно предложил выплатить в федеральную казну 100 тысяч долларов штрафа. Но это щедрое предложение Дьюи отклонил, он энергично готовил новые материалы. Империя Шульца рушилась, а в Нью-Йорк его вообще не пускали — мэр города Фиорелло Лагардиа грозил арестом: на него, кстати, оказывал давление Джо Адонис, мафиозо, внесший наибольший вклад в избрание покладистого теперь городского головы (мафия всегда пользовалась услугами чиновников, полиции и даже правосудия в междоусобных схватках). Пришлось Шульцу осесть в соседнем с Нью-Йорком штате Нью-Джерси. Но и там не оставлял его Дьюи, ставший следователем по особо важным делам: он стремился завоевать признание американцев бескомпромиссной и эффективной борьбой с гангстеризмом.

Датч Шульц оказался почти в безвыходном положении, бывшие соратники переходили на службу к Лучиано — одного из них (обходя людей из «треста убийц», действовавших только по приказу «совета») ему пришлось убирать собственноручно. Но долго так продолжаться не могло. И Датч это понял. Он предпринял последнее усилие: по его просьбе собралась «национальная комиссия» — и Шульц внес на ее рассмотрение вопрос об убийстве Томаса Дьюи. Датча молча выслушали, но поддержал его лишь Альберт Анастазиа (другие смотрели на Лучиано, а он не произносил ни слова), да и тот предложил тщательную, без лишней спешки, подготовку операции. Лучиано притворился, что согласен с этим вариантом.

Люди Анастазиа изучили все маршруты Дьюи, и «босс» доложил «совету», что убрать следователя не составит труда: человек он пунктуальный и консервативный — появляется почти в одно и то же время в одних и тех же местах. Но Лучиано зря времени не терял и успел со всеми столковаться: он довел до сведения каждого «босса», что, по его мнению, убийство Дьюи было бы ошибкой — это вновь восстановит против мафии всю общественность, ставшую уже забывать о лихих налетах и кровавых буднях 20-х годов.

Отрицательное решение «совета» Шульца просто потрясло. Он потерял самообладание, он возопил, что сам расправится с Дьюи, не считаясь с мнением коллег, проявляющих непонятную мягкотелость... В этот момент Датч Шульц подписал себе смертный приговор. Дело поручили «сотруднику треста» Луису «Лепке» Бучалтеру (Анастазиа, поддерживавшего предложение Шульца, в детали решили не посвящать). Бучалтер подобрал из рядов еврейской мафии двух профессионалов — Лучиано бросил ему: «Пусть с Датчем разделаются свои».

В ресторане Ньюарка Шульца и троих его телохранителей прострочили из автоматов. Но известный гангстер скончался лишь в госпитале. Его последними словами, сказанными жене, были: «Пусть меня оставят в покое». У постели умирающего неотлучно сидели люди Дьюи, следователь надеялся получить информацию. Все газеты писали о последних минутах Шульца, об агонии легендарной личности, представителя исчезнувшего клана «независимых». Так закончились приключения одиночек-авантюристов, гангстеров без страха и упрека, — началась эра Большого бизнеса, времена иных дел мафии.

Дьюи оказался неблагодарным типом: после смерти Шульца он вплотную занялся самим Лучиано, хотя тот, фактически, спас ему жизнь. Следователь подобрал ключи к тайнам «босса боссов». Он столковался с проститутками, кого люди Лучиано третировали и обирали, и эти женщины, не простив обид, дали показания. По почти смехотворному обвинению в сводничестве и сутенерстве Лучиано привлекли к уголовной ответственности. Приговор выразился в неслыханном по такой статье сроке: от 30 до 50 лет тюрьмы... Дьюи знал свое дело, и все-таки лишь 9 лет провел Лучиано за решеткой и контроль над своей империей не утратил. Во время войны оказывал существенные услуги правительству США, его люди пристально следили за работой американских профсоюзов, выявляли вместе с ФБР вражеских агентов, поставляли информацию из Италии. Расчетливый шаг сделал Лучиано, предоставив 75 тысяч долларов (деньги по тем временам немалые) избирательному комитету своего, казалось, кровного врага Томаса Дьюи, баллотировавшегося на пост губернатора. В 1946 году Дьюи подписал распоряжение о его высылке из США как «нежелательного иностранца».

В Италии Лучиано встретили почти как национального героя, а сам он бывших соотечественников презирал и мечтал вернуться. Несколько раз делал это тайно: для встречи с коллегами приезжал во Флориду. Какое-то время обосновался было на Кубе, вложил немалые средства в игорный бизнес, но под давлением США его выслали и оттуда. Так и вершил он все дела в изгнании и не без успеха: создал огромный многонациональный картель по производству и продаже наркотиков, функционирует это страшное предприятие и по сей день, хотя сам «Счастливчик» скончался в 1962-м.

Отправляясь в тюремное заключение, Лучиано передал текущие дела под контроль Вито Дженовезе. Но и тот через год вынужденно оказался в Италии. У кормила власти в «синдикате» встал Фрэнк Костелло, слыл он человеком «порядочным», к насилию прибегал в редких случаях, обожал политическую игру. Поддерживал неплохие отношения с самим президентом, хотя Элеонора Рузвельт его терпеть не могла. Держал себя он скромно и с достоинством, всем «боссам» предоставил большую свободу действий, мелкой опекой не раздражал. Сам очень любил выращивать цветы, делал это профессионально; другое увлечение — бега, там встречал полезных людей, был членом многих респектабельных закрытых клубов.

И Дженовезе в Италии время зря не терял, общался с известными личностями: установив тесные контакты с фашистами, был на короткой ноге с графом Чиано, зятем Муссолини. Оказывал режиму различные услуги. В конце войны Дженовезе быстро сориентировался, примкнул к войскам союзников и показал себя человеком полезным во всех отношениях. Он проворачивал фантастические операции, используя конъ-

юнктуру «черного рынка»: мог достать, что угодно, и торговал даже подержанными танками, не говоря об автомобилях, холодильниках, сигаретах и т. п. Все это было украдено у американской армии — и все шло в ход: возникшей ситуацией опытный мафиозо владел блистательно. И все-таки в 1945-м его арестовали и препроводили в США: неприятности грозили крупные, но свидетелей, готовых было выступить на процессе, как всегда, убрали. И Вито спокойно ходил по улицам Нью-Йорка.

Вообще из тех, кто курировал «трест убийц», лишь один гангстер угодил на электрический стул. Да и то, можно сказать, с позволения «синдиката». Луис «Лепке» («Малыш-Луи», так называла его в детстве мать) Бучалтер, закоренелый убийца, в совершенстве владевший этой профессией, слыл хорошим семьянином, и, как оказалось впоследствии, даже жена его не знала, чем в действительности промышляет кормилец. Родился Лепке в 1897 году в бедной еврейской семье; почувствовав «большие возможности» улицы с юных лет держался с бандитами. Входил в гангстерскую группу Якова Шапиро, основным видом доходов которой был рэкет. Достигнув власти, получал немалые доходы от контроля за профсоюзами, транспортом и даже Голливудом (через сеть рэкетируемых кинотеатров). Сорвался Лепке на «пустяке»: по его приказу в какого-то водителя грузовика, оказавшегося несговорчивым, всадили семнадцать пуль. Концы спрятать не удалось — и Лепке ушел в подполье. Помогал ему Альберт Анастазиа — прятал два года. Но следствие продолжалось, материал на него множился. Лепке стал подряд устранять всех, кто когда-либо имел с ним дело: число жертв этой кампании исчислялось уже десятками — мафии грозили крупные неприятности. Лепке уговорили сдаться властям, обещали помочь, нажать на правоохранительные органы — сам Анастазиа отвез его к директору ФБР Гуверу. Сначала Бучалтер получил 30 лет, но затем организовали еще один процесс, где он обвинялся в целой серии убийств. Казнили Лепке в марте 1944-го. Этот единственный случай давно уже не приводят в США в качестве примера торжества правосудия.

Среди основателей «треста убийц» самой импозантной фигурой был, пожалуй, Бен Сигел по прозвищу «Багси» («Ненормальный»). В 20-е годы Сигел слыл одним из самых лучших профессиональных убийц, часто выступал в роли наемника: гонорары получал немалые. Продвигаться по лестнице власти в системе организованной преступности ему помогало покровительство Лучиано и давняя дружба (с детских лет) с Меиром Лански. Внешне Сигел вовсе был не похож на громилу — скорее на светского дэнди, этакого элегантного красавца.

В 1936 году мафия послала Багси в Голливуд, он должен был осесть в Калифорнии и внедриться в деловые операции «индустрии развлечений». В круг кинематографических королей Багси ввел его старый приятель, известный танцор и актер Джордж Рафт. Сигел в киноколонии стал личностью популярной: на гангстеров в Голливуде в 30-е была своеобразная мода. Сигел дружил со знаменитыми актерами Джеком Бенни, Джорджем Бернсом, Кэри Грантом, был накоротке с кинопромышленником Джеком Уорнером, а многочисленные кинозвезды, среди них роскошная Джин Харлоу, становились его любовницами.

Дела в Калифорнии шли успешно, твердую руку Багси чувствовали и покорялись. В 1941 году Сигел впервые обратил внимание на город развлечений Лас-Вегас, возникший в пустыне штата Невада (от Лос-Анджелеса рукой подать — каких-нибудь несколько часов на машине, а самолетом — мгновение). Багси первый сообразил, какие возможности здесь могут открыться для «синдиката». В Лас-Вегасе по его проекту стали строить роскошный отель и казино под названием «Фламинго». Багси вложил в это дело почти всю свою наличность и деньги коллег: только Меир Лански выложил 3 миллиона. Строительные услуги в послевоенной Америке стоили дорого, но Багси добывал материалы через знакомых голливудских хозяйственников и, когда нужно, всеми правдами и неправдами, не стесняясь и припугнуть при случае. Впрочем, его умудрялись здорово надувать — платил втридорога, спешил. Торжественное открытие еще не вполне законченного «Фламинго» состоялось 26 декабря 1946 года. Но особенно пышной церемонии не получилось — кое-кто из звезд даже игнорировал приглашение: упорно циркулировал слух, что казино наводнено гангстрерами. Туристы стали обходить это заведение стороной. «Фламинго» пришлось временно закрыть, чтобы «закончить отделку». У тех, кто вкладывал деньги, возникла серьезная обеспокоенность, но Сигел к этому относился беспечно. К тому же в разгаре был его роман с некоей Вирджинией Хилл, дамой, обслуживавшей «боссов» мафии, но Сигелу отдававшей особое предпочтение (утверждают, что она тайно обвенчалась с ним в Мексике).

Соответствующая информация о «творимых расточительных для синдиката безобразиях» пошла к Лучиано, который обретался тогда на Кубе, и к Меиру Лански, чья штаб-квартира находилась на Багамских островах, хотя он часто наезжал в Нью-Йорк. «Фламинго» вновь открыли в марте 1947-го, но кредиторы рвали Сигела на части, и Хилл уговаривала бросить все, уехать в Европу и «отлежаться». В Нью-Йорке по этому вопросу собрался «совет»: действия Сигела осудили, финансирование его убыточного предприятия решили прекратить, с Лански Багси разругался в пух и прах. Убили Сигела в шикарном Беверли Хиллз, обители звезд. Профессионал был точен — выбил глаз, изуродовал лицо одного из основателей «треста убийц». Контроль над «Фламинго» мафия сразу взяла в свои руки, заодно прибрали и 600 тысяч долларов наличными, найденные в рабочем кабинете покойного. А казино, спустя несколько лет, превратилось в настоящее золотое дно, фонтан прибыли: яркими огнями переливается и ныне реклама этого престижного в современном Лас-Вегасе заведения.

Полной противоположностью Сигелу был другой его коллега по «тресту» — Альберт Анастазиа. Человек с лицом убийцы, образ жизни он вел замкнутый и страх умел внушать, как никто. Кровожадность Анастазиа не знала границ: он мог часами наблюдать агонию жертвы. Уже в 1920-м, через три года после того, как прибыл в Нью-Йорк из Италии, на его счету были десятки зверских преступлений: пытал особенно изощренно — подвешивал за ребра на крюк, применял электрический ток, да за всей его садистской фантазией и не уследишь. Арестовывали его неоднократно, но лишь раз — за убийство. Приговорили даже к смертной казни, однако адвокаты добились пересмотра дела и нового процесса: а за это время четырех главных свидетелей убрали — и пришлось выпустить Анастазиа на свободу. В годы войны Анастазиа пошел в армию добровольцем: людей с такой репутацией и судимостями не брали, но он буквально купил себе назначение, так хотелось маньяку покрасоваться в военной форме. Помог в этом деле и старый друг — «капо» Джо Адонис. Анастазиа исполнял при нем роль главного палача.

Адонис был фигурой незаурядной. Выходец из Неаполя, он оказался в Нью-Йорке в начале века. Подростком участвовал в кражах, угонял автомобили. В 24 года слыл известным в Бруклине рэкетиром. И вместе с тем лелеял мечту о полицейской карьере. Вот и сделался он в мафии специалистом по «связям с общественными организациями». Его ресторан обожали посещать будущие судьи, мэры, губернаторы, их здесь ублажали, нередко под салфетку подсовывали плотный конверт с долларами. В штате Нью-Йорк был он вхож во все административные инстанции. Мэр Лагардиа называл Адониса «Господином Неуязвимость»: судимости его миновали, а деловые миллионы он делал удивительно легко. Казалось, нескончаем был поток прибылей, начавшийся по-крупному еще в 1932 году, когда сами Лучиано и Костелло были у него на свадьбе свидетелями, а подарки тогда новобрачным привозили грузовиками. В 30-е годы ни одна акция «треста убийц» не обходилась без участия Адониса, и тем не менее он считался респектабельным владельцем трех автомобильных агентств и двух фабрик по изготовлению автоматов для продажи сигарет. И все-таки нашло американское правосудие управу на «босса» Адониса. В 1951-м его обвинили в нелегальном въезде в США: подловили на допросах — легкомысленно заявил он, что родился в Нью-Джерси и назвал точный адрес. Не поленились — проверили: на том месте в 1903-м (в год его появления на свет) жилых строений не значилось. Вот на таком основании, не зная, как еще отделаться от опасного преступника, Адониса и выслали в Италию, произошло это, впрочем, не сразу — в 1956-м. В роскоши и покое в миланской резиденции мирно окончил свои дни этот «сотрудник синдиката». До конца дней не утрачивал он связей с гангстерами и политическими деятелями — людьми деловыми. Это о нем сказал свои знаменитые слова старый друг и соратник, бывший мэр Нью-Йорка, а потом посол США в Мексике Уильям О'Дуайэр: «Неважно, кто этот славный человек, — банкир, торговец или гангстер: слав-

но выглядит, прежде всего, его чековая книжка». Не столь существенно, какими средствами достигала мафия своего могущества, в конечном итоге признавалось за ней не только власть грубой силы, но и неограниченные возможности толстого кошелька. Неисправима Америка... Карло Гамбино, например, в войну нажил миллионы на ворованных талонах на бензин (благо стражи порядка и ФБР донимали тогда не так рьяно), но дело это считалось обычным и в укор ему никогда не ставилось. А Фрэнк Костелло, скажем, упорно отказывался от наркобизнеса, но меньшим преступником от того не становился. Его за это «слюнтяйство» ненавидел лишь Вито Дженовезе. После того, как вышел на свободу, Вито ждал своего часа, рано или поздно пути их должны были скреститься.

Началось все издалека. Некоего Уильяма Моретти, мафиозо, который, кстати, был причастен к началу блестящей карьеры Фрэнка Синатра (имя это справедливо ассоциируется с мафией), связывали с Костелло давние дружеские отношения. Когда настали трудные для него времена — Моретти с трудом отбивался от посягательств правовых органов, изводивших его расследованиями и вызовами в суд, — Костелло принял неудачливого товарища под свое покровительство. И Дженовезе решил на этом сыграть: в среде мафии стали распространяться слухи, что Моретти может заговорить, человек он уступчивый и сильно сдал. И добился своего Дженовезе — «совет» согласился заключить на жизнь Моретти «свободный контракт». Убили его походя, все вроде само собой разумелось,— похоронили, однако, с почетом, с помпой. Костелло понял, что это только первое предупреждение. Но сделал вид — ничего существенного: в конце концов его крепко поддерживали Адонис и Анастазиа, сами относившиеся к возможному возвышению Дженовезе, которого знали как облупленного, с опаской.

Но вот в 1957 году, когда Адониса в США уже не было, Дженовезе решился: на Костелло было совершено покушение. Но «премьер-министру» повезло, отделался легким ранением. Дженовезе сразу же превратил свой дом в крепость, созвал под знамена всех верных людей и ждал ответных действий. Но хитроумный Костелло вызов не принял: он заявил, что уходит на покой, удаляется от дел, собирается все свободное время посвятить любимому цветоводству. Состояние он, слава богу, составил себе большое и теперь хотел лишь тихой старости.

Все настороженно следили за поведением Дженовезе — как поступит он с Костелло? Дженовезе не стал заниматься капитулировавшим коллегой. Свое внимание сосредоточил он на сей раз на единственном оставшемся потенциальном сопернике — Анастазиа. Формально он вменил Анастазиа в вину использование «треста» в личных целях, давно-де не советуется с «боссами», вершит убийства без согласия «синдиката». 25 октября 1957 года Анастазиа, зашедшего в парикмахерскую на 55 улице в Нью-Йорке, прикончили двое профессионалов.

Сломив последний оплот сопротивления, Дженовезе достиг своей цели, стал «боссом боссов». Более 60 человек со всей страны, «капо» пришли к нему на поклон. Но не долго длилось его правление: один из обиженных им сбытчиков наркотиков дал показания — Вито Дженовезе умер в заключении в 1969 году. А Фрэнк Костелло дожил до глубокой старости, скончался, когда ему было 82; цветы, которые продолжал выращивать, неизменно брали призы на выставках.

Никого не осталось в живых из «старой гвардии» мафиози, но «синдикат» продолжает действовать. Поблекли со временем показания Валачи, первым раскрывшего изнутри механизм организованной преступности. Случаются и теперь отдельные победы американской Фемиды на этом фронте. Так в 1983 году полиции удалось завербовать «солдата» мафии Доменико Лофаро. Он попался на незаконных операциях с наркотиками и, дабы избежать тюрьмы, согласился сотрудничать с ФБР. В течение почти трех лет он поставлял информацию, записал даже на микромагнитофон некоторые разговоры, которые вели между собой «боссы». И ясно было одно — «кухня» мафии осталась прежней, и «трест убийц» продолжает функционировать.

В 1987 году перед судом предстали три именитых мафиози — Салерно, Кораллo и Персико, каждый из них получил по 100 (!) лет тюремного заключения, но адвокаты добились включения в приговор хитроумной оговорки, что «боссы» могут быть выпущены на свободу лет через 10 «под честное слово». А чуть позже жюри присяжных оправдало Джона Готти по кличке «Щеголь», другого известного сегодня в подпольном мире мафиозо. Американская пресса, красочно освещавшая оба процесса, и не скрывала, что подобные акции вряд ли заставят «коза ностру» прекратить свою деятельность. Все такое уже было. И что ж с того, что ФБР берет теперь под свое пристальное наблюдение крупные профсоюзы водителей грузовых машин и складских рабочих, а также строительной промышленности, куда давно проникли мазиози? Что ж с того, что раскрыли связи с мафией бывшего министра труда в администрации Рейгана Уильяма Донована, а также одного из руководителей республиканской партии, личного друга прежнего президента Пола Лэксолта, — это лишь эпизоды. Мафия вездесуща, и в то же время вроде нет ее. Интересно, что даже сам столь известный первый директор ФБР г-н Гувер о существовании мафии никогда не говорил (даже после признаний Валачи). Все свое внимание сконцентрировал он на «подрывных элементах» — и не мудрено. И сегодня, продолжая старые традиции, громко афишируя отдельные удачно прошедшие операции по борьбе с организованной преступностью, ФБР, не стесняясь, зачастую само прибегает к услугам гангстеров. Появились в печати сведения о так называемой операции «Худуинк» и проекте «Коинтелпро» — широкой программе совместных действий Федерального бюро расследований и мафии против компартии США, антивоенного, негритянского, студенческого и других демократических движений. И недаром, при такой постановке дел, назвал недавно журнал «Ньюсуик» имена тех сегодняшних «боссов» преступной империи, кто, по мнению журналистов, приведет американскую мафию в XXI век. Лица в «тресте убийц» меняются, реорганизация рядом происходит, но и в будущем, полагают американцы, без этого института Соединенным Штатам не обойтись...

2 февраля 1946 года Чарли «Лаки» Лучиано вышел из ворот тюрьмы Грейт Мэдоу. Его отправляли в изгнание: Нью-Йорк, которым фактически владел, и вся эта страна, где чувствовал себя королем, теперь будут для него закрыты. Но «Счастливчик» поклялся, что, уходя, не уйдет, что вечно пребудет мафия в мире. Так пока и получается — предсказание (проклятие) сбывается. Да и как иначе: корни мафии в структуре общества, питающего ее. Передо мной, читатель, толстенный том «Последней исповеди Лаки Лучиано», увидевшей свет в 1974 году. Незадолго до смерти решил «босс боссов» рассказать историю своей жизни и показать, что мафия бессмертна... Но об этом в другой раз.

ПИСЬМО НА ОФИЦИАЛЬНОМ БЛАНКЕ

Уважаемая редакция!

В 11-ом номере журнала на стр. 38 указано, что издание совместного советско-американского издания «Вновь открытый Шагал» отпечатано в «Московской Экспериментальной типографии». Здесь допущена очевидная ошибка — такой типографии не существует. Указанное издание выпущено Экспериментальной типографией ВНИИ полиграфии, в задачу которой входит выпуск высокохудожественных изданий на основе разработанных институтом технологических процессов.

Желательно устранить эту неточность в названии типографии, искажающую принципиальную направленность ее деятельности.

Директор института
В. А. АБРАМОВ

ДОРОГАЯ КНИГА

Букинистическая торговля в середине 80-х годов испытала на себе все симптомы кризиса. Цены перестали соответствовать спросу, а в результате спектр изданий, представленных на прилавках, делался все более узким и монотонным.

...Слепое следование ценам черного рынка нередко приводило к затовариванию магазинов, особенно многотомными изданиями. Ибо у черного рынка оставался главный козырь — колебание цен в зависимости от спроса. В результате порой возникали парадоксальные ситуации, когда книга на черном рынке стоила дешевле, чем в букинистическом магазине.

В начале июля 1988 года в букинистических магазинах Москвы введена практика назначения «договорных» цен по согласованию с владельцем книги. Согласно правилам, книги принимаются любые до 1985 года издания. Сразу надо сказать, что «договорные» цены в полтора, а то и в два раза выше цен, принятых на черном рынке.

...Несмотря на это, книги и за такую цену хорошо раскупаются. Букинистические магазины стали быстро и легко выполнять и перевыполнять планы, которые им спускаются по принципу «от достигнутого». Но именно поэтому прием у населения книг по «договорной» цене был ограничен одним днем в неделю, а также ограничено общее количество принимаемых книг. Естественно, это привело к накалу страстей среди желающих сдать книги. А главное, в основу эксперимента не были положены новые принципы торговли, которые были бы направлены не на взвинчивание цен, а на их выравнивание.

...Надо также отметить, что введение «договорных» цен на книги только в черте одного города — Москвы — будет способствовать оттоку популярных изданий из других регионов, и это уже происходит сейчас. Поэтому подобную практику надо внедрять повсеместно. И, наконец, если принцип «договорных» цен не будет распространен и на систему «издатель — книжная торговля», то не избежать того, что на букинистические магазины ляжет вся тяжесть книгораспространения. А так как доступ к покупке книг по номинальной цене имеет сравнительно небольшая часть населения, то именно здесь станут накапливаться книги с целью дальнейшей их букинистической перепродажи по более высоким «договорным» ценам.

Поэтому кардинальные меры в области ценообразования, в данном случае на книжную продукцию, надо вводить не только там, где система книгораспространения уже «дала течь», а во всей структуре сразу. И делать это не в порядке эксперимента, а в качестве единственно приемлемой и здоровой меры.

Однако есть у проблемы и другая сторона. Разумеется, законы рынка непреложны, и «договорные» цены в условиях нынешнего книжного дефицита окажутся равно выгодны как для издателей, так и для торговли. А что же читатель? Ведь если книжный бум и пойдет на убыль, то во многом за счет тех покупателей, которым новые цены окажутся просто не по карману. Видимо, выход один: наращивая тиражи популярных изданий, снижать цену на книгу и одновременно насыщать рынок.

Г. ЯКИМОВ («Известия»)

ОТЧЕГО ДРОГНУЛ ЧЕРНЫЙ РЫНОК

Черный рынок наконец дрогнул! Ничто не могло его сокрушить — ни запрещения, ни приводы спекулянтов в милицию, ни сплошные облавы. Впервые за свою нечестную жизнь черный книжный рынок дрогнул не от блюстителей законности, а от маленького экономического новшества.

Книжные магазины стали оказывать маленькую услугу: дескать, выставляйте свою книжку на полку, предлагайте любую цену, а нам за это комиссионных двадцать процентов. Только два условия: не называйте, пожалуйста, бешеных цен — выше, чем на черном рынке, и не приносите совсем свежие книги — не моложе двух лет. В Москве стали это делать 60 магазинов.

Тогда-то и дрогнули «чернокнижники». Не в чужих руках, а в витрине, на полке появились золотые россыпи — книги, о которых люди только слышали. Цены, конечно, тоже были вровень с ценой золота, но с первых же дней стали снижаться. И толпа пугливо озирающихся, знающих литературу людей на Кузнецком мосту впервые уменьшилась — до того, что машины могли свободно ехать, не боясь задавить книголюба.

А потом Кузнецкий мост опять стал непроходимым. Отчего? Да и из-за той же экономики. Вероятно, магазины испугались своих успехов?! Они стали перевыполнять свои планы пострашному и боялись, что начальство станет требовать еще большего усердия. Администратор-дипломат хорошо знает, что для спокойной жизни успехи должны быть ми-ни-мальными. Чтобы потолка не достигать.

Не по этой ли причине «отделы договорных цен» и целые книжные магазины, уже выполнившие планы, заперли свои двери в последний день ноября? В 16-м магазине — в Столешниковом переулке — объявили, что,

дескать, касса сломалась. А когда ее отремонтировали, нашли другую причину: сигнализация сломалась. Вторую причину нашли поздновато, после того, как была исчерпана первая.

По соседству, в 28-м магазине, повесили табличку «Учет». В рано наступившей темноте прохожие видели ярко освещенный магазин, в котором шла, наверное, лекция — продавцы сидели и слушали выступающего. Корреспондент «ЛГ» пытался узнать, что за секретная такая лекция, что ее не должны слышать уши посторонних — то есть покупателей. Но его грубо вытолкали под веселые присказки поднаторевших в перебранках продавщиц. В выполнившем план магазине № 202 на Часовой улице вдруг объявили санитарный день. По соседству со своим штабом — «Москнигой» — в проезде МХАТа 45-й магазин был открыт, но вот «отдел договорных цен» обвивала запретительная веревочка. Как вы думаете, по какой причине? Правильно — «на учет»! А поскольку остальные отделы действовали, то публика с Кузнецкого моста — «чернокнижники» — явилась сюда, весело расселась по подоконникам и с комфортом продолжала делать в тепле то, что она обычно делает на холоде, в опасном для книголюбов месте. А кругом ходили покупатели.

Разок дрогнув, черный рынок снова повеселел...

(«Литературная газета»)

Эти заметки появились в печати в декабре, когда новшество букинистической торговли — продажа книг повышенного спроса по договорным ценам — едва зародившись, начало было угасать.

Обоснованы ли опасения журналистов? Что в действительности тормозит прием на комиссию дефицитной литературы? Каковы перспективы нового дела, если, конечно, его намерены продолжать? На вопросы, волнующие наших читателей, отвечают директор Мосбуккниги С. В. ПУЗАНОВ.

— Корреспонденты предполагают, что букинистов сдерживают планы, установленные «от достигнутого» — потому, мол, они не стремятся к их форсированному перевыполнению, — ответил Станислав Викторович. — Нет, причины другие. Народ просто повалил сдавать книги, и все небогатые магазинные площади очень скоро заполнились. Больше ставить, складывать, втискивать стало некуда. Быстро перенасытился даже магазин № 200, крупнейший в Европе, — за один день он скупил литературы на 35 тысяч рублей. А ведь ее надо реализовать! Кроме того, комиссионная квитанция, разработанная Госкомиздатом, излишне усложнена, заполнять ее очень долгое и хлопотное дело. Вот и приходится магазинам отводить для покупки лишь один-два дня в неделю.

Заметка в «Литературной газете» пустила ядовитую стрелу иронии в работников магазина № 28, закрытого на «Учет». Но там и правда, был учет, плановый, о чем я заранее поставил в известность корреспондента. А вот отдел в 45-м магазине, действительно не имели права закрывать, даже на короткое время. Его директор получил дисциплинарное взыскание. И все же, причин такого едкого сарказма я не уловил. Возможно, не прочел чего-то между строк?

Кому-то может показаться, что соседство с черным рынком не такая уж серьезная неприятность для «государственного» букиниста. Еще какая неприятность! Ведь спекулянт всегда возникал на пути тех, кто нес в магазин свои книги, и непременно предлагал ему цену выше, чем значилось в наших прейскурантах. Договорные цены выбили почву из-под ног «книжных жучков».

А как почва под ногами книголюбов, скажем так, среднего достатка? Кто, к примеру, сможет выложить за Библиотеку мировой литературы для детей тысячу — свою зарплату за несколько месяцев? Но, с другой стороны, кто будет приносить нам литературу по прейскурантным ценам? Я уже сказал, что все, пользующееся особым спросом, утекало на черный рынок. А теперь посмотрите, какие на наших полках книги — глаза разбегаются. Раньше ни мы, ни книголюбы со средним достатком такой роскоши на стеллажах просто не видели. А цена? Цена такая, какую дают. В Венгрии, например, на букинистическую литературу вообще нет ценников.

Кстати, принимая книгу, мы даем рекомендации, за какую цену она реально «пойдет». Девятисотрублевый 12-томник Дюма, между прочим, отстоял положенный ему месяц (далее — по правилам — или уценка, или возвращение владельцу с вычетом двух процентов за услугу), после чего цену снизили до 750, а затем и 650 рублей. Вот тут покупатель и нашелся.

Теперь об очередях. Многие и многие желают последовать примеру тех, кто заключил столь выгодные и при этом совершенно законные сделки... Видим выход в расширении торговых площадей, и можем на это твердо рассчитывать. Летом вернется с «временной квартиры» в реконструированное здание «Метрополя» магазин «Антиквар», причем на площадь в два раза большую, чем прежде. Откроется просторный магазин на Школьной улице, в Последнем переулке (близ Сретенки), еще одна точка на Арбате. Но самое главное, весь Третьяковский проезд отдается букинистам — 2000 метров торговой площади. Хотим назвать его — «Букинистические ряды».

Дело меняется к лучшему. Исторический облик Москвы вызывает сейчас пристальное и тревожное внимание. А лавка букиниста как нельзя лучше вписывается в интерьер старомосковских улиц. Не говорю уже о том, что с января нынешнего года открылись отделы договорных цен еще в сорока магазинах города, а значит, проблема очередей должна решиться.

«Книжные ряды», «развалы»... К особому запаху лавки букиниста, который улавливают чуткие ноздри библиофила, эти, возрождаемые сегодня названия, прибавляют аромат старины. Как хочется, и поскорее, пройтись по таким рядам!

Но аромат ароматом, а проблема проблемой. И эти тысячи метров новых площадей, на которые так рассчитывают московские книжники, не удлинят ли маршрут «продавцов» книг и их потенциальных покупателей? Ведь какой, в сущности, это кустарный — по нашему времени и масштабам — способ: нести оттягивающие руки сумки в магазин, проходить сложную процедуру оформления, а, главное, томиться неопределенностью, зашел ли «твой» покупатель в «Книжные ряды» или мечется в безуспешных поисках между Сретенкой и Школьной улицей.

И вообще, стоит ли загромождать квадратные километры хранилищ томами, которые преспокойно могли бы дожидаться своего часа не выходя из дома. Как? Да продающей и приобретающей сторонам нужно лишь одно — информация друг о друге. Вот ее-то и могут продавать букинисты, взяв на себя роль посредника. Конечно, к экономическому новшеству, которое приветствовала «ЛГ», придется добавить «новшество» техническое — ЭВМ. Но делю, как нам кажется, стоит того.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ИСКУССТВО» ВЫХОДИТ...

И. Дедков «ОБНОВЛЕННОЕ ЗРЕНИЕ»

Книготорги и библиотеки явно ошиблись, прислав так мало заявок на эту книгу — ее тираж составляет всего десять тысяч. Но и их понять можно: наученные горьким опытом, они не спешат заказывать книги критиков и литературоведов, которые образовали завалы в магазинах и на полках библиотек. А как угадаешь истинно талантливую книгу, если в аннотации по традиции монотонно написано: «Книга представляет собой сборник статей известного литературного критика И. Дедкова, чьи интересные работы неизменно оказываются в центре внимания широкой литературно-художественной общественности...» И так далее в том же духе.

А то, что Игорь Дедков не просто «известный литературный критик», но и обладающий даром увлекательно, ярко писать? А то, что своими честными, страстными статьями он одним из первых утверждал в нашей литературе идеи гласности? Разве в аннотации темплана об этом напишешь?!..

У сборника критико-публицистических статей «Обновленное зрение» подзаголовок — «от шестидесятых — к восьмидесятым». «Если есть в этой книге сюжет, — пишет в предисловии автор, — то не явный, не прочерченный, а внутренний, как смена и развитие настроений и мысли. Некоторые из статей разделяют двадцать и более лет. Но я надеюсь, что в них есть связь и перекличка: то, что было дорого многим в 60-е годы, претерпевало разные изменения, но осталось дорогим и сегодня. Может быть, драматизм давних, впервые публикуемых, статей покажется кому-то избыточным, но время было непростое, какие-то иллюзии уже рассеялись, и думалось, что литература, искусство должны последовательнее отстаивать демократические и нравственные принципы социализма, защищать права и достоинства личности. Потребность в таком отстаивании и защите существовала и нарастала. И осознавалась многими именно тогда, внутри того времени, а не позже...»

Остается только пожалеть, что при таком мизерном тираже, книга Дедкова (редактор ее — И. Черникова) — я убеждена — сразу станет дефицитом.

Лев НОВОЖЕНОВ

Диалог с библиотекарем

— Работникам библиотечного фронта наш читательский привет!

— Добрый вечер, добрый вечер, добрый вечер! Заходите, будьте, как дома!

— Вот шел мимо, дай, думаю, зайду, книжку какую-нибудь возьму почитать.

— Что ж, дело хорошее! Какую же книгу вы хотели бы прочесть?

— Что-нибудь про любовь не найдется?

— Найдется, почему не найдется. Например, эта книга про любовь. Очень хорошая книга. И посмотрите, какая толстая! Вам на несколько вечеров хватит.

— А она точно про любовь?

— Можете быть уверены, про нее.

— Только, знаете, мне бы про счастливую любовь. Чтобы, знаете, со взаимностью. А то когда без взаимности, я расстраиваюсь и не могу читать дальше.

— Можете не сомневаться, ■ этом смысле все в полном порядке. Они любят друг друга, очень любят.

— А потом женятся?

— Не беспокойся, женятся, все как полагается.

— Позвольте узнать, ■ сколько ей лет?

— Ей — двадцать один.

— Родители, надеюсь, не возражают против их брака?

— Нет, родители обеими руками «за».

— А ему, позвольте узнать, сколько?

— Погодите, сейчас посмотрю... Ага, вот, на странице 95-й. Ему ровно 24 года. Исполнилось за месяц до свадьбы.

— Рановато, конечно, но ничего. Специальность, надеюсь, имеет хорошую?

— Он еще учится.

— Как — он еще не закончил институт?!

— К сожалению, — да. Но уже перешел на 5-й курс.

— Нет, извините, такую книгу я у вас не возьму.

— Но почему?

— Вот пускай выучится, получит специальность, построит крепкую семью, тогда я готов прочесть за милую душу. А пока нет! Увольте, увольте и увольте!

— Но там в конце...

— Мало ли что в конце! Пока до конца доберешься, весь испереживаешься. А ■ очень впечатлительный. Хочется, чтобы сразу у них все было хорошо. И так до самой последней страницы.

— Да, но боюсь, подобной книги еще не написано...

— Значит, еще пишут... Ничего, я подожду, я терпеливый. Зайду к вам недельки через две-три, мне не к спеху. Может, к тому времени напишут... Ишь, еще института не закончил, а уже туда же — жениться! Эх, молодежь, молодежь! Ну, бывайте здоровы! До встречи!

— До свидания! Может, действительно, напишут...

Леонид АСАНОВ

Жизнь замечательных злодеев

Ясным погожим днем в начале осени 18... года покойная рессорная коляска съехала с накатанного шоссе, устремленного на запад через ...скую губернию и плавно закачалась на ухабах проселочной дороги. В коляске ехал, задумчиво поглядывая по сторонам, второстепенный русский литератор Аркадий Семенович ...в, совсем еще не старый мужчина в светлом чесучовом костюме, лайковых перчатках ■ соломенной шляпе с лентой.

Отправляясь ■ длительное путешествие за границу с целью набраться впечатлений и поправить свое здоровье у европейских докторов, Аркадий Семенович решил по пути сделать крюк и нанести визит своей сестрице, Авдотье Семеновне ...вой, в замужестве ...ской. Похоронив супруга, бригадного генерала, Авдотья Семеновна тихо жила в доставшемся ей за мужем поместье, изо всех сил стараясь свести концы с концами в хозяйстве, расстроенном неумеренными тратами единственного сына своего, Константина, служившего в столице ■ гвардейском ...ском полку.

Восемь лет не видался с сестрицей Аркадий Семенович. Сначала служба, потом литературные его занятия, а пуще прочего крутой характер покойного шурина мешали ему навестить самую близкую свою родственницу.

Можете представить себе, любезный читатель, сколь радостной была эта встреча, сколь бурные восторги изъявила добрейшая Авдотья Семеновна, поблекшие ланиты которой оросились слезами подлинной чувствительности. На ужин Авдотья Семеновна не замедлила пригласить ближайших из соседей и достойнейших из домочадцев.

За обильным угощением Аркадий Семенович постарался предстать перед кружком гостей во всей красе столичного писателя. Он так ■ метал громы и молнии, испепеляя своих литературных недругов, продажных писак, потворщиков самым подлым вкусам, которые в своих сочинениях сыромятным каляканием заменили господствовавший некогда ■ отечественной словесности высокий и изящный слог. О целях своей поездки Аркадий Семенович выражался уклончиво, ■ столоначальник, выдававший ему неделю назад заграничный паспорт, нимало бы удивился, узнав, что о жестокой подагре, на которую жаловался ему отставной коллежский асессор ...в, за столом он не сказал ни слова, но зато дал понять весьма прозрачно, что собирается навестить не только господина Тургенева, но, возможно, ■ самого Герцена, который, как выяснилось ближе к концу ужина, давно уже ждет через Аркадия Семеновича неких важных известий.

Мы не осмелились бы приписать эту, быть может, излишнюю разговорчивость Аркадия Семеновича ни долгому молчанию в дороге; ни

Рис. А. МИТНИКА

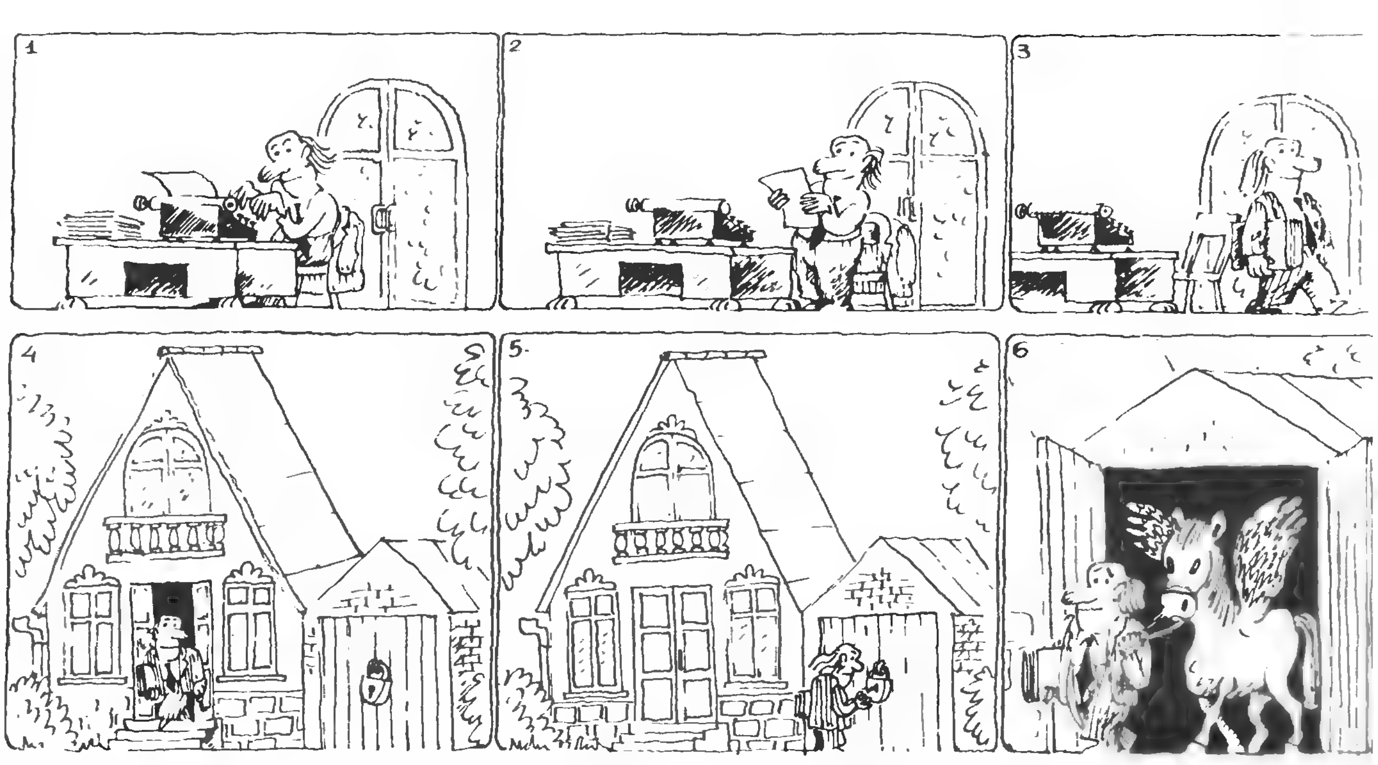

Рис О. ТЕСЛЕРА

бутылке темного стекла, извлеченной ключницей Авдотьи Семеновны из самого дальнего угла обширного погреба. Основной причиной, вызвавшей сей поток красноречия, числить должно серы глазки воспитанницы Авдотьи Семеновны, Вареньки, дочки лучшей подруги неблизкой уже молодости хозяйки поместья. Глазки эти то скромно опускались к нетронутой почти тарелке, то вновь устремлялись на гостя. И ловя этот невинный взгляд, в котором сквозь робость светилось изумление, ■ может быть, и восхищение, Аркадий Семенович разражался пламенной тирадой, или рассказывал недавний анекдот, или даже что поделать, слаб человек! — предлагал краем уха услышанную светскую сплетню, невольно делая вид, что был если не участником скандальозных событий, то, по крайней мере, конфидентом замешанных лиц.

За разговором время пролетело незаметно, ■ была уже глубокая ночь, когда сестрица, перекрестив Аркадия Семеновича на сон грядущий, вручила ему свечу и сказала:

— Почивай с богом, братец. Варенька проведет тебя ■ твою комнату. Ее спаленка как раз напротив.

Варенька, тоже со свечой, проводила Аркадия Семеновича по темной лестнице и, присев, пожелала ему добрых снов.

— И ты спи спокойно, дитя мое, — ответствовал ей ...в, затворил дверь и остался ■ одиночестве.

Он разделся и собирался уже лезть под пуховое одеяло, как вдруг заметил, что спать ему вовсе не хочется. Сначала ему показалось, что в комнате чересчур жарко — однако нет, сестрица говорила, что не начала еще топить. «Это биение крови», — догадался наконец литератор. — «Ах, серые глазки, серые глазки!»

Накинув халат, сидел он в креслах, и, уставив взор в радужное сияние вокруг пламени восковой свечи, предавался мечтам. О чем может мечтать не старый еще мужчина, явно награжденный вниманием прелестного, скромного создания чуть ли не вдвое себя моложе? Мечты его уносились далеко, далеко... Ах, быть бы мне таким молодым, решительным ■ черноусым, как этот несносный Константин (племянник навещал его в Петербурге, старательно выясняя, сколь большую сумму денег может дать ему дядя взаймы без надежды на отдачу). Немного бы времени мне понадобилось, чтобы завоевать это неопытное сердчишко! И скоро, скоро бы румянец и бледность сменяли бы друг друга на ее щеках, как солнце и ненастье в осенний ветреный день!

Постепенно ход мыслей Аркадия Семеновича принял направление соблазнительное. Что будет, если легко покорится ему это робкое существо? Увезти за границу, представить подругою своей и музою (представляли же ему подруг своих и муз товарищи по литературному цеху). Воспитать, придать мыслям ее новейшее направление — ну, допустим, не самое наиновейшее, это было бы уже чересчур, но образовать ее чувствительно, открыть глаза на сегодняшнее положение ■ задачи женщины... Но внезапно словно тень крыла коршуна пала вдруг на ландшафт ласковых мечтаний Аркадия Семеновича. А что если наглый Константин, в прошлые свои приезды, уже обратил дерзкий взгляд на это юное создание? И тогда то, что Аркадий Семенович принял за робость, есть на самом деле чувство вины за давно уже случившееся? А то, что помнилось ему восхищением, сквозившем во взгляде исподлобья, сквозь пушистые ресницы, есть — что же?..

Аркадий Семенович выпрямился в креслах. А вот взять вдруг сейчас свечу, да пойти, да постучаться в дверь напротив? Уж в худшем случае, спросить воды себе на ночь... В лучшем же... Рука сама собою потянулась к медному подсвечнику, но повисла в воздухе.

Не слишком ли долго он тут размышлял? Может быть, она и ждала его, но — уже заснула? ■ вот теперь этот запоздалый и смешной визит заезжего оригинала? ■ полбеды, когда встретит его испуг и недоумение, ■ что если — наглый смешок ■ лицо?

Нет, нет, пожалуй, не стоит. А то еще закричит спросонок, пробудятся слуги, всполошится сестрица... Ай да братец, ай да служитель изящного! Вот и пусти козла ■ огород...

Рука опустилась..

Но, может быть, здесь, совсем рядом, ■ трех саженях от него, она, Варенька, тоже не спит, сидит на постели, расчесывает на ночь русые свои волосы, ■ слух ее жадно ловит каждый звук в немой черноте ночи, и сладко замирает ее сердечко..

Фу ты, что со мною, обольщенный прелестным видением, встряхивает Аркадий Семенович рано облысевшей головой. Воистину, будто враг человеческий, нечистый дух одолевает. Так и искушает: иди да иди!

Но Аркадий Семенович ошибается: это не нечистый дух. Это науськивает его из двадцатого века второстепенный литератор, совсем еще не старый мужчина, работающий в наши дни над популярнейшей биографией А. С. ...ва. «Вставай, иди, старый ты телепень! — шепчет сквозь зубы наш современник. — Шагай, не сомневайся! А то совсем неинтересно получается!»

И прельщает, и искушает его, ■ не дает уснуть... И в конце концов, ничего так и не добившись, махнув рукой на своего героя, отбивает абзац на пишущей машинке ■ без запинки выстукивает:

«Аркадий Семенович взял свечу и крадучись направился к двери».

Записки императрицы

Окончание. Начало в №№ 8—12, 1988 г. и №№ 1—2, 1989 г.

Екатерины Второй

Я устраивалась у одного из окон моей спальни, на правой или на левой стороне, смотря по тому, где не светило солнце; там я читала. Моим чтением в эту минуту был «L'Espion Turk». Я уже несколько лет усвоила себе привычку всегда иметь книгу в кармане, чтобы избавляться от скуки, и как только представлялась удобная минута, я принималась за чтение; это избавило меня от многих скучных минут. Этот «Турецкий шпион» едва не поверг меня в меланхолию; быть может, этому способствовал больше, чем эта книга, тот образ жизни, который нас заставляли вести; но во всяком случае регулярно в течение нескольких месяцев и в определенное время у меня являлось желание плакать и видеть все в черном цвете. Кроме того, у меня была тогда, или мне так казалось, очень слабая грудь; я еще была очень худа; я очень скоро поняла, что это желание плакать без видимой причины происходило или от слабости или от расположения к ипохондрии. Я приписывала это тому ужасному образу жизни, который нас заставляли вести в продолжении восьми месяцев в городе и части лета когда мы бывали в Летнем дворце или же в Петергофе. Вот приблизительно этот образ жизни: я вставала между восемью и девятью часами утра; брала книгу и садилась читать до тех пор, пока не наступало время одеваться; никто, кроме моих женщин, не вступал в мою комнату; самое большее, что я делала, я заходила к великому князю, или он приходил ко мне; я не чувствовала особенного удовольствия в его комнатах, а когда он приходил в мои, это была еще лишняя неприятность — и предпочитала мою книгу; пока меня причесывали, я продолжала читать. В одиннадцать с половиной я была готова; тогда я выходила в мою переднюю, где обыкновенно находились только две-три мои фрейлины и столько же дежурных кавалеров. Скука здесь была не меньшая, ибо по части мужчин императрица в то время с особенною заботливостью старалась заполнить наш двор всем, что она могла откопать наиболее бестолкового, и когда случайно она ошибалась в своем выборе, тотчас же изгонялся тот кривой, который казался королем среди этих слепых. В полдень мы обедали с этой компанией и с Чоглоковыми, которые прилагали всякие старания к тому, чтобы разговор не принял веселого оборота и чтоб он заключал в себе как можно меньше смысла; как только разговор грозил стать интересным, они всегда начинали скучать; в этом отношении великий князь прекрасно им помогал; они втроем тотчас же перебивали беседу или каким-нибудь досадным замечанием, или какой-нибудь грубостью, которая расстраивала всю компанию на все остальное время обеда. После обеда я возвращалась в свою комнату и к моей книге приблизительно до шести часов, время, посвящаемое или прогулке, или развлечениям, но которое я проводила неизменно окруженная пошлой компанией, только что мною описанной. Княжна Гагарина была еще лучшей из всех, но в ней была та неприятная для меня черта, что она не могла воздержаться, чтоб не обратить внимание, как только представлялся к тому

случаи, на скуку и разлад, меня окружавшие, при чем она удивлялась, что я сама не была изведена этим более, чем это ей казалось. Княжна Гагарина страшно любила большой свет, роскошь и город, и ненавидела деревню, которую я предпочитала всякому другому местопребыванию. Около восьми часов вечера нужно было возвращаться к ужину, столь же кислому, как обед, после чего я уходила, и к десяти часам ложилась спать, чтобы снова начать на следующий день тот же образ жизни. В Ораниенбауме у меня было больше свободы, ибо хотя я и тут, как в городе и в Петергофе, не могла выбирать себе общества, но по крайней мере я могла гулять и бегать, когда и сколько хотела. В этом году мы пробыли в Петергофе дольше, чем того желали. Однажды, когда я по обыкновению читала у своего окна, я увидела, как шли мимо граф Кирилл Разумовский и князь Петр Репнин. Я их подозвала к своему окну и поговорила с ними несколько минут. Чоглокова, окна которой выходили в ту же аллею, это заметила и влетела, как фурия, в мою комнату, чтобы меня побранить за то, что я посмела разговаривать с ними из окна; она и их выбранила за то, что они остановились, и сказала, что доложит об этом императрице. Граф Разумовский резко ответил ей, что совсем не понимал, что тут дурного, что они прошли по одной из аллей сада, что разговор между нами был самого невинного свойства и что придраться к нему могут лишь те, которые всюду, где бы они не находились, любят устраивать Тайную канцелярию; после того, чтобы помириться с Чоглоковой, они пошли к ней играть в карты. Я иногда также приходила в ее комнаты, в особенности тогда, когда я надеялась найти там менее скучное общество, и когда знала, что Чоглокова тотчас же смягчалась, когда я к ней приходила, и не слишком смотрела за мной, лишь бы ей можно было играть в карты.

Великий князь подарил мне маленькую черненькую собачку из своих шарло; это было одно из самых смешных животных, которых я когда-либо видела; она была только шести месяцев; ей было совершенно безразлично, ходить ли на двух задних лапках, или пользоваться всеми четырьмя, но она даже охотно пользовалась только двумя; вследствие ли ее сложения, или по другой причине, она также часто ходила боком, чтобы добраться туда, куда ей хотелось. Эта собака была, кроме того, чрезвычайно взбалмошна; вся моя комната полюбила эту собаку, у которой, впрочем, не было еще имени. Один из моих истопников, по любви ли к собакам, или чтобы обратить на себя внимание, особенно к ней привязался; он делал с ней все, что хотел, и мои женщины стали называть ее Ивановой собакой; потом, находя это имя слишком длинным, они называли ее просто Иваном и наконец в насмешку — Иваном Ивановичем, потому что истопник, который за ней ходил, назывался Иваном Ушаковым. Это имя смешило нас и в течение нескольких дней все наперерыв старались как можно чаще произнести имя Ивана Ивановича; с этой собакой, так окрещенной, играли все; она действительно была смешна, как обезьяна. Ей надевали чепчики, мантильи, юбки, и Иван Иванович на все соглашался; мои женщины наряжали ее или шили весь день для Ивана Ивановича новые наряды. Пока эта собака не переступила порога моей комнаты, эта шутка не имела никаких последствий. Из Петергофа мы переехали в Ораниенбаум. В этом году великий князь добился того, чтобы жены наших придворных кавалеров переехали с нами в Ораниенбаум.

Из Петергофа мы поехали в Ораниенбаум. Так мы, и я в числе других, проводили весь день с утра до вечера на охоте. Помнится, в этом году я несколько раз проводила верхом на лошади по тринадцать часов из двадцати четырех. Я страстно любила это занятие и была неутомима. Сильный моцион, который я делала, значительно уменьшал ипохондрию, к которой я чувствовала себя наклонной ежемесячно ко времени известного периода. В этом году, если память мне не изменяет, я видела в Ораниенбауме полное солнечное затмение; были видны звезды в полдень, настолько было темно, и за луной, закрывшей солнце, можно было видеть вокруг нее только ободок светила, диск которого она закрывала. В течение этого года у меня был постоянный и настолько сильный насморк, что я употребляла до дюжины носовых платков в день, при чем меняла их только тогда, когда они были мокры насквозь; когда я сморкалась, я чувствовала, как эта мокрота шла из груди и из моего нутра. К осени мы вернулись в город и остались в этом году до конца октября в новых помещениях, которые построили в Летнем дворце; они были очень неудобны и до крайности плохо расположены. В начале октября я схватила вследствии насморка лихорадку, от которой у меня осталась небольшая скрытая лихорадка, повторявшаяся каждый вечер. Бургав на этот раз счел меня чахоточной; он поспешил достать ослицу и заставил меня каждое утро в шесть часов пить в постели только что сдоенное молоко, после чего я спала еще два-три часа. Это принесло мне пользу и избавило меня и от насморка, и от лихорадки. Я продолжала это лечение очень долго в течение зимы и поправилась. Во время моего нездоровья великий князь стал ухаживать за маленькой горничной-гречанкой, находившейся при мне; она была прелесть как хороша. Это ухаживание происходило в комнате Владиславовой, находившейся рядом с моей; великий князь проводил там весь день и часть ночи, Владиславова зорко за ними следила. Эта привязанность продолжалась недолго и ограничилась лишь нежными взглядами; впоследствии эта девушка была замужем за генерал-майором Мелиссино. Эта интрига великого князя нисколько не мешала той, которая была с принцессой Курляндской. Масленица была в этом году очень веселая. Кадеты снова начали свои представления, и Бекетов все более и более входил в милость императрицы. Чоглокова начинала находить меня очень забавной в Зимнем дворце. Часто после обеда она присылала просить меня прийти к ней; у нее бывал всякий народ и изредка люди приличные. Это меня довольно забавляло, но не всегда; я стала в эту зиму очень весела, так что я часто заставляла плясать и прыгать всех окружавших меня; я также подражала всякого рода птицам и животным, как их крикам, так их поступи и походке; это смешило Чоглокову и иногда заставляло даже улыбаться ее мужа; однако эти случаи были редки. Сознаюсь, что я стала необычайно гримасничать и бесноваться; но ко мне привыкали и бранили меня уже не так часто. Иногда я наполняла одна всю свою комнату шумом, который производила. Граф Гендриков, брат Чоглоковой, бывший в отсутствии в течение года, сказал мне однажды, видя, какой я производила грохот, что у него голова кружилась от одного вида моих скачков; это мне очень понравилось, и в течение нескольких дней повторяла всем эти слова. В эту осень приехал в качестве датского посланника граф Линар, брат того, которого так любила принцесса Анна Брауншвейгская. Ему были поручены переговоры с великим князем относительно обмена Голштинии на графства Ольденбург и Дельменгорст. Граф Бестужев в качестве русского великого канцлера очень желал этого обмена, чтобы устранить это препятствие к союзу между Россией и Данией, интересы коих во многих отношениях совершенно однородны. Граф Бестужев

не отступил перед необычайной любовью, которую питал великий князь к Голштинии, где он родился; он приступил к переговорам и почти добился согласия великого князя. Я поговорю об этом впоследствии.

«ЗАПИСКИ...»

Смерть императрицы Елисаветы повергла в уныние всех русских, но особенно всех добрых патриотов, потому что в ее преемнике видели государя жестокого характера, ограниченного ума, ненавидящего и презирающего русских, не знающего совсем своей страны, неспособного к усидчивому труду, скупого и расточительного, преданного своим прихотям и тем, кто рабски ему льстил. Как только он стал властелином, он предоставил двум-трем фаворитам свои дела и предался всякого рода распутству. Он начал с того, что отнял земли у духовенства, ввел множество довольно бесполезных новшеств, большею частью в войсках; он презирал законы; одним словом, всякое правосудие было предметом торга. Неудовольствие проникло всюду, и дурное мнение, какое имели о нем, привело к тому, что объясняли в дурную сторону и то немногое, что он сделал полезного. Его проекты, более или менее обдуманные, состояли в том, чтобы начать войну с Данией за Шлезвиг, переменить веру, разойтись с женой, жениться на любовнице, вступить в союз с Прусским королем, которого он называл своим господином и которому собирался принести присягу: он хотел дать ему часть своих войск; и он не скрывал почти ни одного из своих проектов. Со времени смерти императрицы, его тетки, делали тайно различные предложения Екатерине, которые она никогда не хотела слушать, постоянно надеясь, что время и обстоятельства изменят что-нибудь в ее несчастном положении, тем более, что она знала без всякого сомнения, что в конце концов вовсе не могли коснуться ее положения или ее особы без величайшего риска. Народ был всецело ей предан и смотрел на нее, как на свою единственную надежду. Образовались различные партии, которые думали помочь бедствиям своей родины; каждая из этих партий обращалась к ней в отдельности и одни совершенно не знали других. Она их выслушивала, не отнимала у них всякой надежды, но просила их всегда подождать, полагая, что дело не дойдет до крайности и считая всякую перемену такого рода несчастием. Она смотрела на свой долг и на свою репутацию, как на сильный оплот против честолюбия; даже эта опасность, которой она подвергалась, была для нее новым блеском, всю цену которого она сознавала. Петр III был неизменной мушкой на очень красивом лице. Поведение Екатерины по отношению к народу было всегда безупречно; она всегда хотела, желала и жаждала лишь счастия этого народа, и вся ее жизнь будет употреблена лишь на то, чтобы доставить русским благо и счастие. Видя однако, что дела идут все хуже, императрица дала знать различным партиям, что пришло время соединиться и подумать о средствах, чему удивительно помогло оскорбление, которое ее супруг нанес ей публично. Поэтому условились, что, как только он вернется с дачи, его арестуют в его комнате и объявят его неспособным царствовать. Действительно, у него голова пошла кругом и, конечно, во всей империи у него не было более лютого врага, чем он сам. Не все были одинакового мнения: одни хотели, чтобы это совершилось в пользу его сына, другие — в пользу его жены. За три дня до намеченного времени нескромные речи одного солдата вызвали арест капитана Пассека, одного из главных участников тайны. Трое братьев Орловых, из которых старший был капитаном артиллерии, немедленно приступили к действиям. Гетман и тайный советник Панин сказали им, что слишком рано; но они по собственному побуждению послали своего второго брата в карете в Петергоф, чтобы привезти императрицу, разбудить которую Алексей Орлов явился в шесть часов утра 28 июня старого стиля. Как только она узнала, что Пассек арестован, и что ради своей собственной безопасности нельзя было терять времени, она встала и поехала в город, при въезде в который встретили ее старший Орлов и князь Барятинский и отвезли в казармы Измайловского полка, где, при ее прибытии, было только 12 человек и один унтер-офицер — и все казалось спокойным; солдаты были все предупреждены, но оставались у себя, а когда они пришли, провозгласили ее самодержавной императрицей. Радость солдат и народа была неописуема. Оттуда ее повезли в Семеновский полк; семеновцы вышли к ней навстречу, прыгая и крича от радости. Сопровождаемая таким образом, она отправилась в Казанскую церковь, куда явились конногвардейцы, неистовствуя от радости; явилась гренадерская рота Преображенского полка: они извинялись в том, что пришли последними, говоря, что их офицеры хотели помешать им отправиться, что иначе они, без сомнения, былы бы первыми. После них прибыла артиллерия и ее фельдцейхмейстер Вильбуа. Так, провожаемая восклицаниями бесчисленной толпы, императрица прибыла в Зимний дворец, где собрались — Синод, Сенат и все сановники. Составили манифест и присягу, и все признали ее государыней. Императрица собрала нечто вроде совета, составленного из гетмана, тайного советника Панина, князя Волконского, генерал-фельдцейхмейстера и нескольких других, на котором было решено отправиться с четырьмя гвардейскими полками, кирасирским полком и четырьмя полками пехоты в Петергоф, чтобы захватить Петра III. На этом совете князь Волконский сказал, что к сожалению вовсе не было легкой кавалерии; только что он успел произнести эти слова, как его вызвал офицер и сказал ему, что полк гусар только что вступил в предместье; во время этого совета прибыл канцлер граф Воронцов от имени низложенного императора, чтобы высказать императрице упреки за ее бегство и потребовать от нее объяснений этого. Она приказала ему войти, и когда он очень серьезно изложил причины, по которым он послан, она ему сказала, что она уведомит его о своем ответе; он вышел в другой комнате все ему стали советовать пойти принести новую присягу. Он сказал, что для того, чтобы облегчить свою совесть, он просит позволений написать письмо, чтобы ответить о результате своей миссии, и что затем он принесет присягу, что ему и разрешили. После него приехали князь Трубецкой и фельдмаршал Александр Шувалов. Они были посланы удержать два первых гвардейских полка, шефами которых они были, и чтобы убить императрицу: они пали к ее ногам и рассказали ей о своей миссии и затем отправились принести присягу. Когда все это было кончено, оставили великого князя и несколько отрядов под ведением Сената для охраны города, а императрица в гвардейском мундире (она объявила себя полковником гвардии) верхом во главе полков — выступила из города. Шли всю ночь и под утро прибыли к небольшому монастырю — в двух верстах от Петергофа, куда князь Голицын, вице канцлер, доставил императрице письмо от бывшего императора, а немного погодя генерал Измайлов — с таким же поручением. Вот что подало к этому повод. Император должен был приехать обедать 28 из Ораниенбаума, где он жил, в Петергоф. Как только он узнал,

что императрица уехала оттуда, он встревожился и послал в город разных лиц; но так как сторожили по распоряжению императрицы все подъездные дороги, то никто не возвращался; он знал, что два полка были в тридцати верстах от города; он послал привести их для своей защиты, но эти полки отправились присоединиться к императрице. В виду этого старый фельдмаршал Миних, генерал Измайлов и несколько других советовали ему, взяв человек двенадцать, или отправиться к армии, или же броситься в Кронштадт; женщины, которых было около него по крайней мере человек тридцать, отсоветовали ему это, под предлогом опасности. Он послушался их и послал в Кронштадт генерала Девьера, которого адмирал Талызин, посланный императрицей, обезоружил, когда этот последний приехал, о чем император не имел никаких сведений; но, протянув свое раздумье до этого вечера, он наконец решил сесть с дамами и остатками своего двора на галеру и две яхты и отправиться в Кронштадт; по прибытии туда он потребовал, чтобы его впустили, но караульный офицер на бастионе у входа в порт отказал ему и пригрозил, что будет стрелять по галере этого принца, хотя в действительности у него не было пороха; услыша это, он приказал повернуть обратно и отправился высадиться в Ораниенбауме, где он лег спать и на следующий день написал эти два вышеупомянутые письма: в первом из них он просил, чтобы ему позволили вернуться в Голштинию со своей любовницей и фаворитами, а во втором — он предлагал отказаться от империи, прося лишь о сохранении ему жизни. Между тем у него было при себе полторы тысячи вооруженных людей голштинского войска, более сотни пушек и несколько русских отрядов. Императрица отослала генерала Измайлова...

Этот, придя к императрице, бросился к ее ногам и сказал ей: «Считаете ли вы меня честным человеком?» Она сказала: «Да». «Ну», возразил он, «считайте, что я ваш; я хочу, если вы мне доверяетесь, избавить мое отечество от большого кровопролития; есть удовольствие быть с умными людьми, я даю вам слово, если вы меня пошлете, что я один доставлю сюда Петра III. Это он и выполнил...

...с письмом, чтобы иметь это отречение. Петр III свободно написал этот акт и затем приехал с генералом Измайловым, своей любовницей и фаворитом Гудовичем в Петергоф, где, чтобы предохранить его от возможности быть растерзанным солдатами, дали ему надежную охрану с четырьмя офицерами, под начальством Алексея Орлова. Пока подготовляли его отъезд в Ропшу, загородный дворец, очень приятный и отнюдь не укрепленный, солдаты стали роптать и говорить, что уже целых три часа, как они не видали императрицу; что, повидимому, князь Трубецкой мирит эту государыню с ее супругом; что ее надо предостеречь, чтобы она не доверялась, что несомненно ее обманули бы, погубили, а также их [вместе с ней]. Как только Екатерине стали известны эти толки, она отправилась к князю Трубецкому и сказала, чтобы он сел в карету и отправился в город, между тем как она пешком будет обходить войска. Как только они ее увидели, крики радости и веселья возобновились. Петра III отправили на место назначения. С наступлением ночи, императрице посоветовали возвратиться в город, потому что двое суток она не спала и почти что не ела, но войска просили ее не покидать их, на что она с удовольствием согласилась, видя их крайне восторженное отношение к ее особе. На полпути три часа отдыхали, и в десять часов утра тридцатого июня старого стиля 1762 императрица верхом, во главе войск и артиллерии, совершила свой въезд в Петербург при неописуемо радостных восклицаниях бесчисленного народа. Никогда нельзя представить себе более прекрасного зрелища. Ее двор ей предшествовал, а войска украсили дубовыми ветками фуражки и шляпы — они затоптали ногами все новые одеяния, какие дал им Петр III. Таким образом с триумфом прибыла она в Летний дворец, где собралось и ожидало ее все, что было знатного или видного. Великий князь вышел к ней навстречу на середину двора. Императрица, как только его увидела, сошла с лошади и поцеловала его. Восклицания не прекращались; отправились в церковь, где был отслужен молебен при громе пушек; весь день крики радости продолжали раздаваться среди народа и не было никаких беспорядков. Императрица легла спать и только что заснула, как поручик Пассек пришел разбудить ее, прося ее встать; потому что усталость, бессонница и вино разгорячили мозги более обыкновенного, а любовь к ее особе возбудила в Измайловском полку опасение за ее безопасность и простодушно они выступили в поход, чтобы прийти защитить ее; когда пришли им сказать, что бояться было нечего и что она спит, они ответили, что в этом отношении они могут и должны верить лишь собственным глазам. Императрица поднялась в два часа ночи и вышла к ним. Как только они ее увидели, раздались крики радости; но серьезным тоном она им сказала, чтобы они пошли и легли и дали бы ей уснуть, и чтобы они верили своим офицерам, коим она им настойчиво советовала повиноваться; они обещали ей это, извиняясь и делая друг другу упреки в том, что дали себя убедить, чтобы таким образом разбудить ее. Они очень спокойно отправились домой, часто оборачивая назад голову, чтобы как можно дольше видеть ее, — NB. в Петербурге летом почти не бывает ночей. В следующие два дня крики радости продолжались непрерывно, но не было ни крайностей, ни беспорядков — дело очень необычное при столь сильных волнениях, Несколько недель спустя вновь появилась тревога за особу императрицы в этих войсках, и несколько вечеров они собирались, чтобы помочь ей, или увидеть ее. Тогда она подписала приказ о том, чтобы они не собирались более, уверяя их, что она сама стоит на страже своей безопасности и что у нее совсем нет врагов. По поводу этого приказа они рассуждали: должно быть, это правда, ибо не враг же она самой себе, чтобы считать себя в безопасности, если бы это было не так. С этого времени все остается в величайшем спокойствии.

«ЧИСТОСЕРДЕЧНАЯ ИСПОВЕДЬ». — Письмо к кн. Потемкину.

Копия. Около 1774.

Марья Чоглокова видя что чрез девять лет обстоятельства остались те же каковы были до свадьбы, и быв от покойной государыни часто бранена, что не старается их переменить, не нашла иного к тому способа, как обеим сторонам сделать предложение чтобы выбрали по своей воле из тех кои она на мысли имела, с одной стороны выбрали вдову Грот, которая ныне за Арт. генер. пору. Миллера, а с другой Сер. Сал. и сего более по видимой его склонности и по уговора мамы, которая в том поставляла великая нужда и надобность. По прошествии двух лет С. С. послали посланником ибо он себя нескромно вел, а Марья Чоглокова у большого двора уже не была в силе его удержать. По прошествии года и великой скорби приехал нынеш-

ний кор. Поль. которого отнюдь не приметили, но добрые люди заставили пустыми подробностями догадаться, что он на свете, что глаза были отменной красоты и что он их обращал, хотя так близорук что далее носа не видит, чаще на одну сторону нежели на другие. Сей был любезен и любим от 1755 до 1761. по тригоднишной отлучке, то есть от 1758 и старательства кн. Гр. Гр. которого паки добрые люди заставили приметить, переменили образ мысли, Сей бы век остался, естьлиб сам не скучал, я сие узнала в самый день его отъезда на конгресс из Села Царского, и просто сделала заключение что о том узнав уже доверки иметь не могу, мысль которая жестоко меня мучила и заставила сделать из дешперации выбор коя какой, во время которого и даже до нынешнего месяца я более грустила нежели сказать могу, и никогда более как тогда когда другие люди бывают довольные и всякие приласканья во мне слезы возбуждала, так что я думаю что от рождения своего я столько не плакала как сии полтора года; с начала я думала что привыкну, но что далее то хуже, ибо с другой стороны месяцы по три дуться стали и признаться надобно, что никогда довольнее не была как когда осердится и в покои оставит, а ласка его мне плакать принуждала. Потом приехал некто богатырь по заслугам своим и по всегдашней ласки прелестен был так, что услыша о его приезде уже говорить стали что ему тут поселиться а того не знали что мы письмецом сюда призвали неприметно его, однако же с таким внутренним намерением чтоб не вовсе слепо по приезде его поступать но разбирать есть ли в нем склонность о которой мне Брюсша сказывала что давно многие подозревали, то есть та, которую я желаю чтобы он имел.

Ну Госп. Богатырь после сей исповеди могу ли я надеяться получить отпущение грехов своих, изволишь видеть что не пятнадцать, но третья доля из них, первого по неволе да четвертого из дешперации, я думала на счет легкомыслия поставить никак не можно, о трех прочих если точно разберешь, Бог видит что не от распутства к которой никакой склонности не имею и если бы я в участь получила смолода мужа которого бы любить могла, я бы вечно к нему не переменилась, беда та что сердце мое не хочет быть ни на час охотно без любви, сказывают такой порок людской покрыть стараются будто сие происходит от добросердечия но статься может что подобная диспозиция сердца более есть порок нежели добродетель, но напрасно я сие к тебе пишу, ибо после того взлюбишь или не захочешь в армию ехать боясь чтоб я тебя позабыла, но право не думаю чтоб такую глупость сделала, а если хочешь на век меня к себе привязать, то покажи мне столько же дружбы, как и любви а наипаче люби и говори правду.

«ЗАВЕЩАНИЕ» — 1792.

Буде я умру в Царском Селе, то положите меня на Софиенской городовой кладбище.

Буде — в городе святого Петра — в Невском монастыре в соборной или погребальной церквы.

Буде — в Пелле, то перевезите водой в Невский монастырь.

Буде — на Москве — в Донской монастырь или на ближной городовой кладбище.

Буде — в ином месте — на ближной кладбище.

Буде — в Петергофе — в Троицко-Сергиевской пустине.

Носить гроб кавалергардом, а не иному кому.

Положить тело мое в белой одежде, на голове венец золотой, на котором означить имя мое.

Носить траур полгода, а не более, а что менее того, то лучше.

После первых шести недель раскрыть паки все народные увеселения.

По погребении разрешить венчание, — брак и музыку.

Вивлиофику мою со всеми манускриптами и что в моих бумагах найдется моей рукою писано, отдаю внуку моему, любезному Александру Павловичу, также резные мои каменья, и благословляю его моим умом и сердцем.

Копию с сего для лучшего исполнения положется и положено в таком верном месте, что чрез долго или коротко нанесет стыд и посрамление неисполнителям сей моей воле.

Мое намерение есть возвести Константина на Престол греческой восточной Империи.

Для блага Империи Российской и Греческой советую отдалить от дел и советов оных Империи Принцев Виртемберхских и с ними знаться как возможно, менее, равномерно отдалить от советов обоих поль немцев.*

* Так в тексте (ред.)

ПОСЛЕСЛОВИЕ

В этом номере заканчивается публикация «Записок императрицы Екатерины II». Книга, вышедшая в 1907-м году в С.-Петербурге, в издательстве А. С. Суворина, из которой мы перепечатывали «Записки...», состоит из нескольких частей: «Записок, начатых 21 апреля 1771 года», «Записок, продолженных в 1791 году», «Собственноручных записок императрицы Екатерины II», «Хронологических заметок» и т. д. (подробнее об этом см. статью в № 8 за 1988 год). На страницах журнала мы опубликовали первые три части «Записок императрицы Екатерины II», а также «Чистосердечную исповедь» Екатерины II кн. Г. Потемкину, «Завещание» Екатерины II и «Записки...», описывающие переворот 1762-го года. Полностью книга должна выйти в 1989 году в издательстве «Советская Россия». В ближайших номерах в рубрике «История в фактах, письмах, документах» читайте отрывки из дневника книгоиздателя А. С. Суворина, фрагменты книг М. И. Пыляева «Старая Москва» и «Старый Петербург», В. В. Шульгина «Дни» и «1920 г.», сборника «Загадка Савинкова» и других изданий, вошедших в Перспективный план выпуска научных трудов, памятников русской общественной мысли и документов прошлого, одобренный коллегией Госкомиздата СССР.

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ИСКУССТВО» ВЫХОДИТ...

ДЖ. ЛИНДСЕЙ «ПОЛЬ СЕЗАНН»

Наконец-то и у нас в стране переведена и скоро выйдет к читателю хорошо известная за рубежом книга популярного английского романиста и исследователя Дж. Линдсея «Поль Сезанн». Издательство приурочило ее выпуск к 150-летию со дня рождения замечательного французского живописца.

Впервые книга Линдсея появилась в Лондоне ровно двадцать лет назад в 1969 году. Хотя это, конечно, не новинка, по мнению специалистов, она и по сей день остается одной из лучших биографий художника.

«Поль Сезанн» — не роман, а беллетризированная биография, начисто лишенная вымысла и строго документированная. Но пусть это не отпугнет читателя-неспециалиста. Линдсей обладает редким даром — быть скрупулезно точным, по-английски педантично точным, и в то же время увлекательным. Рассказ о перипетиях жизни Сезанна, о его творчестве, сложных взаимоотношениях с Э. Золя, импрессионистами, о его любовных увлечениях разворачивается на фоне артистической жизни Парижа второй половины XIX века и на рубеже веков — с его вернисажами, выставками мод, шумными сборищами в кафе и на мансардах Монмартра — словом, на фоне того богемного Парижа, который описан и воспет в сотнях книг. Но здесь он как бы увиден сквозь судьбу одного из его детей — Поля Сезанна.

По своему жанру и манере изложения эта книга идеально вписывается в серию «Жизнь в искусстве», соответствует ее изначальным задачам, несколько забытым и утерянным. Таково мнение редактора книги Евгения Семеновича Штейнера. Действительно, достаточно просмотреть названия книг, вышедших в серии «Жизнь в искусстве» с 1967 года, пролистать некоторые из них и становится ясно, что выбор «героев» книг часто бывал случаен, а художественный уровень исполнения не всегда соответствовал изначальным высоким требованиям. Но то, как компетентно и серьезно подготовлена эта работа (перевод Л. Москвиной, послесловие и комментарии К. Богемской) внушает надежду, что и следующие корифеи искусства будут представлены не хуже, чем Поль Сезанн..

СЮЖЕТЫ ИСТОРИИ

Предлагаем вопросы третьего задания I тура

1. **Л. В. НИКОЛАЕВА** из Москвы:

Об этой картине, гордости Третьяковской галереи, В. Стасов писал, что она «есть первая из всех наших на сюжеты из русской истории. Сила правды, сила историчности, которыми дышит новая картина, поразительна». О какой картине идет речь?

2. **Т. В. КОМАРОВА** из Брянска:

Он имел много псевдонимов: Микел Анджело, Желтоплюш, Фиц-Будл, Соломонс, Толстый обозреватель, мистер Снукс и другие. Назовите имя известного английского писателя и художника XIX века, оставившего после себя более двух тысяч рисунков.

3. **В. Д. ВЛАСЕНКО** из Хабаровска:

Однажды Карлу Брюллову принес свои работы офицер. Знаменитый живописец, посмотрев акварели и рисунки, сказал: «Вам двадцать пять — поздно уже приобретать механизм, технику искусства». Однако благодаря трудолюбию, терпению и твердой воле, этот талантливый человек стал известным художником, прославившим русское реалистическое искусство. Кто он?

4. **Г. А. ВОРОБЬЕВ** из Каменск-Уральского Свердловской области:

По национальности француз родился он в России, в Москве. Окончив гимназию, уехал во Францию, но в память о своей русской родине выбрал псевдоним Каран д'Аш. Назовите настоящее имя этого известного художника-карикатуриста.

5. **И. В. БЛИНОВА** из поселка «Памяти Парижской коммуны» Горьковской области:

Пожалуй, самой известной графической работой советского художника-анималиста стали иллюстрации к книге Киплинга «Маугли». Биолог по образованию, он занимался и научной иллюстрацией и научно-исследовательской работой. О ком идет речь?

6. **О. Н. НАГАЕВА** из Междуреченска Кемеровской области:

В 1812 году Я. П. Кульнев принял командование авангардом и стал первым русским генералом, павшим в сражениях с наполеоновскими войсками. Денис Давыдов называл его «последним чисто русского свойства воином, ...нашей неподвижно-русскою звездою, как звезда Полярная». Ему посвятил стихи Жуковский. Какой русский художник написал картину, посвященную смерти этого генерала?

7. Вопрос авторам вопросов задает постоянный участник нашей викторины **В. Д. ВЛАСЕНКО** из Хабаровска:

В 1885 году И. Репин закончил свою знаменитую картину «Иван Грозный и сын его Иван». Это полотно имело грандиозный успех, и мало кто помнит, что почти на двадцать лет раньше была написана картина о том же драматическом событии: «Иван Грозный у тела убитого сына». Кто автор этой картины?

БУДЬТЕ ТОЧНЫ И ВНИМАТЕЛЬНЫ!

Июнь, июль, август. Подводим итоги задания III тура прошлого года. Уровень, до которого поднимается столбик термометра, как мы замечали и раньше, обратно пропорционален уровню конкурсной почты. Ручеек писем-ответов чуть мелеет в период летних отпусков. Зато те, кто по дороге из туристского бюро в билетные кассы успели заскочить в библиотеку, порадовали нас подробными, обстоятельными ответами.

В июльском номере для игроков наиболее трудным оказался вопрос о русском журналисте и писателе П. Д. Боборыкине, каждое произведение которого, по словам А. В. Луначарского, было очередной главой в «энциклопедии русской жизни». А самым интересным большинство признало вопрос клуба книголюбов «Кругозор» из города Сасово Рязанской области.

Августовское наше задание понравилось всем участникам без исключения. Вот, например, что пишет Л. В. Николаева из Москвы: «Приветствую хорошее начинание — составлять вопросы по публикациям журнала «В мире книг». С удовольствием еще раз их перечитала». И таких писем немало. Как всегда, обстоятельные письма мы получаем от руководителя литературного коллектива «Ретро» объединения искусственных кож Л. А. Галинуровой из Нефтекамска. Она пропагандирует деятельность кружка в местной печати, причем весь авторский гонорар перечисляет на счет строительства центра реабилитации воинов-интернационалистов в Москве.

Вопросы сентябрьской книжки журнала были составлены председателем местного клуба «Что? Где? Когда?» И. В. Блиновой из Горьковской области. Здесь большинство знатоков «споткнулось» на вопросе о том, какая книга стала первой энциклопедией в современном смысле этого слова. Немногие знатоки перед тем, как искать ответ, постарались узнать, а что же такое современная энциклопедия. Напомним, что этот греческий термин происходит от двух слов — «энциклиос паи-де[illegible], обозначающих обучение С У М М Е знаний, известных человечеству. Со временем, — пишет Л. Немировский в известной работе «Мир книги», — так стали называть справочные издания, концентрирующие материал по самым различным отраслям знания. Балл за этот вопрос получили лишь те, кто назвали «Технический лексикон, или Универсальный английский словарь искусств и наук», составленный в 1704 году секретарем Королевского общества математиков Джоном Гаррисом. Именно этот труд первым давал представление о понятиях из самых различных областей знании, а не только из философии, филологии, истории, как было ранее.

Всем авторам вопросов хотим передать напоминание давнего, постоянного участника нашей викторины, В. Г. Воробьева из Каменск-Уральского Свердловской области и Л. Н. Шишигиной из Запорожья о том, что вопрос надо формулировать более четко, дабы исключить разночтения и многовариантность. Итак, будьте точны при составлении вопросов и внимательны при поиске и выборе правильных ответов!

А теперь называем победителей III тура

1. **И. В. БЛИНОВА** из поселка «Памяти Парижской Коммуны» Горьковской области (16 очков). И 5 очков она получает за организацию клуба «Что? Где? Когда?». Об этом мы рассказывали в № [illegible] за 1988 год.

2. **В. Д. ВЛАСЕНКО** из Хабаровска (1[illegible] очков)

3. **С. К. ЖУРИБА** из села Подгорное Пустомытовского района Львовской области (18 очков).

УБИЙСТВЕННЫЙ ФАРЕНГЕЙТ

А. БЕСТЕР

Он не знает, кто из нас я в эти дни, но мы знаем одно: нужно быть самим собой. Жить своей жизнью и умереть своей смертью.

Рисовые поля Парагона-3 простираются на сотни миль, подобно огромной шахматной доске; синяя и коричневая мозаика под огненно-оранжевым небом. По вечерам, словно дым, наплывают облака, шуршит и шепчет рис.

Длинная цепочка людей растянулась по полям в тот вечер, когда мы улетели с Парагона. Они были напряжены, молчаливы, вооружены; ряд угрюмых силуэтов под низким небом. У каждого на руке мерцал видеоэкран. Переговаривались они изредка, кратко, обращаясь сразу ко всем.

— Здесь ничего.

— Где здесь?

— Поля Дженсона.

— Вы слишком уклонились на запад.

— Кто-нибудь проверял участок Гилсона?

— Да. Ничего.

— Она не могла зайти так далеко.

— Думаете, она жива?

Так, перебрасываясь фразами, мрачная линия медленно передвигалась к багрово-дымному садящемуся солнцу. Шаг за шагом, час за часом — цепочка мерцающих в темноте бриллиантов.

— Здесь чисто.

— Ничего здесь.

— Ничего.

— Участок Аллена?

— Проверяем.

— Может, мы ее пропустили?

— У Аллена нет.

— Черт побери! Мы должны найти ее!

— Вот она. Сектор семь.

Линия замерзла. Бриллианты вмерзли в черную жару ночи.

Экраны показывали маленькую фигурку, лежащую в грязной луже. Рядом стоял столб с именем владельца участка: «Вандальер». Мерцающие огоньки превратились в звездное скопление — сотни мужчин собрались у крошечного тела девочки. На ее горле виднелись отпечатки. Невинное лицо было изуродовано, засохшая кровь твердой корочкой хрустела на одежде.

— Мертва, по крайней мере, три часа.

Один мужчина нагнулся и указал на пальцы ребенка. Под ногтями была кожа и капельки яркой крови.

— Почему кровь не засохла?

— Странно.

— Кровь андроида не сворачивается.

— У Вандальера есть андроид.

— Она не могла быть убитой андроидом.

— Это кровь андроида у нее под ногтями.

— Но андроиды не могут убивать. Они так устроены.

— Значит, один андроид устроен неправильно.

Термометр в тот день показывал 92,9° славного Фаренгейта.

И вот мы на борту «Королевы Парагона», направляющейся на Мегастер-5, — Джеймс Вандальер и его андроид. Джеймс Вандальер считал деньги и плакал. Вместе с ним в каюте второго класса находился андроид, великолепное синтетическое создание с классическими чертами лица и большими голубыми глазами. На его лбу рдели буквы СР — это был один из дорогих саморазвивающихся андроидов, стоящий 57 тысяч долларов по текущему курсу. Мы плакали, считали и спокойно наблюдали.

Двенадцать, четырнадцать, шестнадцать сотен долларов. — всхлипывал Вандальер. — И все! Шестнадцать сотен долларов! Мой дом стоил десять тысяч, земля — пять. А еще мебель, машины, картины, самолет — и шестнадцать тысяч долларов! Боже!

Я вскочил из-за стола и повернулся к андроиду. Я взял ремень и начал бить его. Он не шелохнулся.

— Я должен напомнить вам, что стою 57 тысяч, — сказал андроид. — Я должен предупредить вас, что вы подвергаете опасности ценную собственность.

— Ты проклятая сумасшедшая машина! — закричал Вандальер. — Что в тебя вселилось? Почему ты это сделал?

Он продолжал бить андроида.

Рис. Т. КОРНЫШЕВА

— Я должен напомнить вам, — перебил андроид, — что каюты второго класса не имеют звукоизоляции.

Вандальер выронил ремень и так стоял, судорожно дыша, глядя на существо, которым владел.

— Почему ты убил ее? — спросил я.

— Не знаю, — ответил он.

— Началось все с пустяков. Мне следовало догадаться еще тогда. Андроиды не могут портить и разрушать. Они не могут причинять вред. Они...

— У меня нет чувств.

— Потом оскорбление действием... тот инженер на Ригеле. С каждым разом все хуже. С каждым разом нам приходилось убираться все быстрее. Теперь убийство. Что с тобой случилось?

— Не знаю. У меня нет цепи самоконтроля.

— Мы скатываемся ниже и ниже. Взгляни на меня. В каюте второго класса... Я! Джеймс Палсолог Вандальер! Мой отец был богатейшим... А теперь — шестнадцать сотен долларов. И ты. Будь ты проклят!

Вандальер поднял ремень, затем выронил его и распластался на койке. Наконец он взял себя в руки.

— Инструкции.

— Имя: Джеймс Валентин. На Парагоне был один день, пересаживаясь на корабль. Занятие: агент по сдаче в наем частного андроида. Цель визита: постоянное жительство на Мегастере-5.

— Документы.

Андроид достал из чемодана паспорт Вандальера, взял ручку, чернила и сел за стол. Точными верными движениями — искусной рукой, умеющей писать, чертить, гравировать — он методично подделывал документы Вандальера. Их владелец с жалким видом наблюдал за мной.

— О боже, — бормотал я. — Что мне делать? Если бы я мог избавиться от тебя! Если бы только я унаследовал не тебя, а папашину голову!

Низенькая аморальная Даллас Брейди была ведущим ювелиром Мегастера. Она взяла на работу саморазвивающегося андроида и соблазнила его хозяина. Однажды ночью в своей постели она внезапно спросила:

— Твое имя Вандальер, да?

— Да, — вырвалось у меня. Нет! Валентин. Джеймс Валентин.

— Что произошло на Парагоне? — спросила Даллас Брейди. — Я думала, андроиды не могут убивать или причинять вред

— Мое имя Валентин.

— Доказать? Хочешь, вызову полицию? — Она потянулась к телефону

— Ради бога, Даллас! — Вандальер вскочил и вырвал у нее трубку. Она рассмеялась, и он упал и заплакал от стыда и беспомощности.

— Как ты узнала?

— Все газеты полны этим. А Валентин — не так уж далеко от Вандальера. Что случилось на Парагоне?

— Он похитил девочку. Утащил ее в рисовые поля и убил.

— Тебя разыскивают.

— Мы скрываемся уже два года. За два года — семь планет. За два года я потерял на сто тысяч долларов собственности.

— Ты бы лучше выяснил, что с ним стряслось.

— Как?! Прикажешь сказать: «Мой андроид превратился в убийцу, почините его»?.. Сразу вызовут полицию! — Меня начало трясти. — Кто мне будет зарабатывать деньги?

— Работай сам.

— А что я умею? Разве я могу сравниться со специализированными роботами? Всю жизнь меня кормил отец. Проклятье! Перед смертью он разорился и оставил мне одного андроида.

— Продай его и вложи эти пятьдесят тысяч в дело.

— И получать 3 процента? Полторы тысячи в год? Нет, Даллас.

— Но ведь он свихнулся! Что ты будешь делать?

— Ничего... молиться. А вот что ты собираешься делать?

— Молчать. Но мне кое-что нужно взамен.

— Что?

— Андроид должен работать на меня бесплатно.

Сбережения Вандальера начали расти. Когда теплая весна Мегастера перешла в жаркое лето, я стал вкладывать деньги в землю и фермы. Еще несколько лет и мои дела восстановятся, можно будет поселиться здесь постоянно.

В первый жаркий день андроид запел. Он танцевал в мастерской Даллас Брейди, нагреваемой солнцем и электрической плавильной печью, и пел старую мелодию, популярную полвека назад:

Нет хуже врага, чем жара,
Ее не возьмешь на «ура».
Но надо стараться всегда
Помнить, что все ерунда!
И быть холодным и бесстрастным,
Душка...

Он пел необычным, срывающимся голосом, а руки, заведенные за спину, дергались в какой-то странной румбе. Даллас Брейди была удивлена.

— Ты счастлив? — спросила она.

— Я должен напомнить вам, что у меня нет чувств, — ответил я. — Все ерунда! Холодным и бесстрастным, душка...

Андроид схватил железные клещи и сунул их в разверстую пасть горнила, наклоняясь вперед к любимому жару.

— Осторожней, болван! — воскликнула Даллас Брейди. — Хочешь туда свалиться?

— Все ерунда! Все ерунда! — пел я.

Он вытащил из печи клещи с формой, повернулся, безумно заорал и плеснул расплавленным золотом на голову Даллас Брейди. Она вскрикнула и упала, волосы вспыхнули, платье затлело, кожа обуглилась.

Тогда я покинул мастерскую и пришел в отель к Джеймсу Вандальеру. Рваная одежда андроида и судорожно дергающиеся пальцы многое сказали его владельцу.

Вандальер помчался в мастерскую Даллас Брейди, посмотрел и зашатался. У меня едва хватило времени взять один чемодан и девять сотен наличными. Он вылетел на «Королеве Магастера» в каюте третьего класса и взял меня с собой. Он рыдал и считал свои деньги, и я снова бил андроида.

А термометр в мастерской Даллас Брейди показывал 98,1 прекрасного Фаренгейта.

На Лире Альфа мы остановились в небольшом отеле близ университета. Здесь Вандальер аккуратно снял мне верхний слой кожи на лбу вместе с буквами СР. Буквы снова проявятся, но лишь через несколько месяцев, а за это время, надеялся Вандальер, шумиха вокруг саморазвивающегося андроида уляжется. Андроида взяли чернорабочим на завод при университете. Вандальер — Джеймс Венайс — жил на его маленький заработок.

Моими соседями были студенты, тоже испытывающие трудности, но молодые и энергичные. Одна очаровательная девушка по имени Ванда и ее жених Джед Старк сильно интересовались андроидом-убийцей, слухами о котором полнились газеты.

— Мы изучили это дело, — сказали они однажды на случайной вечеринке в комнате Вандальера. — Кажется, нам ясно, что вызывает убийства. Мы собираемся писать реферат. — Они были крайне возбуждены.

— Наверное, болезнь, от которой андроид сошел с ума, что-нибудь наподобие рака, да? — поинтересовался кто-то.

— Нет. — Ванда и Джед торжествующе переглянулись.

— Что же?

— Узнаете из реферата.

— Неужели вы не расскажете? — спросил я напряженно. — Я... Нам хочется знать, что могло произойти с андроидом.

— Нет, мистер Венайс, — твердо заявила Ванда. — Это уникальная идея, и мы не можем позволить, чтобы у нас ее украли.

— Не дадите даже намека?

— Нет. Ни слова, Джед. Скажу вам только одно, мистер Венайс: я не завидую владельцу андроида.

— Вы имеете в виду полицию? — спросил я.

— Я имею в виду угрозу заражения, мистер Венайс. Заражения! Вот в чем опасность... Но я и так сказала слишком много

Я услышал шаги снаружи и хриплый голос, мягко выводящий:

— Холодным и бесстрастным, душка...

Мой андроид вошел в комнату, вернувшись домой с работы. Я жестом приказал ему подойти, и я немедленно повиновался, обнося гостей пивом. Его ловкие пальцы дергались в какой-то слышимой лишь ему румбе.

Андроиды не были редкостью в университете. Студенты побогаче покупали их вместе с машинами и самолетами. Но юная Ванда была остроглазой и сообразительной. Она заметила мой пораненный лоб. После вечеринки, подымаясь в свою комнату, она посоветовалась со Старком.

— Джед, почему у этого андроида поврежден лоб?

— Возможно, ударился. Он ведь работает на заводе.

— Это очень удобный шрам.

— Для чего?

— Допустим, там были буквы СР.

— Саморазвивающийся? Тогда какого черта Венайс скрывает это? Он мог бы заработать... О-о! Ты думаешь?..

Ванда кивнула.

Боже! — Старк поджал губы. — Что нам делать? Вызвать полицию?

— У нас нет уверенности. Сперва надо убедиться — сфотографировать его в рентгеновских лучах. Завтра мы пойдем на завод.

Они проникли на завод — гигантский подвал глубоко под землей. Было жарко и трудно дышать — так нагревали воздух печи. За гулом пламени они услышали странный голос, вопящий на старый мотив: — Все ерунда! Все ерунда!

И увидели мечущуюся фигуру, неистово танцующую в такт музыке. Ноги прыгали. Руки дергались. Пальцы корчились. Джед Старк поднял камеру и стал снимать. Затем Ванда вскрикнула, потому что я увидел их и схватил блестящий стальной рельс. Он разбил камеру. Он свалил девушку, а потом юношу. Андроид подтащил их к печи и медленно, смакуя, скормил их пламени. Он танцевал и пел. Потом я вернулся в отель.

Термометр на заводе показывал 100,9° чудесного Фаренгейта. Все ерунда! Все ерунда!

Чтобы заплатить за проезд на «Королеве Лиры», Вандальеру и андроиду пришлось выполнять на корабле подсобные работы. В часы ночного бдения Вандальер сидел в грязной каморке с портфелем на коленях, усиленно пялясь на его содержимое. Портфель — это единственное, что он смог увезти с Лиры. Он украл его из комнаты Ванды. На портфеле была пометка «Андроид», там хранился секрет моей болезни.

И в нем не было ничего, кроме газет. Кипы газет со всей галактики. «Знамя Ригеля», «Парагонский вестник», «Интеллигент Леланда», «Мегастерские новости»... Все ерунда! Все ерунда!

В каждой газете было сообщение об одном из преступлений андроида. Кроме того, печатались известия, спортивная информация, прогнозы погоды, лотерейные таблицы, курсы валют, скетчи, загадки, кроссворды. Где-то во всем этом хаосе таился секрет, скрываемый Вандой и Джедом Старком.

— Я продам тебя! — сказал я, устало опуская газеты. — Будь ты проклят! Когда мы прилетим на Землю, я продам тебя.

— Я стою 57 тысяч долларов, — напомнил я.

— А если я не сумею тебя продать, то выдам полиции, — решил я.

— Я ценная собственность, — ответил я. — Иногда очень хорошо быть собственностью, — немного помолчав, добавил андроид.

Было 3° мороза, когда приземлилась «Королева Лиры». Снег сплошной черной стеной валил на поле и испарялся под хвостовыми двигателями корабля. У Вандальера и андроида не хватило денег на автобус до Лондона. Они пошли пешком.

К полуночи путники достигли Пикадилли. Декабрьская снежная буря не утихла, и статуя Эроса покрылась ледяными инкрустациями. Они повернули направо, спустились до Трафальгарской площади и пошли к Сохо, дрожа от холода и сырости. На Флитстирт Вандальер увидел одинокую фигуру.

— Нам нужны деньги, — зашептал он андроиду, указывая на приближающегося человека. — У него они есть. Забери.

— Приказ не может быть исполнен, — сказал андроид.

— Забери их у него, — повторил Вандальер. — Силой! Ты понял?

— Это противоречит моей программе, — возразил я. — Нельзя подвергать опасности жизнь или ценное имущество.

— Ради бога! — взорвался Вандальер. — Ты нападал, разрушал, убивал. А теперь мелешь какую-то чушь о программе! Забери деньги. Убей, если надо!

— Приказ не может быть выполнен, — повторил андроид.

Я отбросил андроида в сторону и прыгнул к незнакомцу. Он был высок, стар, мудр, с ясным и спокойным лицом. У него была трость. Я увидел, что он слеп.

— Да, — произнес он. — Я слышу, здесь кто-то есть.

— Сэр, — замялся Вандальер, — у меня отчаянное положение.

Общая беда, — ответил незнакомец. — У нас у всех отчаянное положение... Вы попрошайничаете или крадете?

Невидящие глаза смотрели сквозь Вандальера и андроида.

— Я готов ко всему.

- Это история нашего народа. — Незнакомец указал назад. — Я попрошайничал у собора Святого Павла, мой друг. То, что нужно мне, украсть нельзя. А чего желаете вы, счастливец, если можете украсть?

— Денег, — сказал Вандальер.

— Денег для чего? Не опасайтесь, мой друг, обменяемся признаниями. Я скажу вам, чего прошу, если вы скажете мне, зачем крадете. Меня зовут Бленхейм.

— Меня зовут.. Воул.

— Я просил не золота, мистер Воул. Я просил число.

— Число?

— Да. Числа рациональные и иррациональные. Числа воображаемые, дробные, положительные и отрицательные. Вы никогда не слышали о бессмертном трактате Бленхейма «Двадцать нулей или отсутствие количества»? — Бленхейм горько улыбнулся. — Я царь цифр. Но за пятьдесят лет очарование стерлость, исследования приелись, аппетит пропал. Господи, прошу тебя, если ты существуешь, ниспошли мне число.

Вандальер медленно поднял свой портфель и коснулся им руки Бленхейма.

— Здесь, — произнес он,— спрятано число, тайное число. Число одного преступления. Меняемся, мистер Бленхейм? Число за убежище?

— Ни попрошайничества, ни воровства, да? — прошептал Бленхейм. — Сделка. Возможно, Всемогущий не бог, а купец... Идем.

На верхнем этаже дома Бленхейма мы делили комнату — две кровати, два стола, два шкафа, одна ванная. Вандальер снова поранил мой лоб и послал искать работу, а пока андроид зарабатывал деньги, я читал Бленхейму газеты из портфеля одну за другой. Все ерунда! Все ерунда!

Вандальер мало что открыл о себе. Он студент, сказал я, пишущий курсовую по андроиду-убийце. В собранных газетах содержатся факты, которые должны объяснить преступления. Должно быть число, сочетание, что-то указывающее на причину... И Бленхейм попался на крючок человеческого интереса к тайне.

Я читал вслух, он записывал крупным прыгающим почерком. Бленхейм классифицировал газеты по типу, по шрифту, по направлениям, стилю, темам, фотографиям, формату... Он анализировал. Он сравнивал. А мы жили вдвоем на верхнем этаже, растерявшиеся, удерживаемые страхом, ненавистью между нами. Как лезвие, вошедшее в живое дерево и расщепившее ствол лишь для того, чтобы навечно остаться в раненом теле, мы жили вместе. Вандальер и андроид.

Однажды Бленхейм позвал Вандальера в свой кабинет.

— Думаю, что я нашел, — промолвил он. — Но не могу понять. Сердце Вандальера подпрыгнуло.

— Вот выкладки, — продолжал Бленхейм. — В газетах есть сводки погоды. Все преступления были совершены при температуре выше 90° по Фаренгейту.

— Но это невозможно! — воскликнул Вандальер. — На Лире Альфа было холодно!

— У нас нет газеты с описанием преступления на Лире Альфа.

— Нет. Верно. Я... — Вандальер смутился. Вдруг он крикнул: — Вы правы! Конечно! Плавильная печь... Но почему?

Почему?!

В этот момент вошел я. И застыл, ожидая команды, готовый услужить.

— А вот и андроид, — произнес Бленхейм после долгого молчания.

— Да, — ответил Вандальер, никак не придя в себя после открытия. — Теперь ясно, почему он отказался напасть на вас тем вечером. Слишком холодно.

Он посмотрел на андроида, передавая лунатичную команду. Он отказался. Подвергать жизнь опасности запрещено. Вандальер отчаянно схватил Бленхейма за плечи и повалил вместе с креслом на пол. Бленхейм закричал.

— Найди оружие, — приказал Вандальер.

Я достал из стола револьвер и протянул его Вандальеру. Я взял его, приставил дуло к груди Бленхейма и нажал курок.

У нас было три часа до возвращения прислуги. Мы взяли деньги и драгоценности Бленхейма, его записки и упаковали чемоданы одеждой. Мы подожгли дом. Нет, это сделал я сам. Андроид отказался. Мне запрещено подвергать опасности жизнь или имущество. Все ерунда!..

Табличка в окне гласила: «Нан Уэбб, психометрический консультант». Андроид с портфелем остался в фойе, а Вандальер прошел в кабинет.

Высокая женщина с бесстрастным лицом деловито кивнула Вандальеру, запечатала конверт и подняла голову.

— Мое имя Вандерблит, — сказал я. — Джейли Вандерблит. Учусь в лондонском университете.

— Так.

— Я провожу исследования по андроиду-убийце. Мне кажется, я напал на след, и хочу услышать ваше мнение. Сколько это будет стоить?

— В каком колледже вы учитесь?

— А что?

— Для студентов скидка.

— В колледже Мертона.

— Два фунта, пожалуйста.

Вандальер положил на стол два фунта и добавил к ним записки Бленхейма.

— Существует связь между поведением андроида и погодой. Все преступления совершались, когда температура поднималась выше 90° по Фаренгейту. Может ли психометрия дать этому объяснение?

Нан Уэбб кивнула, просмотрела записки и произнесла:

— Безусловно, синестезия.

— Что?

— Синестезия, — повторила она. — Когда чувство, мистер Вандерблит, воспроизводится в формах восприятия не того органа, который был раздражен. Например, раздражение звуком вызывает одновременно ощущение определенного цвета. Или световой раздражитель вызывает ощущение вкуса. Может произойти перемешивание или закоротка сигналов вкуса, запаха, боли, давления и т. д. Понимаете?

— Кажется, да.

— Вы обнаружили факт, что андроид реагирует на температурный раздражитель выше 90° синестетически. Возможно, есть связь между температурой и его аналогом адреналина.

— Тогда если держать андроида в холоде...

— Не будет ни раздражителя, ни реакции.

— Ясно. А есть ли опасность заражения? Может ли это перекинуться на владельца андроида?

— Очень любопытно... Опасность заражения заключается в опасности поверить в его возможность... Если вы общаетесь с сумасшедшими, то можете, в конечном счете, перенять их болезнь... Что, безусловно, случилось с вами, мистер Вандальер.

Вандальер вскочил на ноги.

— Вы осел, — сухо продолжала Нан Уэбб. Она махнула рукой в сторону бумаг, лежащих на столе. — Это почерк Бленхейма. Каждому английскому студенту известны его слепые каракули. В лондонском университете нет колледжа Мертона. Он в Оксфорде. А с вами... я даже не знаю, вызывать ли полицию или госпиталь для душевнобольных.

Я вытащил револьвер и застрелил ее.

Все ерунда!

— Антарес-2, Альфа Эрика, Поллукс-9, Ригель Центравра, — говорил Вандальер, — Все они холодны. Средняя температура 40°. Мы живем! Осторожней на повороте.

Саморазвивающийся андроид уверенной рукой держал руль и машина мягко неслась по автостраде под холодным серым небом Англии. Высоко над головой завис одинокий вертолет.

Внезапно сверху донесся оглушающий рев:

— Внимание, Джеймс Вандальер и андроид!

Вандальер вздрогнул и посмотрел вверх. Из брюха вертолета вырывались мощные звуки.

— Вы окружены. Дорога блокирована. Немедленно остановите машину и подчинитесь аресту.

— Я должен подчиниться... — начал андроид.

— Прочь! — Вандальер оттолкнул андроида и вцепился в руль. Визжа тормозами, машина съехала в поле и помчалась по замерзшей грязи, подминая кустарник, к виднеющемуся в пяти милях параллельному шоссе.

— Внимание! Джеймс Вандальер и андроид. Вы обязаны подчиниться аресту. Это приказ.

— Не подчинимся! — дико взвыл Вандальер.

— Нет! — судорожно шептал я. — Мы еще победим их. Мы победим жару. Мы...

— Должен вам напомнить, — произнес я, — что мне необходимо выполнять приказ, отменяющий все частные команды.

— Пусть покажут документы, дающие им право приказывать! А может, они жулики! — выкрикнул Вандальер. Правой рукой он полез за револьвером. Левая рука дрогнула, машина перевернулась.

Мотор ревел, колеса визжали. Вандальер выбрался и вытащил андроида.

Вандальер и андроид отчаянно продирались сквозь кустарник к параллельному шоссе, к спасению. Температура падала, холодный северный ветер пронизывал до костей.

Издалека донесся приглушенный взрыв. Взорвался бак машины, в небо взметнулся фонтан огня. Раздуваемый ветром фонтан превратился в десятифутовую стену, с яростным треском пожиравшую растительность.

— Скорей! — Я вскрикнул и рванулся вперед. Он потащил меня за собой, пока их ноги не заскользили по ледяной поверхности замерзшего болота. Внезапно лед треснул, и они оказались в ошеломляюще холодной воде.

— Они не найдут, — зашептал Вандальер. — Сиди тихо. Это приказ. Они не найдут нас. Мы победим пожар. Мы...

Три отчетливых выстрела раздались меньше, чем в ста футах от беженцев. Это огонь добрался до потерянного оружия и взорвал три оставшихся патрона. Преследователи повернули и пошли прямо на нас. Вандальер страшно ругался, что-то истерически выкрикивал и все нырял в грязь, пытаясь уберечься от невыносимого жара. Андроид начал дергаться.

— Все ерунда! Все ерунда! — кричал он. — Будь холодным и бесстрастным!

— Будь ты проклят! — кричал я.

И тут живые языки пламени заворожили его: он танцевал в безумной румбе перед стеной огня. Его ноги дергались. Его руки дергались. Его пальцы дергались. Нелепая копошащаяся фигура, темный силуэт на фоне ослепительного сияния.

Преследователи закричали. Раздались выстрелы. Андроид дважды повернулся кругом и вновь продолжил свой кошмарный танец. Резкий порыв ветра кинул пламя вперед, и оно на миг приняло пляшущую фигурку в свои объятья; затем огонь отошел, оставив за собой булькающую массу синтетической плоти и крови, которая никогда не свернется.

Термометр показал бы 1200° божественного Фаренгейта.

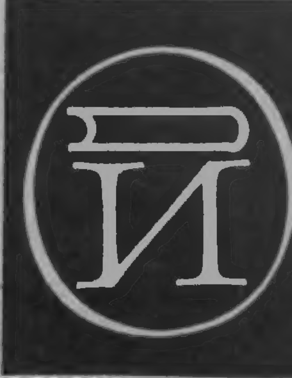
* * *

Вандальер не погиб. Я спасся. Они упустили его, пока наблюдали за смертью андроида. Но я не знаю, кто из нас он. Заражение, предупреждала Ванда. Заражение, говорила Нан Уэбб. Если вы живете с сумасшедшим андроидом достаточно долго, я тоже стану сумасшедшим.

Но мы знаем одно — они ошибались. Робот и Вандальер знают это потому, что новый робот тоже дергается. Ерунда! Здесь, на студеном Поллуксе робот танцует и поет. Холодно, но мои пальцы пляшут; холодно, но он увел маленькую Талли на прогулку в лес. Примитив, сервомеханизм... все, что я мог себе позволить... Но он дергается и воет, и гуляет где-то с девочкой, и я не могу их найти. Вандальер меня быстро не найдет, а потом будет поздно. Термометр показывает 0° убийственного Фаренгейта.

Перевод с английского Владимира БАКАНОВА

В ИЗДАТЕЛЬСТВЕ «ИСКУССТВО» ВЫХОДИТ...

М. ЖВАНЕЦКИЙ «ГОД ЗА ДВА»

Книгу эту можно перечитывать бесконечно, даже если многие тексты из нее давно уже знаешь наизусть.

Например, этот: «Богатая у нас страна, много всего, и ничего не жалко. Но главное наше богатство — люди!..»

Или, этот: «И что смешно — министр мясной и молочной промышленности есть и очень хорошо выглядит...»

Или: «Здесь хорошо там, где нас нет. Здесь, где нас нет, творятся героические дела и живут удивительные люди...»

Читаешь первые строки миниатюр, и уже улыбаешься, потому что видишь Жванецкого. А Жванецкий, как сказал в предисловии к книге Андрей Битов, — «это уже не человек, и не текст, и даже не сама наша действительность. Жванецкий — это наиболее естественное отношение к этой действительности. Это взгляд, это жест, это интонация...» Битов прекрасно объяснил и необходимость этой книги. Во-первых, потому что «спасение национального юмора заслуга не меньшая, чем спасение водоема», и во-вторых, поскольку устное слово Жванецкого нуждается в письменном: «Артист под маской писателя или писатель под маской артиста? Чтобы вычислить это, нужна книга. Вот эта».

А книга эта — самое полное на данный момент собрание сочинений Жванецкого. В двадцать печатных листов. Причем сам автор, как рассказала мне редактор сборника Л. Гамазова, показал себя чрезвычайно требовательным к своим текстам, сам себя нещадно редактируя и сокращая. Иллюстрации к ней сделал замечательный грузинский художник-мультипликатор Резо Габриадзе.

Конечно, одно дело — слушать Жванецкого, совсем другое — читать его. Но не скажу, что во втором случае Жванецкий проигрывает. А когда он выступает прежде всего как тонкий пронзительный лирик, даже наоборот — выигрывает. Я подумала об этом, читая такую миниатюру:

«Итóго: справки, фотографии, протоколы, полисы, старые учебники, запыленная лампа и письменный стол. С трудом добытая тишина и сиплые настольные часы с беспорядочным боем. Бутылки, бутылки, баночки. В пачке писем слова: «Получил твое письмо, спешу ответить, у меня ничего интересного...» И аптечка уже не домашняя, а районная. Фонари с севшими батареями, два одеяла, термос, не удерживающий, стиранные полиэтиленовые пакеты, нейлоновая безрукавка, навсегда завязанный галстук, пластиковые носки, мухобойка, два загранфлакона, анкеты, типовая биография, часы «Победа», банка консервов с истекшим сроком действия, пачки фотографий и рецепты, рецепты, рецепты...»

Вам смешно?..

Материал о книгах издательства «Искусство» подготовила Н. ЗАГАЛЬСКАЯ

ФРАГМЕНТАРНЫЙ КРОССВОРД

Ремарки после цитат:
А — автор; Нз — название произведения; П — персонаж.

ПО ГОРИЗОНТАЛИ:

5. «Разрешаю я тебе — живи!
Только я с тобою рядом буду,
Вечно буду около Любви!» — А.

7. «...он вспомнил все сразу — и романы Веры Иосифовны, и шумную игру Котика, и остроумие Ивана Петровича, и трагическую позу Павы, и подумал, что если самые талантливые люди во всем городе так бездарны, то каков же должен быть город». — П. **8.** «Справедливый сказ в Китае на скале начертан так: «Кто себе друзей не ищет, самому себе он враг!» — А.

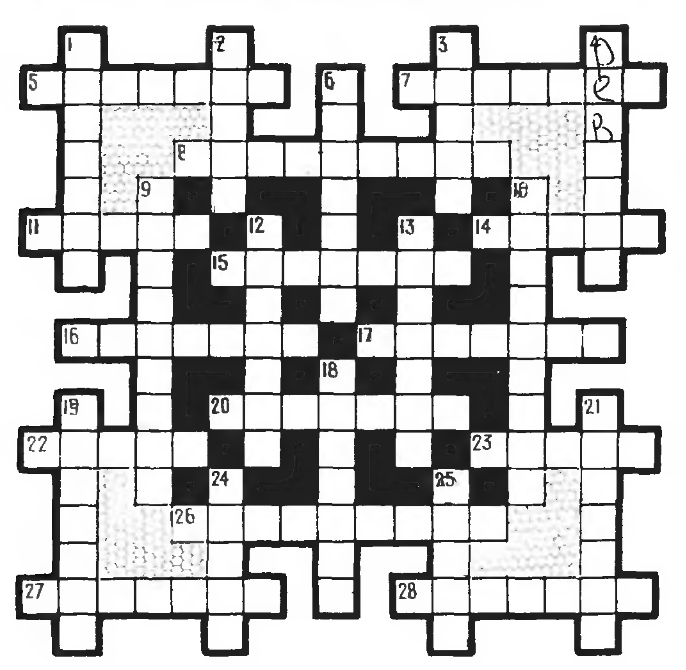
11. «Здравствуй, Месяц Месяцович!
Я — Иванушка Петрович!» — А.

14. «И для тебя с звезды восточной
Сорву венец я золотой;
Возьму с цветов росы полночной,
Его усыплю той росой...« — Нз.

15. «Ну, хочешь, я завтра откажусь от поединка, извинюсь перед ним? Сделать это?» — П. **16.** «Видали вы когда-нибудь глаза, словно присыпанные пеплом, наполненные такой неизбывной смертной тоской, что в них трудно смотреть? Вот такие глаза были у моего случайного собеседника». — П. **17.** «На нем было старое зеленое пальто, на поясе болтались щипцы, крючки и шпильки. В руках он держал жестяную банку и сачок». — П.

20. «Здесь Озеров с Расином,
Руссо и Карамзин,
С Мольером-исполином
Фонвизин и Княжнин». — Нз.

22. «Но еще долго стояли и слушали, как отвечал Сверчок на расспросы кухарки о том, донес ли он сына до села, чем кончилось дело». — А. **23.** «Вот рыбка свежая, румяная, сладкая, сахарная! Покупатели, привлеченные звонким голосом и небывалым перечислением всех качеств рыбы, смеясь, подходили к девочке». — Нз.

26. «Американская пресса распространила сенсационное сообщение, что «Космос» *имеет намерение отвоевать первенство* у «Мавритании» и поставить рекорд скорости на Атлантике». — А. **27.** «Еще ребенком он умел уже отказать себе во всем. Из данной отцом полтины не издержал ни копейки, напротив — в тот же год сделал к ней приращения... слепил из воску снегиря, выкрасил его и продал очень выгодно». — П. **28.** «Среди кустарей с мотором... Виктор Михайлович... был самым непроворным и чаще других попадавшим впросак. Причиной этого служила его чрезмерно кипучая натура. Это был кипучий лентяй». — П.

ПО ВЕРТИКАЛИ: **1.** «Во Франции и во Фландрии мне дали прозвище «Паж с бархатной сумкой» — из-за мешочка, который я всегда ношу на боку. Но мое настоящее имя...» — П. **2.** «Он вынул руку, обмотанную плащом. Зеленый плащ развевался, как знамя. С этим же плащом, в этом же трико, сшитом из желтых и черных треугольников, народ привык его видеть во время представлений на ярмарках и воскресных гуляньях». — П. **3.** «Лифтер — Сай Левин — перевел ручку переключателя на «спуск». Не успел он это сделать, как раздался скрежет покореженного металла, и кабина лифта номер четыре, потеряв управление, полетела вниз». — Нз. **4.** «Мало того что пойдешь в посмешище — найдется щелкопер, бумагомарака, в комедию тебя вставит». — Нз. **6.** «Они везли останки погибшего вождя на виллу любившей его женщины, чтобы избавить от поругания, на которое обрекла бы их наглая дерзость победителей». — Нз. **9.** «...он ему на этот раз показался весьма похожим на средней величины медведя... Нужно же такое странное сближение: его даже звали Михайлом Семеновичем». — П. **10.** «Когда пора было выходить, Похронь дал ей визитную карточку на бристольском картоне. «Ева Побратынская», — с удовольствием прочла она». — А. **12.** «Я сам представлюсь! — сказал Марк... пятнадцатого класса, состоящий под надзором полиции чиновник, невольный здешнего города гражданин!» — П.

13. «И рад бежать, да некуда... ужасно!
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста». — П.

18. «Впервые влечение к книгам зародилось во мне благодаря удовольствию, которое я получил от рассказов Овидия в его «Метаморфозах» (высказывание). — А. **19.** «А танки все равно еще будут через такие мосты перелетать и через рвы будут прыгать». — П. **21.** «Зараженный примером одного из моих дядей, который любил декламировать стихи, то есть читать их нараспев, я принялся подражать ему... Самое любимое мое дело было читать ей вслух «Россияду» — А. **24.** «Анна Сергеевна и он любили друг друга, как очень близкие, родные люди, как муж и жена, как нежные друзья... и точно это были две перелетные птицы, самец и самка, которых поймали и заставили жить в отдельных клетках». — А. **25.** «...рабочие руки все могут! Кое в порошок сомнут, кое по крупинкам соберут да мяконько прогладят — вот и выйдет цельный камень небывалой радости. Всему миру на диво. И на поученье — тоже». — А.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, ОПУБЛИКОВАННЫЙ В № 2

ПО ГОРИЗОНТАЛИ: 3. Симонов («Суворов»). 6. Соллогуб («Тарантас»). 7. Воейкова («К Светлане», И. Козлов). 8. Богомолов («Момент истины»). 14. Геркулес («Пятнадцатилетний капитан»). 15. Симонсон («Воскресение»). 16. Твардовский («За далью — даль»). 19. Карамзин (изречение). 20. «Тростник» (М. Лермонтов). 23. Верейский («Дубровский»). 24. Андерсен («Мотылёк»). 25. Паганель («Дети капитана Гранта»). 26. «Телефон» (Н. Носов).

ПО ВЕРТИКАЛИ: 1. «Хирургия» (А. Чехов). 2. Головлев («Господа Головлевы»). 4. Полинька («Полинька Сакс», А. Дружинин). 5. «Светлана» (В. Жуковский). 9. Матусовский («Летите, голуби»). 10. Бальтазар («Человек-амфибия»). 11. Измайлова («Леди Макбет Мценского уезда»). 12. Селифан («Мертвые души»). 13. «Солярис» (С. Лем). 17. Мальвина («Золотой ключик...»). 18. Стендаль («Ванина Ванини»). 21. Тургенев («Ася»). 22. Некрасов («Крестьянские дети»).

МЕНЮ ЛИТЕРАТУРНЫХ ГЕРОЕВ

Накрыли. Весь старонемецкий стол
Найдется здесь, вероятно.
Сердечный привет тебе, свежий салат,
Как пахнешь ты ароматно!

Каштаны с подливкой с капустных листах,
Я в детстве любил не вас ли?
Здорово, моя родная треска
Как мудро ты плаваешь в масле!

Кто к чувству способен, тому всегда
Аромат его родины дорог.
Я очень люблю копченую сельдь,
И яйца, и жирный творог!

Генрих Гейне

Отправимся вслед за поэтом в небольшое путешествие по немецкому столу. В провожатые пригласим бабушку Мартина из романа Г. Белля «Дом без хозяина». Она считала, что обеды в национальных ресторанах должны стать неотъемлемой частью воспитания ребенка. Когда Мартину исполнилось пять лет, бабушка заявила:

— Я хочу тебе показать, как люди едят по-настоящему, — и впервые повела его в ресторан...

Давайте и мы поучимся у бабушки Мартина, как есть по-настоящему. Начнем с супа. Вот, не хотите ли попробовать, типично немецкий суп из говяжьих хвостов. Это блюдо вам представляется экзотическим? Что ж, я не настаиваю, пусть для начала это будет хотя бы картофельный суп с сосисками.

1,5 кг очищенного картофеля нарежьте кубиками. Мелко нашинкуйте 1 морковку и 1 стебель лука-порея. В 2 литрах мясного бульона в течение 30 мин. сварите овощи и 4 сосиски (не обязательно вестфальские) на среднем огне. После этого добавьте 125 г сливок, соль и перец по вкусу. Затем сосиски выньте из бульона, а овощи протрите через сито вместе с бульоном, в котором они варились. Да, не забудьте оставить целыми несколько кусочков картофеля. Положите сосиски целиком в готовый суп, добавьте нарезанный кубиками и поджаренный до золотистого цвета вместе с тонко нарезанными ломтиками репчатого лука белый хлеб. Тут же подавайте на стол.

Надо сказать, что бабушка Мартина была весьма разборчива в еде: «*Она заказывала огромные куски жаркого, обнюхивала их, ножом и вилкой проверяла их мягкость и бесцеремонно отправляла обратно, если мясо не соответствовало ее вкусу*». Следуя бабушкиному меню, я охотно предложил бы вашему вниманию, ну, например, бифштекс *по-гамбургски, или корейку по-немецки, или* блюда с такими малопривычными названиями, как шморбратен или шнель-клопс. Но *после такого супа — снова мясо?* Нет, давайте лучше выберем рыбу, и пусть это будет не шницель из сома и не карп в пиве (*не правда ли, вы сразу вспомнили о* говяжьих хвостах?), а просто треска в желтом соусе (кстати, это мекленбургское блюдо).

Филе трески (1,5 кг) нарежьте на куски, посолите, поперчите и оставьте часа на два. Затем сложите в кастрюлю, добавьте туда 1/2 корня сельдерея, нарезанного ломтиками, пару корешков петрушки и половину луковицы. Залейте все водой так, чтобы она покрыла куски рыбы, затем добавьте 250 г сливочного масла. Прогрейте все в течение 10 мин. на медленном огне. 6 сваренных вкрутую желтков разомните с 2-мя столовыми ложками уксуса, 2 ч. ложками сахарного песка и 2 ч. л. картофельного крахмала. Достаньте рыбу из соуса, в котором она варилась, а сам соус вскипятите и процедите. Добавьте к нему подготовленную яичную смесь, снова нагрейте, но уже не кипятите. Залейте горячие куски соусом и подавайте на стол с отварным картофелем.

«Затем шли пять различных салатов, которые она сама совершенствовала путем длительных манипуляций с приправами, которые ей подавали в бутылочках, в таинственных серебрянных кувшинчиках, в медных капельницах, и столь же длительных переговоров с официантами о свойствах приправ». Кстати, приправы и пряности применяются в немецкой кухне умеренно, поэтому, она подойдет тем, кто предпочитает неострые блюда.

Итак: рейнский салат с сельдью. Предупреждаю сразу, вам предстоит немало работы, *пока вы все нарежете, но зато потом* целая миска салата в холодильнике сторицей воздаст вам за ваш труд.

Небольшими *одинаковыми ломтиками* нарежьте филе сельди (возьмите штук 5), 200 г жареной телятины, 20 г свеклы (она придаст салату розовый цвет), 3 корнишона, 200 г отварного картофеля, 2 кислых яблока и 4 сваренных вкрутую яйца. Мелко нашинкуйте 1 луковицу, а 50 г очищенных грецких орехов крупно изрубите. Соедините все в большой миске. Для соуса смешайте 4 ст. л. майонеза, 150 г сметаны, 1 ст. л. свекольного сока, 3 ст. л. уксуса, 1/2 ч. л. перца и по 1 ч. л. соли и сахара. В конце неплохо бы добавить 2 ст. л. каперсов. Накройте *крышкой и* оставьте на ночь. Перед подачей на стол еще раз попробуйте; если салат слишком загустел добавьте немного свекольного сока и украсьте четвертинками крутых яиц. Рейнский черный хлеб с маслом — неотъемлемая принадлежность этого блюда, я думаю, что и наш бородинский тоже будет неплох.

«Но картофель, вкусный картофель, доставался ему очень редко: картофель, только что отваренный в мундире или очищенный, дымящийся, желтый, с маслом и солью. Картофель он очень любил, но никто не знал об этом». И, хоть бабушка Мартина и презирала это блюдо, давайте попробуем картофель с укропом по-нижнесаксонски.

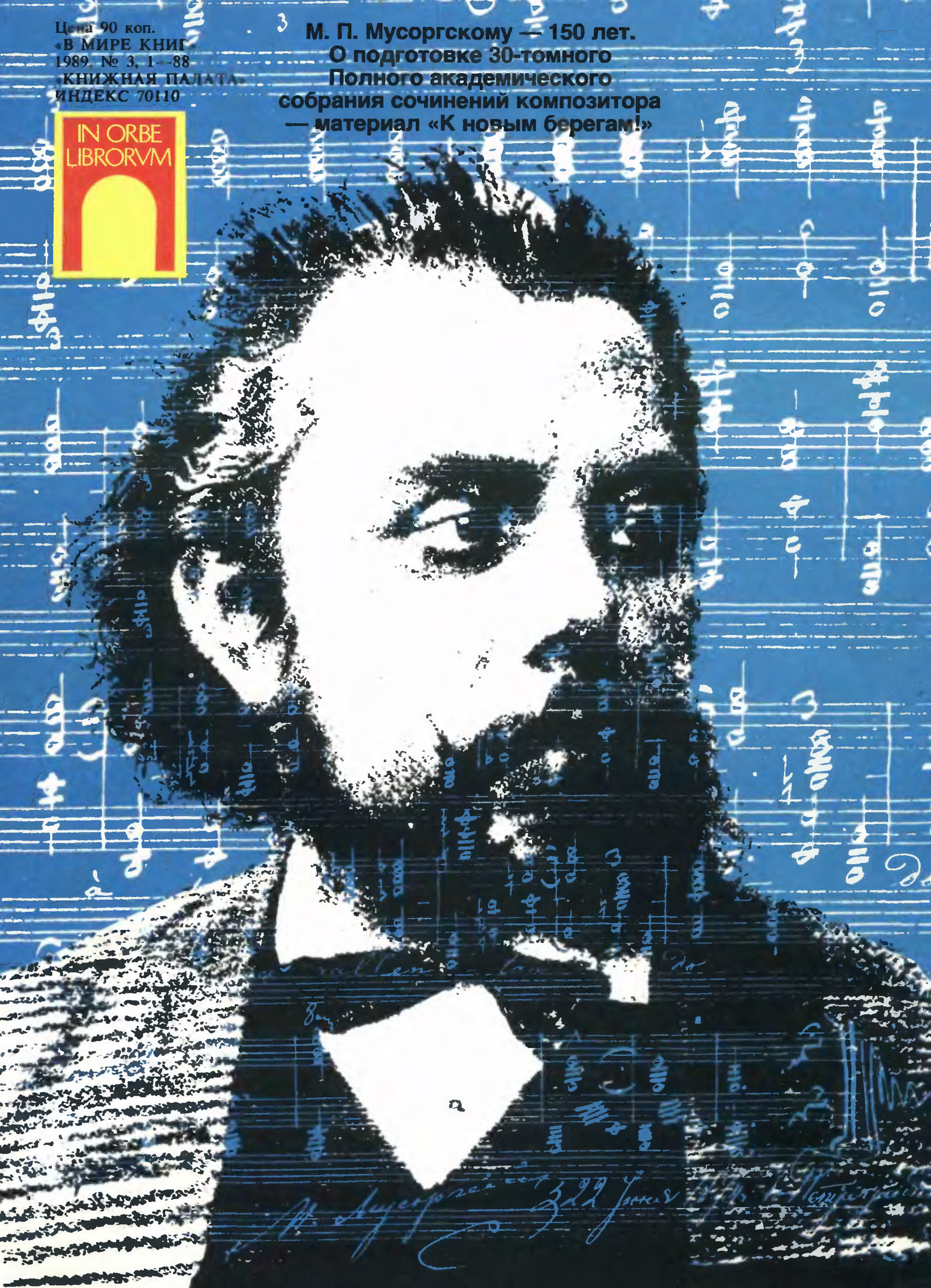
Вымойте 1 кг картофеля и сварите в мундире. Еще горячий картофель очистите от кожуры и нарежьте довольно крупными кусочками. В двух ст. ложках сливочного масла подрумяньте 2 ст. л. муки, добавив пол-литра мясного бульона и стакан молока. Вымойте и мелко нарежьте побольше свежего укропа, оставив несколько веточек для украшения. Добавьте соль, сахар и перец. Осторожно перемешивая, прогрейте кусочки картофеля в соусе, а затем добавьте к нему стакан взбитых сливок. Украсьте веточками укропа и подавайте с зеленым салатом.

Ну, а на десерт бабушке приносили «высокие бокалы с мороженым, увенчанные пышной шапкой взбитых сливок», и конечно, неизменный кофе. Вот несколько необычный рецепт, рассчитанный на одну большую чашку: **хорошо смешайте 1 желток, 1 ст. л. *сахарного песка и рюмку коньяку*. Влейте в чашку, добавьте туда крепко сваренный черный кофе (1/4 объема этой чашки) и столько же горячего молока. Кофе под названием «императорский меланж» готов.**

Если предложенные блюда немецкой кухни вам придутся по вкусу, то в одном из следующих выпусков мы продолжим наше путешествие.

С. СМЕЛЯНСКИЙ

Цена 90 коп.
«В МИРЕ КНИГ»
1989, № 3, 1—88
«КНИЖНАЯ ПАЛАТА»
ИНДЕКС 70110
IN ORBE LIBRORVM
М. П. Мусоргскому — 150 лет.
О подготовке 30-томного
Полного академического
собрания сочинений композитора
— материал «К новым берегам!»